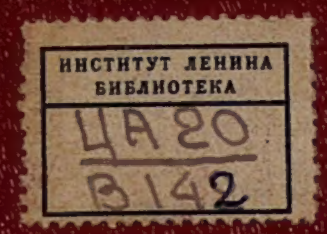
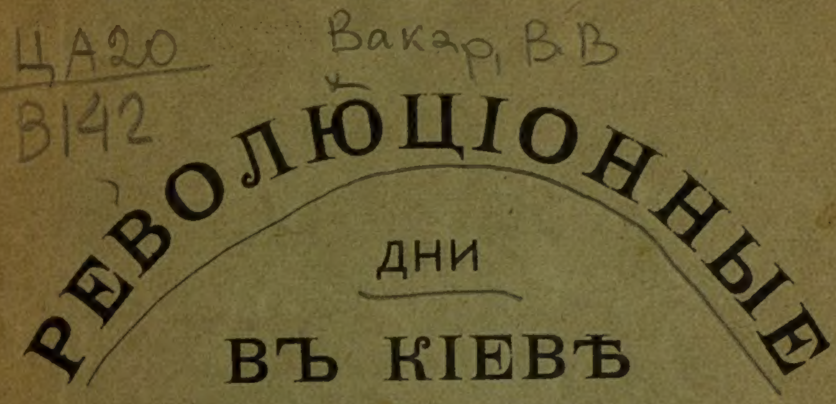


Geschichte des Generalstreiks in Kiew.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!



Революціонные дни въ Кіевѣ

(Исторія Кіевской стачки)

Б. ПРАВДИНА.

Съ приложеніемъ статьи В. И. ЗАСУЛИЧЪ

О ЧЕМЪ ГОВОРЯТЪ НАМЪ ІЮЛЬСКІЕ ДНИ?

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1903

Отъ автора.

Матеріаломъ для настоящей брошюры мнѣ послужили собственныя мои наблюденія во время всеобщей стачки въ Кіевѣ, разсказы товарищей, письменныя показанія нѣкоторыхъ рабочихъ и другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями самыхъ острыхъ моментовъ борьбы кіевскаго пролетаріата, мѣстныя газеты, нелегальныя изданія и, наконецъ, воспоминанія о дѣятельности Кіевскаго Комитета Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи, членомъ котораго я состою. Ограничиться описаніемъ однихъ лишь внѣшнихъ проявленій стачечной борьбы — мнѣ казалось невозможнымъ. Стремясь къ тому, чтобы опытъ нашего Комитета во время минувшихъ событій не прошелъ безслѣдно для другихъ партійныхъ организацій, я считалъ необходимымъ довольно подробно остановиться на его дѣятельности во время стачки. Споры, имѣвшіе мѣсто въ Комитетѣ, мнѣнія отдѣльныхъ товарищей, колебанія и разногласія, возникавшія въ нашей средѣ съ развитіемъ событій, записаны мною безъ утайки въ настоящей брошюрѣ.

Значительное количество свидѣтельскихъ показаній, которыми я пользовался при описаніи событій, даютъ мнѣ основаніе думать, что существенныя неточности не вкрались въ мое изложеніе. При описаніи всего, происходившаго въ средѣ Комитета, я также старался быть возможно болѣе точ-

нымъ и лишь по понятнымъ конспиративнымъ соображеніямъ долженъ былъ измѣнить нѣкоторыя мелкія детали и принужденъ былъ вовсе не касаться цѣлаго ряда интересныхъ фактовъ изъ области тѣхъ преслѣдованій, которыя были предприняты кіевскими „заптіями“ противъ нашей организаціи.

Предназначая мою брошюру преимущественно для обращенія въ рабочей средѣ, я старался придать ей по возможности агитаціонный характеръ.

Б. Правдинъ.

Революціонные дни въ Кіевѣ.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ СТАЧКИ.

„Рабочіе скрестили руки, чтобы добиться справедливости".

Эмиль Вандервельдъ.

I.

Борьба начинается.

17-го іюля 1903-го года, позднимъ вечеромъ, въ густомъ сосновомъ лѣсу, находящемся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Кіева, состоялось засѣданіе Кіевскаго Соціальдемократическаго Комитета. Въ городѣ трудно было достать квартиру для собранія. Между тѣмъ, устроить засѣданіе было необходимо; поэтому было рѣшено собраться на свѣжемъ воздухѣ. Необходимо было обсудить сообща крайне важный вопросъ, вопросъ объ устройствѣ всеобщей стачки.

Мы забрались въ порядочную таки глушь. Кругомъ было пустынно и тихо. Временами тишину нарушалъ порывъ вѣтра, качавшій верхушки деревьевъ и наполнявшій лѣсъ тревожнымъ ропотомъ. Непроглядная темень царила вокругъ.

Мы старались говорить въ полголоса, но, увлекшись, мы временами говорили разомъ, и этотъ полу-подавленный гулъ голосовъ производилъ странное, непривычное впечатлѣніе. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхивали огоньки отъ папиросъ и осмѣщали лица говорившихъ. Луна выглянула изъ-

за тучъ; большія мутныя пятна забѣгали по землѣ и въ это время яснѣе вырисовалась изъ темноты наша небольшая группа, расположившаяся на крошечной полянкѣ подъ молодымъ дубомъ. Со всѣхъ сторонъ полянка была окружена кустами молодого орѣшника. Большая часть изъ насъ полулежала, причемъ наши головы сходились, а туловища и ноги уходили куда-то въ глубь кустовъ.

Первымъ говорилъ организаторъ стачки, опытный и травленный соціальдемократъ, видавшій всякіе виды.

Вѣсти съ юга были не особенно утѣшительны для партіи: стачечное движеніе, охватившее Кавказъ и перебросившееся въ Одессу не имѣло вполнѣ организованнаго характера, началось повидимому стихійно и не пріобрѣло въ достаточной степени сознательно-политической окраски. Почва для устройства стачки въ Кіевѣ имѣется, но важно обсудить принципіальный вопросъ, слѣдуетъ-ли ее организовать, если Комитетъ не сможетъ придать ей ярко-политической окраски и все время руководить ею, сохраняя свою власть надъ стачечниками.

Такова въ общихъ чертахъ была постановка вопроса, сдѣланная организаторомъ стачки, товарищемъ Алексѣемъ.

Мнѣнія раздѣлились.

Нѣкоторые, вмѣстѣ съ докладчикомъ, держались того взгляда, что устраивать стачку стоитъ лишь въ томъ случаѣ, если Комитетъ придастъ ей политическую окраску путемъ устройства митинговъ съ политическими рѣчами. По ихъ мнѣнію, осуществленіе такого плана было вещью вполнѣ достижимой.

Другіе-же полагали, что грандіозное стачечное движеніе послѣднихъ дней уже само по себѣ имѣетъ крупнѣйшее значеніе. Поэтому, въ случаѣ еслибы даже Комитетъ и не могъ вполнѣ разсчитывать на устройство митинговъ, возможность которыхъ во всякомъ случаѣ сомнительна, ему всетаки слѣдуетъ попытаться присоединить Кіевъ къ всеобщей стачкѣ, воспитательное и терроризующее значеніе ко-

торой безспорно. Нельзя также упускать изъ виду и возможности ближайшихъ крупныхъ экономическихъ пріобрѣтеній. Правительство боится стачекъ и, вѣроятно, пойдетъ на всяческія уступки, лишъ бы только уничтожить броженіе. Побѣда рабочихъ, вполнѣ возможная, сильно подняла бы въ ихъ глазахъ авторитетъ и престижъ соціальдемократіи. Нужно помнить также, что рабочіе и сами понимаютъ политическое значеніе всеобщихъ стачекъ; это видно хотя бы изъ того листка, который былъ написанъ организаціей жел.-дор. рабочихъ и напечатанъ Комитетомъ еще зимой. Говоря о политическомъ значеніи всеобщей стачки, вовсе не слѣдуетъ разумѣть только то ея значеніе, о которомъ заявилъ лѣтъ двадцать тому назадъ Желябовъ, воскликнувъ: „въ Россіи всякая стачка есть политическое событіе!“ Если для тѣхъ временъ замѣчаніе Желябова было справедливо, то теперь оно справедливо въ значительно большей степени. Теперешняя всеобщая стачка, въ отличіе отъ предшествующихъ стачекъ, носитъ ясно выраженный характеръ *непосредственной* борьбы съ правительствомъ; въ этомъ ея главная цѣль и значеніе. Мы должны использовать ее по возможности шире, прояснивъ ея антиправительственный характеръ и выдвинувъ его на первый планъ. Это лежитъ на нашей обязанности, какъ представителей революціонной соціальдемократіи. Поэтому, мы не окажемся на высотѣ положенія и не исполнимъ нашего соціальдемократическаго долга, если не попытаемся при наличности имѣющихся данныхъ начать всеобщую стачку, хотя бы мы и не были вполнѣ увѣрены въ возможности политическихъ митинговъ.

Такія, примѣрно, соображенія были развиты нѣкоторыми изъ насъ.

Какъ бы то ни было, мнѣнія всѣхъ сошлись на томъ, что устройство всеобщей стачки весьма желательно и, притомъ, по возможности, съ политическими собраніями.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ въ утвердительномъ смыслѣ, Комитетъ перешелъ къ обсужде-

нію вопроса о практическомъ осуществленіи принятаго имъ рѣшенія. Вопросъ расчленялся на двѣ части: во 1-хъ, требовалось разработать планъ проведенія стачки и возможно широкаго распространенія ея на весь Кіевъ и, во 2-хъ, нужно было обсудить тѣ мѣры, какія могутъ быть приняты Комитетомъ для приданія стачкѣ политическаго характера.

Что касается перваго вопроса, то онъ былъ уже детально разработанъ товарищемъ Алексѣемъ, совмѣстно съ организованными жел.-дор. рабочими.

Планъ былъ превосходный, вполнѣ осуществимый и, вообще говоря, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Предполагалось, что въ понедѣльникъ, 21 іюля, жел.-дор. рабочіе по обыкновенію явятся въ мастерскія и станутъ на работы. Въ половинѣ девятаго сборный цехъ, наиболѣе сознательный, броситъ работу и кто-нибудь, проникнувъ въ паровое отдѣленіе, дастъ тревожный гудокъ. По правиламъ, всѣ рабочіе мастерскихъ, численностью около 2700 человѣкъ, должны моментально бросить работу и высыпать на дворъ. Здѣсь будутъ разбросаны и прочитаны листки Комитета, послѣ чего будетъ провозглашена забастовка.

До понедѣльника состоится еще общее собраніе всѣхъ организованныхъ жел.-дор. рабочихъ, на которомъ будетъ проведенъ этотъ планъ и будутъ выработаны требованія рабочихъ.

— А сколько организованныхъ рабочихъ думаете вы пригласить на это подготовительное собраніе? — спросилъ кто-то изъ насъ Алексѣя.

— Могло-бы прійти около ста человѣкъ, — отвѣтилъ тотъ, — но въ конспиративномъ отношеніи удобнѣе будетъ пригласить человѣкъ 50. Этого будетъ вполнѣ достаточно. У Донского Комитета было всего человѣкъ 20 организованныхъ рабочихъ передъ началомъ ростовской стачки.

— Важно еще то, — замѣтилъ товарищъ Василій, что настроеніе рабочей массы въ мастерскихъ крайне возбужденное. Всѣ говорятъ объ одесской

стачкѣ и даже многіе старики, мелкіе собственники, такъ называемые „Соломенцы", имѣющіе по домику на Соломенкѣ, возмущаются существующими порядками.

— Одинъ вокзальный служащій разсказывалъ мнѣ сегодня характерный для общаго настроенія рабочихъ фактъ: въ квартирѣ у начальника кіевскаго жел.-дор. жандармскаго управленія, Захарьяшевича, испортилась ванна. Захарьяшевичъ проситъ начальника мастерскихъ прислать ему слесаря, чтобы починить ее.

Приходитъ слесарь, но узнавъ, что работать нужно на жандарма отказывается, складываетъ инструменты и удаляется. Тогда начальникъ мастерскихъ призываетъ мастера слесарнаго цеха и приказываетъ ему прислать какого-нибудь другого рабочаго. Мастеръ съ большимъ смущеніемъ заявляетъ, что это невозможно.

— Какъ такъ? — удивляется начальникъ.

Мастеръ жмется и, наконецъ, заявляетъ, что изъ числа его рабочихъ ни одинъ не пойдетъ поправлять ванны жандарму. Пришлось пригласить слесаря со стороны.

Изъ разсказовъ другихъ товарищей выяснилось, что, кромѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, можно разсчитывать еще на типографщиковъ, булочниковъ, жестянниковъ, рабочихъ южно-русскаго завода и, можетъ быть, на вагоновожатыхъ. Всѣ они, по всей вѣроятности, присоединятся къ стачкѣ. Относительно остальныхъ, ничего въ точности неизвѣстно.

Но какъ придать стачкѣ болѣе яркую политическую окраску? Самая *всеобщность* стачки, внѣ всякаго сомнѣнія, имѣла-бы политическое значеніе. Она свидѣтельствовала-бы не только о классовой солидарности кіевскаго пролетаріата на почвѣ экономическаго угнетенія, но заключала-бы въ себѣ также и сѣмена политическаго протеста.

Но этого мало. Всѣ сходились на томъ, что прояснить, вскрыть и по возможности расширить

это политическое значеніе стачки лежитъ на обязанности Комитета, какъ руководителя движенія.

Какъ же этого достигнуть? — Листками? — Само собой разумѣется. Но этого, опять таки, слишкомъ мало. Политическими собраніями? — Но располагаемъ-ли мы достаточными силами?

Не смотря на лѣтнее время, когда комитеты страдаютъ обыкновенно безлюдьемъ, въ данную минуту этого про Кіевскій Комитетъ нельзя было сказать. Почти всѣ его члены были на лицо, тогда какъ въ предшествующіе годы лѣтняя работа сплошь и рядомъ взваливалась на плечи одного, двухъ нашихъ товарищей. Явленіе это крайне характерное, свидѣтельствующее объ экзотичности и неприспособленности нашего движенія. Въ то время, какъ въ Германіи, хотя-бы, въ періодъ господства исключительныхъ законовъ противъ соціальдемократовъ, лѣто являлось самымъ горячимъ временемъ агитаціи, у насъ оно является періодомъ застоя. Мы совершенно не умѣемъ утилизировать легкой возможности устраивать безпрепятственно собранія во всѣхъ тѣхъ дикихъ, пустынныхъ мѣстахъ, которыя въ такомъ изобиліи окружаютъ всѣ наши даже самые большіе города.

Прошедшее лѣто составляло исключеніе. Нельзя сказать, чтобы работа велась интенсивнѣе, чѣмъ зимой, и что преимущества лѣтняго времени были-бы использованы, но недурно было и то, что, во всякомъ случаѣ, ослабленія работы не наблюдалось и велась она въ такомъ-же объемѣ, какъ и зимой.

Итакъ, организаторомъ былъ поднятъ вопросъ о наличныхъ силахъ.

— Есть-ли у насъ ораторы? Кто согласенъ выступать на сходкѣ?

Немедленно одинъ изъ присутствующихъ — Василій, изъявилъ свое согласіе говорить на общихъ сходкахъ.

Кромѣ него имѣлся въ виду одинъ изъ отсутствующихъ пропагандистовъ.

Первое большое собраніе предполагалось устроить въ понедѣльникъ утромъ, немедленно послѣ

провозглашенія стачки въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Организованные рабочіе должны были направить всѣхъ забастовщиковъ въ поле на гору, находящуюся въ 10 минутахъ ходьбы за мастерскими.

Удастся-ли во время стачки устроить политическую демонстрацію — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ ту минуту этого вопроса рѣшать не приходилось.

— Мы должны завалить городъ прокламаціями — сказалъ товарищъ Злобинъ, — поставимъ нашу запасную типографію.

Всѣ подхватили это предложеніе; къ несчастію, оно было неосуществимо. Я зналъ это: типографія была запрятана товарищемъ, котораго теперь не было въ Кіевѣ; онъ одинъ зналъ мѣсто, гдѣ она хранилась.

— Намъ слѣдуетъ до стачки издать листокъ къ солдатамъ — сказалъ товарищъ Денисъ.

— Возможно, что войска будутъ пущены въ ходъ. Въ такой острый моментъ наша агитація будетъ имѣть успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, листокъ читаться будетъ. Связи съ солдатами у насъ есть. Я предлагаю вотъ этотъ проектъ. Съ этими словами Денисъ вынулъ рукопись. Листокъ оказался хорошимъ и рѣшено было издать его. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ времени, постановленіе это не было приведено въ исполненіе.

Такіе, примѣрно, вопросы были обсуждены нами въ нѣсколько безпорядочной формѣ въ засѣданіи 17-го іюля.

Было уже поздно. Дальнѣйшее пребываніе въ лѣсу становилось небезопаснымъ. Нѣсколько разъ мы слышали какой-то подозрительный шумъ въ ближайшихъ кустахъ, напоминавшій шумъ осторожныхъ шаговъ.

Мы условились о тѣхъ квартирахъ, гдѣ будемъ встрѣчаться въ послѣдующіе дни. На одной квартирѣ должны были встрѣчаться члены Комитета, имѣющіе отношеніе къ редакціонной группѣ, на другой долженъ былъ постоянно находиться орга-

низаторъ стачки, Алексѣй. Кромѣ того, мы условились другъ съ другомъ относительно пароля, на случай, если пришлемъ незнакомаго человѣка, относительно корректуръ, цѣлой системы передачъ отпечатанныхъ листковъ, полученія требованій и другихъ рукописей.

Пожавъ другъ другу руки, мы углубились въ чащу лѣса и разошлись въ разныя стороны. Каждому изъ насъ предстояло еще длинное путешествіе.

Городъ блисталъ вдали яркими огнями. Разными путями мы шли къ нему. Не смотря на далекое разстояніе, до насъ доносились свистки паровозовъ и пароходовъ и смѣшанный неясный гулъ засыпающаго города. Чувствовалось, что тамъ бьетъ жизнь, кипитъ борьба. Казалось, что какое-то большое чудовище, блистая сотнями глазъ, глухо ворчитъ, отстаивая свои права на мѣщанскую сытость и довольство, на молчалинскую умѣренность и аккуратность. Вдали — это чудовище, а тутъ — мы, небольшая кучка всѣми гонимыхъ людей, затерянная въ глухомъ величественномъ сосновомъ лѣсу, подавляющемъ своей силой и могуществомъ. Но мы не чувствовали себя оторванными отъ бившей тамъ жизни; живыми нервами мы были связаны съ пульсомъ ея, съ тѣмъ ключемъ живой воды, который билъ среди городской сутолоки. Эта живая связь вливала въ душу бодрость и отвагу, давала намъ вѣру въ возможность побѣды въ этомъ первомъ крупномъ сраженіи, которое долженъ дать кіевскій пролетаріатъ угнетателямъ народа.

Въ приподнятомъ настроеніи возвращались мы въ городъ.

II.

Подготовительная работа.

Всѣ три послѣдующіе дня, отдѣлявшіе насъ отъ понедѣльника, были посвящены нами подготовительной работѣ.

Настроеніе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ было тревожное: въ субботу фактически почти никто уже не работалъ. Всѣ стояли на своихъ мѣстахъ, около станковъ и возбужденно разговаривали. Узнавъ объ этомъ, желѣзнодорожное начальство прислало для успокоенія рабочихъ нѣсколько мастеровъ. Не успѣли они появиться въ цехахъ и произнести по нѣсколько словъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались возмущенные крики: вонъ, долой! Многіе хотѣли сразу бросить работу, но организованные убѣдили ихъ обождать до понедѣльника, когда будутъ выставлены требованія.

Благополучно состоялось собраніе организованныхъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ. Прошло оно чрезвычайно хорошо, не возбудивъ вниманія властей, не прослѣженное шпіонами. Ораторами на этомъ собраніи выступали Алексѣй и другой интеллигентъ. Оба они особенно настаивали во время этого собранія на необходимости устроить политическіе митинги. Весь планъ провозглашенія стачки, выработанный Комитетомъ, былъ принятъ рабочими безъ измѣненій. Совмѣстными силами былъ выработанъ листокъ съ требованіями, который былъ отпечатанъ Комитетомъ на слѣдующій же день, въ количествѣ 1500 экз. Листокъ былъ написанъ рукой рабочаго. Вотъ его содержаніе:

КЪ БОРЬБѢ!

Ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ г. Кіева.

„Вставай, подымайся, рабочій народъ!
„Вставай на враговъ, братъ голодный!“

Товарищи! Бросайте немедленно работу. Наши одесскіе и бакинскіе товарищи ждутъ нашей поддержки. Дружно присоединимся къ нимъ и выставимъ свои требованія:

1. Восьмичасовой рабочій день.
2. Увеличеніе расцѣнки на 40-50 процентовъ. Вывѣсить расцѣнку на видномъ мѣстѣ.
3. Полная поденная плата за табельные дни.
4. Выдача полной поденной платы во время болѣзни.
5. Прибавка жалованья четыре раза въ годъ.
6. Увеличеніе жалованья молотобойцамъ до одного рубля.
7. Наименьшій окладъ жалованья взрослому рабочему послѣ сдачи пробы 1 рубль 20 коп.

8. Вѣжливое обращеніе.

9. Удаленіе помощника завѣдующаго вагоннымъ цехомъ Хлѣбородова, помощника мастера Голембіовскаго, помощника мастера сборнаго цеха Кононенко и монтера сборнаго цеха Ксенопуло.

10. Удаленіе „коптилокъ" и замѣна ихъ болѣе гигіеничнымъ освѣщеніемъ.

11. Устройство вентиляціи.

12. Не топить котловъ въ помѣщеніи мастерскихъ.

13. Расширеніе помѣщенія кузнечнаго цеха.

14. Обращать болѣе вниманія на учениковъ.

15. Выдача безплатныхъ билетовъ по чужимъ дорогамъ.

Товарищи! Держитесь стойко всѣ, какъ одинъ человѣкъ! Не сдавайтесь до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены *всѣ* наши требованія.

Въ единеніи наша сила, въ борьбѣ обрѣтемъ мы счастье!

Кіевскій Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.
21 іюля 1903 года.

Одновременно съ этимъ былъ отпечатанъ общій листокъ съ призывомъ къ забастовкѣ, написанный товарищемъ Алексѣемъ:

КЪ БОРЬБѢ!

„Всѣ машины не грохочутъ,
Коль твоя рука не хочетъ".

Товарищи! Всѣмъ намъ еще памятна знаменитая стачка ростовскихъ и тихорѣцкихъ рабочихъ въ концѣ прошлаго года. Всѣмъ намъ памятна геройская борьба ростовскихъ товарищей противъ эксплуатаціи и безчинствъ царскаго правительства. Въ короткое время забастовка превратилась въ цѣлый рядъ политическихъ собраній, куда стекались десятки тысячъ изъ рабочихъ и другихъ слоевъ общества, открыто требуя низверженія самодержавія, требуя политической свободы. Мирно начатая забастовка перешла чуть ли не въ народное возстаніе, собранія кончались настоящими битвами между стачечниками и казацкими отрядами, и не разъ подъ дружнымъ напоромъ тысячъ рабочихъ казаки обращались въ бѣгство. Разсвирѣпѣвшее правительство съ яростью раненаго звѣря набросилось на стачечниковъ и выпустило противъ рабочихъ всѣ свои темныя силы: десятки рабочихъ убиты ружейными выстрѣлами, озвѣрѣвшіе казаки насиловали ихъ женъ и дочерей, убивали младенцевъ, расхищали ихъ жалкіе пожитки; сотни рабочихъ были высланы изъ города. Подлому правительству удалось на этотъ разъ сломить забастовку — оно на трупахъ своихъ жертвъ торжествовало свою побѣду.

Но мы, соціальдемократы, тогда же заявили, что рано врагъ торжествуетъ, что пораженіе потерпѣли не тѣ, чья кровь была пролита въ этой геройской борьбѣ, не тѣ, кто изнуренные голодомъ съ проклятьемъ снова взялись за работу, затаивъ ненависть къ самодержавнымъ убійцамъ, — *потерпѣло непоправимое*

пораженіе царское правительство. Оно думало потопить въ крови быстро выросшее рабочее движеніе. Но звѣрства правительства открыли глаза самымъ отсталымъ слоямъ рабочей массы и всѣмъ стало ясно, что *для улучшенія своего положенія намъ прежде всего необходимо сокрушить своего главнаго врага — царское правительство.* И ростовскіе товарищи показали это своей демонстраціей: свыше восьми тысячъ рабочихъ подъ краснымъ знаменемъ соціальдемократіи требовали низверженія самодержавія.

Ростовскія звѣрства никого не устрашили, они еще болѣе закалили сильныхъ и смѣлыхъ, сдѣлали ихъ еще болѣе непримиримыми борцами за рабочее дѣло. Стачечная борьба перекинулась съ береговъ Дона въ далекую Сибирь, гдѣ рабочіе Омскихъ мастерскихъ своей упорной борьбой заставили администрацію пойти на уступки. Въ мартѣ этого же года вспыхнула забастовка въ Златоустѣ. Явился губернаторъ, явились войска. Губернаторъ, генералъ Богдановичъ предложилъ рабочимъ выбрать для переговоровъ депутатовъ, которыхъ тотчасъ же и арестовали. А когда возмущенные такимъ издѣвательствомъ рабочіе потребовали освобожденія товарищей, губернаторъ приказалъ стрѣлять, не предупредивъ рабочихъ. Въ результатѣ 100 человѣкъ убитыхъ и свыше 200 тяжело раненыхъ. Такихъ звѣрствъ не видывала даже и самодержавная Россія! Но всѣ эти потоки крови не остановятъ и не въ силахъ остановить грозно надвигающейся революціи! Жажда борьбы, сознаніе своей силы охватываетъ рабочихъ всей Россіи и не успѣетъ еще окончиться борьба въ одномъ мѣстѣ, какъ съ новой силой вспыхиваетъ въ другомъ. Такъ въ началѣ этого мѣсяца вспыхнули забастовки почти одновременно въ одесскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и на далекомъ Кавказѣ — въ Баку. Въ Баку забастовку начали рабочіе одного мелкаго завода на нефтяныхъ промыслахъ, къ нимъ примкнули рабочіе всѣхъ нефтяныхъ промысловъ. Забастовка перекинулась на самый городъ. Забастовали рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, рабочіе водоопрѣснителя, электрической станціи, трамвая, всѣхъ типографій и заводовъ. Въ одесскихъ мастерскихъ 1 іюля съ обѣда объявили забастовку котельщики, требуя удаленія помощника мастера Кузьмина и старшаго монтера Каменнаго и возвращенія двухъ уволенныхъ товарищей. Появились жандармы съ начальникомъ мастерскихъ; котельщиковъ пытались застращивать — не дѣйствуетъ. Тогда жандармскій полковникъ заявилъ, что Кузьминъ и Каменный будутъ удалены, если рабочіе станутъ на работу. Но котельщики стойко держались на своемъ. На другой день 2 іюля вывѣшено было объявленіе начальника мастерскихъ, что требованія котельщиковъ не будутъ удовлетворены. Тогда къ котельщикамъ съ утра примкнули всѣ остальные цехи старыхъ мастерскихъ. Рабочіе выработали и предъявили администраціи слѣдующія требованія: 1) девятичасового рабочаго дня, 2) повышенія расцѣнокъ, 3) вѣжливаго обращенія, 4) выдачи безплатныхъ билетовъ по чужимъ дорогамъ, 5) уплаты полнаго жалованья за табельные дни, 6) удаленія Кузьмина и Каменнаго и помощ. маст. вагоннаго

цеха, 7) пять льготныхъ минутъ послѣ обѣденнаго гудка и др. — всего 13 требованій. 3 іюля начальство предложило рабочимъ выбрать для переговоровъ депутатовъ, но одесскіе рабочіе не поддались на эту полицейскую удочку и начальство волей — неволей должно было вести переговоры со всѣми рабочими. Впрочемъ, переговоры ни къ чему не привели. На слѣдующее утро были вывѣшены объявленія за подписью начальника Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ Немѣшаева, въ которыхъ рабочимъ дѣлаются уступки только по мелкимъ требованіямъ: обѣщано повышеніе расцѣнокъ въ котельномъ и нѣкоторыхъ друг. цехахъ; удовлетворены требованія 4, 5, 6, 7; принятъ одинъ уволенный котельщикъ, а другому Немѣшаевъ обѣщалъ дать мѣсто въ Кіевѣ. Что касается самаго важнаго требованія — девятичасоваго рабочаго дня, начальникъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дор. обѣщалъ рабочимъ похлопотать въ министерствѣ. Рабочіе повѣрили ему и стали на работу. „Теперь когда стачка окончена, — пишетъ намъ товарищъ, — мы поняли, что слишкомъ рано сдались, что его превосходительство Немѣшаевъ насъ ловко околпачилъ. Одесскіе рабочіе забыли, что *даже то, что удается вырвать у нашихъ эксплуататоровъ упорной борьбой, они всѣми силами стараются отнять по окончаніи борьбы, когда рабочіе успѣютъ „поостынуть“. Какую же вѣру мы можемъ дать ихъ лживымъ обѣщаніямъ!*“ Къ чести одесскихъ рабочихъ прибавимъ, что они во время поняли свою ошибку и вновь забастовали 11 іюля. Телеграмма отъ 14-го изъ Одессы сообщаетъ, что вслѣдствіе *стачки матросовъ и кочегаровъ* прекратилось пароходное движеніе по Крымской линіи. — Кіевскіе рабочіе! Долго-ли мы еще будемъ терпѣливо и съ рабской покорностью переносить эксплуатацію и прижимки, безчеловѣчное обращеніе и издѣвательство нашихъ хозяевъ. Долго-ли будемъ переносить безчинства нашего самодержавнаго правительства? Или у насъ эксплуатація слабѣе, личность менѣе оплевывается, чѣмъ въ другихъ городахъ самодержавной Россіи? Прочь же рабскую покорность! Пусть примѣръ нашихъ ростовскихъ, бакинскихъ и одесскихъ товарищей вдохнетъ въ насъ жажду борьбы съ эксплуатаціей и безправіемъ. Долой самодержавное правительство! Да здравствуетъ политическая свобода, и борьба рабочихъ за лучшую жизнь!

Кіевскій Комитетъ Росс. С.-Д. Р. П.

17 іюля 1903 г.

Предполагалось распространить этотъ листокъ среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, во время провозглашенія забастовки, во дворѣ мастерскихъ. Это и было исполнено. Кромѣ того, около 2-хъ тысячъ листковъ распространялись одновременно по всему городу по заводамъ и мастерскимъ и разсылались по почтѣ.

III.

Кіевъ спитъ. Гудокъ.

Кіевъ еще спалъ. Но многіе уже не спали. Вниманіе сотенъ людей было приковано къ мастерскимъ, которыя должны были дать сигналъ къ пробужденію кіевскаго пролетаріата. Тысячи невидимыхъ нитей стягивались къ одному мѣсту, гдѣ долженъ былъ разыграться первый актъ героической борьбы.

Ночь подъ понедѣльникъ прошла спокойно, но подъ ея покровомъ невидимо велась лихорадочная работа.

По внѣшности все въ городѣ было тихо. Ничто не предвѣщало близости грозы, но это спокойствіе было обманчиво, какъ обманчиво затишье передъ бурей.

Въ шесть часовъ утра, по обыкновенію, прозвучалъ призывной гудокъ. Спокойно, властно и увѣренно звучалъ онъ, но многіе въ городѣ съ волненіемъ прислушивались къ нему, стараясь уловить въ его тонѣ новое выраженіе.

Въ безпокойномъ ожиданіи прошло полтора часа, и въ назначенное время воздухъ огласился тревожными завываньями, которыя всколыхнули Кіевъ, какъ звуки набата. Гудокъ стоналъ какъ раненный звѣрь; отрывистые, дикіе, зловѣщіе звуки неслись одни за другими непрерывной волной и не было имъ конца. Долой! Долой! Долой!—казалось выговаривалъ этотъ голосъ фабричнаго набата. И мысленно не мало людей добавляло про себя: „долой эксплуатацію, долой нищету, забитость и невѣжество, долой ложь, насиліе и произволъ, сковавшіе тяжелой цѣпью рабочій народъ!“

Впослѣдствіи начальникъ дороги, Немѣшаевъ, въ одномъ изъ своихъ объявленій, поставилъ рабочимъ въ особую вину то, что они „безпокоили городское населеніе тревожными свистками“. Дѣйствительно, гудки произвели большой переполохъ

въ городѣ. Многіе, ничего не подозрѣвавшіе люди сразу почуяли что-то неладное, услыхавъ прерывистые, душу надрывающіе звуки гудка. Немделенно на вокзалъ примчалось нѣсколько пожарныхъ командъ, рѣшивъ, что тамъ начался пожаръ.

Что-же происходило въ это время въ мастерскихъ?

Осуществился-ли полностью планъ, намѣченный Комитетомъ?

И да, и нѣтъ.

Въ назначенный часъ, какъ предполагалось, бросилъ работу первымъ сборный цехъ. Были прочитаны требованія, провозглашена забастовка; раздалось дружное ура, и партія смѣльчаковъ, проникнувъ къ гудку, оповѣстила весь Кіевъ о состоявшемся рѣшеніи. Послѣ этого, рабочіе не переставали давать тревожные гудки. Послѣ администрація оборвала гудки, но рабочіе моментально придѣлывали новые. Какъ только раздался гудокъ тотчасъ-же примкнули и всѣ остальные цехи, упорствовалъ нѣкоторое время только вагонный, но вскорѣ вся толпа рабочихъ высыпала на дворъ мастерскихъ. Здѣсь были распространены въ громадномъ количествѣ прокламаціи Комитета, приведенныя выше.

Со всѣхъ сторонъ раздались требованія, чтобы онѣ были-бы прочитаны вслухъ, на что одинъ изъ рабочихъ тотчасъ же согласился; при чтеніи стояла гробовая тишина, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прослушали товарища. По прочтеніи листковъ была провозглашена забастовка мастерскихъ и прокричали „ура!“ начавшемуся движенію. Слышались отдѣльныя восклицанія, произносились краткія рѣчи революціоннаго содержанія, отовсюду неслось радостное „ура!“

Вскорѣ появился начальникъ Управленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, Немѣшаевъ, окружен-ный цѣлой свитой чиновъ администраціи; первымъ дѣломъ онъ сказалъ:

— Выбирайте депутатовъ, потому что съ вами всѣми говорить не будемъ.

Рабочіе-же въ отвѣтъ: — А, удочку наставляете? Это вамъ Ростовъ? и, бросая ему на голову прокламаціи, прибавили: — Вотъ вамъ депутаты! —

Начальникъ имъ: — Ахъ, господа, вы мнѣ это на голову не бросайте, если хотите, сами читайте, но бросать на меня не смѣйте! —

Ознакомившись съ требованіями, Немѣшаевъ объявилъ, что рабочіе требуютъ невозможнаго: — уничтожить „коптилки", пожалуй, еще можно, можно также улучшить и обращеніе. Кромѣ этого рабочіе ни на что не могутъ разсчитывать. Вообще, Его Превосходительство не ожидало отъ кіевскихъ рабочихъ такого поведенія и очень огорчено имъ.

— И гдѣ ваша хваленая рабочая солидарность? — сказалъ между прочимъ Немѣшаевъ, желая, видимо, уколоть рабочихъ и задѣть ихъ самолюбіе, — въ Одессѣ ваши товарищи требуютъ, чтобы имъ разрѣшили работать въ табельные дни за плату, а вы требуете, чтобы вамъ платили за табельные дни безъ всякой работы. Гдѣ-же тутъ солидарность? Я не вижу никакой солидарности! —

Выступилъ какой-то старый рабочій изъ толпы и сказалъ, что кіевскіе рабочіе такъ же, какъ и одесскіе, согласны работать въ табельные дни за плату. Кто то изъ толпы возразилъ, что рабочіе добиваются сокращенія рабочаго времени, а не удлинненія его и что поэтому на такое предложеніе они согласиться не могутъ. Его поддержали дружнымъ „ура!" Тогда Немѣшаевъ, обидѣвшись, заявилъ, что онъ не будетъ говорить, если шумъ не уменьшится. — И не надо! — закричали со всѣхъ сторонъ. Немѣшаевъ ушелъ.

Рабочіе стали всѣхъ звать на площадь, находящуюся недалеко отъ мастерскихъ. Но мастерскія были уже оцѣплены войсками, и всѣхъ рабочихъ сразу не выпустили со двора. Рабочіе группами выходили изъ мастерскихъ и ихъ тотчасъ разгоняли, не давая возможности собраться.

Въ это время на пригоркѣ за мастерскими, въ условленномъ мѣстѣ находился нашъ знакомый

Василій съ однимъ изъ организованныхъ рабочихъ. Изъ свѣтлаго блондина онъ превратился въ жгучаго брюнета.

Всю ночь онъ не спалъ, скитаясь въ рабочихъ кварталахъ съ одной квартиры на другую и обдумывая планъ рѣчи, которую онъ долженъ былъ произнести. На своей квартирѣ онъ не могъ ночевать, такъ какъ за ней была установлена усиленная слѣжка. Во время ночныхъ скитаній, онъ было возбудилъ подозрѣніе ночного сторожа и чуть было не попалъ въ участокъ. Для своего спасенія, онъ долженъ былъ перелѣзть черезъ заборъ; такимъ только путемъ ему удалось освободиться отъ настойчивыхъ преслѣдованій нѣсколькихъ дворниковъ, сбѣжавшихся на свистокъ ночного сторожа.

Теперь онъ чувствовалъ усталость и разбитость отъ безсонной ночи, отъ всей этой скитальческой жизни, исполненной опасностей, тревогъ и волненій, заставляющихъ человѣка жить одними нервами...

Но въ то же время, по мѣрѣ приближенія часа, назначеннаго для сходки, онъ чувствовалъ, какъ возрастаетъ въ немъ нервное возбужденіе и увѣренность въ себѣ, и съ удовольствіемъ повторялъ въ умѣ нѣкоторыя мѣста изъ своей рѣчи, казавшіяся ему удачными.

Рабочій, бывшій съ нимъ, все время вскакивалъ, волновался и не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ.

— Вотъ!.. Гудокъ... слышите; „ура!“ кричатъ... выходятъ изъ мастерскихъ, сюда бѣгутъ... — восклицалъ онъ поминутно, бѣгая по пригорку, поросшему рѣдкой лозой.

Но проходили минуты, часы, а никто не являлся. Нервное возбужденіе у Василія проходило, смѣняясь опять чувствомъ усталости и разбитости. Доносившійся изъ мастерскихъ гулъ голосовъ то подымался съ новой силой, то вовсе затихалъ. Слухъ изощрялся до болѣзненной чувствительности. Каждый громкій крикъ, доносившійся изъ города, казалось имѣлъ отношеніе къ тому, что происхо-

дило въ мастерскихъ. Временами ему слышались даже барабанный бой и залпы. Но вскорѣ опять наступала тишина, и онъ убѣждался въ своей ошибкѣ.

Ожиданіе становилось невыносимымъ.

Около десяти часовъ Василій рѣшилъ, наконецъ, послать своего спутника въ мастерскія, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Прошелъ еще часъ. Василій съ горькимъ чувствомъ досады и неудовлетворенности покинулъ мѣсто ожидаемаго собранія.

— Не теперь, такъ въ другой разъ, —утѣшалъ онъ себя. — Неудача имѣетъ даже свои хорошія стороны: въ слѣдующій разъ я буду спокойнѣе.

Приблизительно въ то же время на Южно-русскомъ машиностроительномъ заводѣ разыгрались слѣдующія событія.

Прежде всего, нужно сказать, что Ком. не совсѣмъ былъ увѣренъ въ поддержкѣ со стороны Южно-русскихъ рабочихъ. Дѣла Ю.-Р. завода очень плохи; уже около года для управленія дѣлами завода кредиторы назначили администрацію. Въ настоящее же время въ виду отсутствія заказовъ заводъ принялся даже за сокращеніе числа рабочихъ. Условія для стачки, какъ видно,—самыя неблагопріятныя.

Но на помощь Комитету неожиданно пришли наши мудрые администраторы. Вице-губернаторъ, баронъ Штакельбергъ, узнавъ о забастовкѣ въ ж. д. мастерскихъ, немедленно распорядился, чтобы расположенный невдалекѣ отъ вокзала Южно-русскій заводъ былъ бы оцѣпленъ войсками и чтобы никого рѣшительно изъ завода не выпускали въ теченіе цѣлаго дня. Нашъ проницателный администраторъ былъ увѣренъ, что Южно-русскіе рабочіе, выйдя изъ завода, толпой отправятся на вокзалъ и присоединятся къ забастовщикамъ. Поэтому онъ рѣшилъ заблаговременно принять предупредительныя мѣры.

Его приказаніе было въ точности исполнено: Ю-Р. заводъ былъ окруженъ войсками. Прозвучалъ обѣденный гудокъ. Рабочіе толпой повалили къ выходу, спѣша домой на обѣдъ. Не тутъ-то было:

всѣ выходы оказались закрытыми и занятыми солдатами; кругомъ — штыки и нагайки.

Въ то же время изъ Южно-русскаго завода рабочіе замѣтили, что жел.-дор. рабочіе, взобравшись на крышу, стараются привлечь къ себѣ ихъ вниманіе маханьемъ фуражекъ и криками. Южно-русскіе рабочіе, не долго думая, провозгласили стачку, возвѣстивъ объ этомъ гудками и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, повыбили окна, пробились черезъ ряды солдатъ, разошлись по домамъ и уже больше не возвращались на заводъ.

На слѣдующій день они выставили свои требованія.

Не прояви Штакельбергъ своей распорядительности и сообразительности, возможно, что заводъ и не бастовалъ бы. Поистинѣ, кого Господь захочетъ наказать, у того онъ отниметъ разумъ.

IV.

Присоединеніе типографщиковъ Аресты.

— Мое число — 66.

— А мое — 34, — далъ я реплику на условленный замысловатый пароль.

— Я отъ Алексѣя — продолжалъ пришедшій, — худощавый подвижной, незнакомый мнѣ ремесленникъ, входя въ мою комнату во вторникъ, около полудня:

— Необходимы листки къ типографщикамъ, остановка только за ними, всюду хотятъ бастовать.

— Печатные листки уже готовы. Случайно передача не состоялась, — отвѣчалъ я. — Будьте черезъ часъ противъ университета, я ихъ принесу вамъ.

Мы простились. Въ условленномъ мѣстѣ меня уже ждали. Передача благополучно состоялась. Оказалось, что во всѣхъ типографіяхъ готовы забастовать хоть сейчасъ. Всюду ждутъ листковъ. Организованнымъ рабочимъ съ трудомъ удается убѣдить остальныхъ не бросать работу до получе-

нія прокламацій. Даже среди самыхъ сѣрыхъ рабочихъ слышатся заявленія о необходимости листковъ:

— Какая-же это будетъ забастовка безъ листка и требованій? — слышатся голоса.

— Пусть намъ скажутъ, тогда забастуемъ!

Во многихъ мѣстахъ забастовали, такъ и не дождавшись листковъ.

Листки были готовы еще утромъ къ восьми часамъ, но, благодаря несчастной случайности, ихъ удалось распространить лишь послѣ часу.

Какъ бы то ни было, къ пяти часамъ дня забастовали всѣ типографіи. Отъ одной типографіи къ другой, шумными группами, перебѣгали синія блузы и „закрывали" типографіи. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ началѣ полиція относилась довольно безучастно къ такой обструкціи.

— Что такое дѣлается? — спросилъ кто-то изъ публики городового, неподвижно стоявшаго на Крещатикѣ противъ типографіи Петра Барскаго въ то время, какъ толпа обструкціонеровъ въ синихъ рубашкахъ, покончивъ съ этой типографіей, побѣжала на Лютеранскую къ типографіи Францкевича.

— Какъ что? — изумился городовой, — „закрыли" одну типографію, а теперь пошли закрывать другую.

Видимо стачка явилась для властей большой неожиданностью и онѣ не успѣли внѣдрить въ своихъ подчиненныхъ надлежащихъ инструкцій.

Группы обструкціонеровъ, расхаживавшія по типографіямъ, приглашали товарищей бросать работу и въ то же время уславливались собраться на сходку вечеромъ, въ семь час. у Цѣпного моста, на берегу Днѣпра.

Настроеніе у всѣхъ было праздничное, приподнятое; казалось, какая-то волна подхватила всѣхъ. Все мелкое, будничное отлетѣло прочь. Свѣтлое чувство товарищеской солидарности наполнило сердца всѣхъ. Казалось, всѣ впервые почувствовали ту нравственную связь, которая объеди-

няетъ всѣхъ трудящихся передъ лицомъ угнетенія, насилія и произвола.

Сходка типографщиковъ началась около восьми час. вечера. Собралось свыше тысячи человѣкъ. Съ самаго-же начала былъ прочитанъ листокъ Комитета, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ко всѣмъ типографщикамъ г. Кіева.

Товарищи! Могучая волна рабочаго движенія охватила весь Югъ. Сначала іюля забастовало 40.000 рабочихъ въ Баку. Все замерло въ городѣ, вся жизнь прекратилась. За Баку послѣдовала Одесса и Батумъ. Смѣло раздался голосъ трудящагося люда, смѣло требуютъ всюду человѣческихъ правъ и свободы. Неужели нашъ Кіевъ останется въ сторонѣ отъ движенія? Неужели мы къ стыду своему не предъявимъ хозяевамъ и правительству своихъ законныхъ требованій? Или намъ живется лучше? Или правъ у насъ больше?

Оглянемся на свою жизнь. Въ какихъ условіяхъ работаемъ мы, типографщики и переплетчики? Войдите въ любую мастерскую и посмотрите: у Кульженко нѣтъ во второмъ отдѣленіи вентиляціи, темно такъ, что приходится зажигать электричество, какъ только облака закроютъ солнце. Воду приходится пить мутную и грязную. Управляющій Прозоровъ обращается съ рабочими, какъ со скотомъ, а самъ нашъ хозяинъ не позаботится даже объ устройствѣ для рабочихъ приличнаго помѣщенія для ѣды. Приходится ѣсть среди вони и смрада, распространяемыхъ отхожимъ мѣстомъ. У Горбунова чернорабочіе и ученики на хозяйскихъ харчахъ, и кормятъ ихъ тухлой провизіей. Даже хлѣбъ даютъ до того черствый, что его приходится размачивать въ водѣ, прежде чѣмъ ѣсть. Такъ питаются крестьяне только въ голодовку! Сырость, духота... и даже спятъ въ наборной, въ той свинцовой пыли, которой и такъ дышатъ цѣлый день. Яковлевъ донимаетъ штрафами: стоитъ опоздать на четверть часа — штрафъ, день не выйти на работу — штрафъ за два дня. Когда работа есть заставляетъ работать днемъ и ночью, когда работы нѣтъ — гонитъ на улицу. У Корчакъ Новицкаго все въ грязи, загажено, пыль отъ всего поднимается неимовѣрная. А вѣдь этой пылью дышатъ цѣлый день! Францкевичъ за протестъ одного нашего товарища, отправилъ его съ городовымъ въ участокъ, а вѣдь всѣмъ извѣстно, что Францкевичъ былъ пьянъ и грубъ, а товарищъ вѣжливъ. Спиліоти заперъ своихъ рабочихъ за рѣшетку, какъ въ тюрьмѣ и отравляетъ рабочихъ не только свинцовой, но и махорочной пылью, такъ какъ у него на дворѣ махорочная фабрика. Мало того, онъ воруетъ по два часа въ сутки, передвигая часы У Лубковскаго управляющій грубъ. Помѣщеніе у Милевскаго такъ низко, что высокому человѣку приходится работать согнувшись. Типографія „Прогрессъ“ изобрѣла совсѣмъ

незаконный способъ наживы. Жалованья не платитъ въ срокъ, а за каждой копѣйкой, даже на папиросы, приходится обращаться къ управляюшему, а тотъ, конечно, обсчитываетъ. Но всѣхъ превзошелъ Шевченко: онъ нанимаетъ чернорабочихъ даже не поденно, а по часамъ и платитъ 5 коп. въ часъ. Есть работа — платитъ, нѣтъ ея въ обѣдъ, или когда машина стоитъ — проваливай. Затѣмъ набираетъ другихъ рабочихъ. И во всѣхъ этихъ типографіяхъ совершенно нѣтъ вентиляціи, а какъ губитъ насъ нашъ третій, послѣ хозяевъ и правительства, врагъ — свинцовая пыль, это мы хорошо знаемъ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ платой. Вездѣ она крайне низка и еще понижается. У Кульженко зарабатывали 30-50 рублей, а теперь 16-30 рублей. Кушнеревъ за наборъ „Кіевлянина" сбавилъ за каждый полулистъ съ 50 на 40 коп., у Спиліоти больше 18 рублей никто не получаетъ. Общество „Скоропечатня" беретъ учениковъ, платитъ имъ 10-12 руб., а разсчетъ ведетъ неправильно и не въ срокъ. Лубковскій платитъ чуть-ли не всѣхъ хуже; у Милевскаго ученики работаютъ ночью по двѣ копѣйки въ часъ. „Прогрессъ" платитъ часто театральными контръ-марками, которыми пользуется за печатаніе афишъ.

Такъ живется намъ, товарищи! Пора бы посчитаться намъ съ хозяевами. Единственное средство — забастовка. Всѣ мы должны бросить работу и потребовать, кромѣ уничтоженія отмѣченныхъ злоупотребленій въ каждой типографіи отдѣльно — слѣдующихъ общихъ улучшеній:

1. Увеличенія заработной платы на 30 процентовъ.
2. Сокращенія рабочаго дня до восьми часовъ.
3. Устройства вентиляціи и лучшаго освѣщенія.

Такія требованія мы предъявимъ хозяевамъ, они могутъ ихъ выполнить сейчасъ же; мы легко могли бы добиться ихъ выполненія, если бы всегда на помощь хозяевамъ не приходило бы царское правительство. Стоитъ намъ только заявить, что и мы люди, что и мы должны имѣть всѣ права человѣка, что мы хотимъ мыслить, дѣйствовать и говорить свободно и на насъ немедленно посылаютъ жандармовъ, полицію и казаковъ. На насъ, рабочихъ, лежитъ величайшая задача времени — свергнуть проклятое бремя самодержавія, пропитаннаго насиліемъ и ложью, къ намъ приковано вниманіе всего міра. Падетъ самодержавіе въ Россіи — этотъ тормазъ всемірнаго прогресса, и закипитъ борьба во всемъ мірѣ: вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ всѣхъ странъ скорыми шагами двинемся и мы, русскіе рабочіе, къ завѣтной цѣли каждаго сознательнаго соціальдемократа — къ воцаренію соціалистическаго строя, гдѣ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, гдѣ всѣ будутъ равны и свободны.

Кіевскій Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

21 іюля 1903 г.

По прочтеніи листка, двое изъ типографщиковъ произнесли рѣчи, въ которыхъ указывалось на значеніе солидарной и единодушной борьбы проле-

таріата противъ угнетенія и безправія. Затѣмъ, типографщики раздѣлились на отдѣльныя группы по типографіямъ и стали обсуждать свои частныя требованія.

На эту сходку долженъ былъ явиться тотъ-же комитетскій ораторъ Василій, но и тутъ его постигла неудача. Типографщики его не дождались; онъ былъ извѣщенъ слишкомъ поздно. Явившись въ условленное мѣсто на берегъ Днѣпра, онъ не засталъ уже ждавшаго его тамъ долгое время человѣка. Только на слѣдующій день ему пришлось выступить на собраніи.

Въ то время, какъ Василій направлялся на сходку типографщиковъ, полиція уже успѣла принять свои мѣры. Отрядъ казаковъ и городовыхъ спускался по крутому берегу къ Днѣпру, къ мѣсту сходки съ тѣмъ, чтобы захватить ее.

Въ полной мѣрѣ этого имъ не удалось достигнуть. Типографщики, замѣтивъ опасность, успѣли разойтись. Городовые и казаки бросились въ догонку за уходившими и успѣли всетаки арестовать кое-кого. Въ общей сложности, они захватили на берегу Днѣпра 64 человѣка. Во время арестовъ многіе убѣгали и были въ это время ранены и избиты. Всѣ арестованные были отвезены въ казармы артиллеристовъ, расположенныя на Печерскѣ, въ дружномъ сосѣдствѣ съ Лаврскими святынями.

Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, на квартирахъ было арестовано примѣрно десять человѣкъ, главнымъ образомъ жел.-дор. рабочихъ.

Въ листкѣ, распространявшемся въ среду, къ прежнимъ требованіямъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ Комитетъ присоединилъ еще новое требованіе освобожденія арестованныхъ товарищей.

V.

Призывъ къ всеобщей стачкѣ.

Прошло всего два дня съ начала стачки, а всѣ мы уже сбились съ ногъ. Безпрерывныя почти совѣщанія, обсужденіе событій и ближайшихъ пла-

новъ, составленіе прокламацій, передача и ихъ распространеніе и масса другихъ мелкихъ дѣйствій поглотили всѣ наши силы. Многіе изъ насъ не спали уже нѣсколько ночей; но всѣ чувствовали, что это только начало борьбы.

Въ среду рано утромъ ко мнѣ пришелъ рабочій съ цѣлымъ ворохомъ мелкихъ листковъ — это были требованія.

— Необходимо сегодня-же отпечатать всѣ эти требованія, сказалъ онъ. Вагоновожатые уже съ понедѣльника требуютъ листка. Говорятъ, что, какъ только выйдетъ листокъ, сейчасъ-же забастуютъ. Сегодня ночью двое вагоновожатыхъ приходили къ одному изъ нашихъ организованныхъ рабочихъ и спрашивали, будетъ-ли готовъ листокъ къ завтрашнему дню. Ругаются, почему до сихъ поръ не было листка. До появленія листка никто не броситъ работы. Всюду такъ. Всѣ говорятъ: пусть намъ скажутъ, тогда и мы забастуемъ.

Я присоединилъ принесеные листки къ требованіямъ, хранившимся у меня со вчерашняго дня, и просмотрѣлъ всю эту внушительную груду клочковъ сѣрой бумаги, исписанной разными почерками, неумѣлой рабочей рукой.

Тутъ были требованія вагоновожатыхъ, булочниковъ, рабочихъ завода Гретера, Графа, Ольшанскаго, Фильверта и Дѣдина, Неедли и Унгермана, арсенальныхъ рабочихъ, рабочихъ пароходныхъ мастерскихъ, казеннаго водочнаго склада, дрожжевого завода Чоколова, кирпичныхъ заводовъ, бетоннаго, папиросницъ разныхъ фабрикъ, жестяниковъ, портныхъ и модистокъ, слесарно-рѣшетчиковъ и водопроводчиковъ, столяровъ и т. д.

Я перечислилъ ихъ вслухъ. Картина получалась внушительная.

— Каша заваривается — замѣтилъ членъ Донского Комитета, сидѣвшій въ это время въ моей комнатѣ.

— Теперь уже нѣтъ сомнѣній, что всеобщая стачка состоится. Всѣ самыя крупныя промышленныя заведенія Кіева уже бастуютъ, остальныя-же

— тутъ — сказалъ рабочій, хлопнувъ рукой по пачкѣ требованій.

Еще раньше мы предвидѣли, что наша типографія будетъ не въ силахъ справиться съ такой массой работы.

Приходилось рѣшать трудный вопросъ: съ одной стороны было необходимо выпустить прокламацію, призывающую ко всеобщей стачкѣ и дающую ей политическое обоснованіе, нужно было оформить и связать воедино мощное движеніе протеста и направить въ одно русло ту поднимающуюся волну, которая охватывала кіевскій пролетаріатъ. Съ другой стороны, важно было также выставить всѣ тѣ мелкія требованія, которыя могутъ быть предъявлены каждому угнетателю и которыя могутъ объединить представителей каждой отрасли труда.

Представлялось на выборъ: издать призывъ къ всеобщей стачкѣ, обращенный ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ съ перечисленіемъ профессій поименно, или-же заняться печатаніемъ мелкихъ требованій, что заняло-бы у насъ не менѣе недѣли времени.

Еще въ понедѣльникъ мы остановились на первомъ рѣшеніи. Мелкія требованія отдѣльныхъ заводовъ рѣшено было издать на гектографѣ. Призывъ ко всеобщей стачкѣ былъ отпечатанъ въ теченіе вторника. Я уже получилъ его изъ типографіи и могъ поэтому немедленно передать его распришедшему ко мнѣ рабочему. Листокъ этотъ распространялся въ теченіе среды и четверга, въ количествѣ около 3000 экз.

Вотъ его текстъ:

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ко всѣмъ рабочимъ города Кіева.

„Надъ Ураломъ и Кавказомъ,
Надъ Невой и надъ Днѣпромъ
Пусть нашъ голосъ грянетъ разомъ,
Какъ весенній первый громъ!“

Товарищи! Грозно прокатилась по всему Югу Россіи волна рабочаго движенія... Все выше и выше вздымаются волны стачечной борьбы... Поднявшись на Кавказѣ, волны эти черезъ

Баку, Тифлисъ, Батумъ и Черное море пронеслись до Одессы и теперь докатились до Кіева.

Наши бакинскіе и одесскіе товарищи протестуютъ, главнымъ образомъ, противъ эксплуатаціи и безжалостнаго угнетенія, давно уже свившихъ себѣ прочныя гнѣзда на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, самодержавнымъ хозяиномъ которыхъ является русское правительство. Покровительствуя интересамъ капиталистовъ и фабрикантовъ, правительство не отстаетъ отъ нихъ въ жадной погонѣ за наживой, въ страстномъ стремленіи урѣзать и безъ того скудный заработокъ рабочихъ. Въ Ростовѣ и Тихорѣцкой, въ Борисоглѣбскѣ и Тифлисѣ, въ Екатеринодарѣ и Новороссійскѣ, въ Златоустѣ и Иркутскѣ, въ Баку и Одессѣ, всюду правительство, какъ собственникъ казенныхъ заводовъ и мастерскихъ, выступаетъ въ роли алчнаго хозяина и всюду оно встрѣчаетъ дружный отпоръ рабочихъ.

Но правительство не довольствуется тѣмъ, что въ собственныхъ мастерскихъ и заводахъ угнетаетъ рабочихъ и выжимаетъ изъ нихъ послѣднюю силу. Оно всегда выступаетъ на защиту другихъ угнетателей капиталистовъ. Да и не удивительно. Вѣдь царь и его министры первѣйшіе на Руси фабриканты и капиталисты и всегда готовы помочь своему-же брату. Поэтому для того, чтобы заставить рабочихъ отказаться отъ мечты о лучшей жизни, правительство, не стѣсняясь въ средствахъ, штыкомъ и нагайкой, тюрьмой и ссылкой встрѣчаетъ борцовъ за счастье рабочаго класса; но въ послѣднее время, все чаще и чаще оно получаетъ смѣлый отпоръ со стороны рабочихъ; противъ *сплоченной* шайки эксплуататоровъ — правительства и капиталистовъ — выступаетъ *сплоченная* армія труда. Съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и грознѣе становятся ея ряды, надъ которыми гордо высится красное знамя соціальдемократіи.

Во всѣхъ городахъ, гдѣ возникаютъ въ послѣднее время стачки, онѣ принимаютъ *всеобщій* характеръ. Повсемѣстно возникаютъ *стачки изъ сочувствія* къ забастовщикамъ. Въ большинствѣ изъ перечисленныхъ городовъ полновластно воцарилась *всеобщая стачка* всѣхъ трудящихся, въ видѣ протеста противъ подневольной, тяжелой жизни.

Очередь за нами, товарищи!

Сегодня, 21-го іюля, изъ чувства солидарности со своими бакинскими и одесскими товарищами, забастовали въ Кіевѣ всѣ рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, депо, мастерскихъ малаго ремонта и машиностроительный Южно Русскій заводъ, всего въ количествѣ 4000 человѣкъ.

Мы увѣрены, что остальные рабочіе г. Кіева не окажутся безучастными зрителями въ начавшейся борьбѣ и смѣло потребуютъ своихъ человѣческихъ правъ и свободы.

Мы обращаемся съ призывомъ ко всѣмъ Кіевскимъ рабочимъ: булочники и жестяники, портные и типографщики, арсенальные и машиностроительные рабочіе, сапожники и кроватчики, столяры и слесаря, рабочіе виннаго склада, рафинаднаго завода и табачныхъ фабрикъ, вагоновожатые и заготовщики, однимъ сло-

вомъ *всѣ вы, Кіевскіе рабочіе, присоединяйтесь къ начавшейся забастовкѣ!*

Выразимъ, товарищи, общей стачкой дружный протестъ противъ безправнаго положенія, въ которомъ находится русскій рабочій!

Братски протянемъ руку помощи нашимъ забастовавшимъ товарищамъ другихъ городовъ.

Всеобщими стачками и демонстраціями мы приблизимъ часъ крушенія нашего общественнаго строя, на мѣсто котораго воцарится общество, гдѣ не будетъ ни вѣнценосныхъ царей, ни лицемѣрныхъ поповъ, ни безумной роскоши, ни вопіющей нищеты.

Глубоко вѣря въ то, что всеобщія стачки расшатываютъ подгнившее зданіе самодержавной власти, забастуемъ всѣ разомъ и будемъ дружно стоять впредь до удовлетворенія спеціальныхъ требованій въ каждой отрасли труда и слѣдующихъ общихъ требованій:

1. Уменьшенія рабочаго дня.
2. Увеличенія заработной платы.
3. Вѣжливаго обращенія мастеровъ и хозяевъ.

Товарищи! Держитесь стойко, какъ одинъ человѣкъ! Въ единеніи наша сила! Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!

Желѣзно-дорожные рабочіе! Не начинайте работы до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ всѣхъ вашихъ требованій. Требуйте освобожденія арестованныхъ товарищей. Не соглашайтесь на ничтожныя уступки, предлагаемыя Немѣшаевымъ.

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

21-го іюля 1903 года.

Начиная со вторника, энергично заработали три гектографа, занявшіеся преимущественно печатаніемъ отдѣльныхъ требованій. Приводимъ для образца нѣкоторыя изъ нихъ:

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

КО ВСѢМЪ РАБОЧИМЪ ЗАВОДА ГРЕТЕРА.

Товарищи! Возгорѣлась могучая борьба рабочихъ противъ гнетущаго безправія и эксплуатаціи. Весь Югъ Россіи охватила эта борьба: въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, Одессѣ забастовали десятки тысячъ рабочихъ. Присоединяйтесь же и вы къ нимъ, товарищи, и выставляйте требованія:

1. Восьми часового рабочаго дня. 2. Повышенія расцѣнокъ на 40%. Равномѣрнаго распредѣленія процентовъ. 3. Выдачи полнаго дневного заработка заболѣвшимъ рабочимъ. 4. Надбавки жалованья мальчикамъ два раза въ годъ. 5. Вѣжливаго обращенія. 6. Удаленія мастеровъ литейнаго и котельнаго цеховъ. 7. Устройства вентиляціи на заводѣ. 8. Установленія пяти льготныхъ минутъ послѣ второго гудка. 9. Одинаковаго отноше-

нія ко всѣмъ рабочимъ. 10. Табель съ расцѣнкой вывѣсить на видномъ мѣстѣ.

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

Россійская Социальдемократическая Рабочая Партія.

КЪ РАБОЧИМЪ КАЗЕННАГО ВИННАГО СКЛАДА.

Товарищи! Весь Югъ охваченъ пожаромъ стачечной борьбы. За всеобщей стачкой рабочихъ въ Баку и Одессѣ послѣдовали стачки въ Батумѣ и Тифлисѣ. Стачка началась и у насъ въ Кіевѣ. Работы брошены въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на Южно-Русскомъ заводѣ, у Графа, въ типографіяхъ. Число стачечниковъ растетъ съ каждымъ днемъ. Чего же будемъ ждать мы? Бросимъ работу и потребуемъ:

1. Введенія восьми часового рабочаго дня.
2. Увеличенія платы на 50%.
3. Полной отмѣны вычетовъ въ пенсіонную кассу.
4. Отмѣны штрафовъ.
5. Отмѣны уроковъ въ упаковочномъ и подвальномъ отдѣленіяхъ.
6. Вѣжливаго обращенія.
7. Удаленія машиниста Вирта.

Бросайте работу *всѣ!* помните, что въ единеніи наша сила. Держитесь стойко, но не производите никакихъ насилій.

Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

Россійская Социальдемократическая Рабочая Партія.

КЪ БОРЬБѢ!

КЪ РАБОЧИМЪ ГОРОДА КІЕВА

Товарищи! Бросайте немедленно работу. Наши Одесскіе, Бакинскіе, Тифлисскіе и уже забастовавшіе Кіевскіе товарищи ждутъ нашей поддержки. Дружно присоединимся къ нимъ и выставимъ наши требованія.

I. *На сахарно-рафинадномъ заводѣ*: 1. Введенія трехъ смѣнъ, чтобы каждая работала по восьми часовъ въ сутки. Тогда хозяева должны будутъ взять и тѣхъ, кто разсчитанъ. 2. Увеличенія заработной платы вдвое, чтобъ женщинамъ платили столько же, сколько и мужчинамъ: онѣ исполняютъ одинаковую работу. 3. Полной отмѣны штрафовъ. 4. Улучшенія пищи.

II. *Рабочіе жестяники требуйте*: 1. Введенія восьми часового рабочаго дня. 2 Выдачи вмѣсто харчей денегъ (восемь рублей въ мѣсяцъ). 3 Увеличенія платы.

III *Портные и модистки требуйте*: 1. Восьми часового ра-

бочаго дня. 2. Увеличенія заработной платы на 25%. 3. Улучшенія пищи.

IV. *Слесарно-рѣшетчики и водопроводчики:* 1 Восьми часового рабочаго дня. 2. Увеличенія заработной платы вдвое. 3. Уплаты заработка два раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го числа.

V. *Столяры:* 1. Восьми часового рабочаго дня. 2. Улучшенія помѣщенія для мастерскихъ. 4. Увеличенія заработной платы.

Товарищи! Всюду требуйте вѣжливаго обращенія! Дѣйствуйте дружно! Въ единеніи наша сила!

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

VI.

Рѣчь передъ забастовщиками.

Было рѣшено, что въ среду 23-го іюля, около 9 часовъ утра товарищъ Василій будетъ проведенъ организованными рабочими во дворъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и тамъ произнесетъ рѣчь къ забастовщикамъ. На этотъ разъ планъ этотъ удалось осуществить полностью. Хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ нашему товарищу удалось проникнуть во дворъ вокзальныхъ мастерскихъ.

Весь вокзалъ и прилегающія къ нему улицы были наводнены шпіонами и жандармами. Кругомъ вокзала стояли войска. Около жел.-дор. театра бивуакомъ расположилась рота солдатъ и сотня казаковъ; ружья — въ козлы, лошади — около наскоро устроенныхъ стойлъ. Всюду часовые и патрули. Въ вокзалѣ, за столомъ, въ буфетѣ I-го класса, съ видомъ побѣдителей засѣдаютъ генералы, полковники и благородное офицерство въ походной аммуниціи.

Войдя во дворъ мастерскихъ, Василій увидѣлъ громадную тысячеголовую толпу. Стояли отдѣльными группами и разговаривали. Въ воздухѣ носился смѣшанный гулъ многихъ голосовъ.

Пришло много рабочихъ изъ города. Всего было около 2500 человѣкъ.

Улучивъ подходящую минуту, Василій взобрал-

ся на какое-то возвышеніе и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Товарищи! Слушайте внимательно то, что я буду говорить. Вѣдь намъ рѣдко приходится бывать на собраніяхъ и слышать свободное слово.

Повсюду войска... Жандармы и полиція на ногахъ... Богатые въ страхѣ... Власти совѣщаются. Онѣ теперь работаютъ съ утра до ночи, потому что мы отдыхаемъ. Мы будемъ отдыхать до тѣхъ поръ пока не исполнятъ нашихъ требованій... Первое наше требованіе, за которое мы будемъ стоять до конца: это *освобожденіе двухъ нашихъ товарищей*, которыхъ вырвали вчера, 22-го іюля изъ нашей среды. Ихъ взяли какъ преступниковъ, но преступленіе совершили не они, а тѣ, которые изъ нѣсколькихъ тысячъ забастовщиковъ выхватили двухъ человѣкъ, чтобы на нихъ выместить свою досаду за нашу общую и дружную борьбу. Наши товарищи такъ же виноваты, или, вѣрнѣе, такъ же не виноваты какъ и всѣ мы. Пусть берутъ всѣхъ насъ въ тюрьмы, если могутъ! *Мы требуемъ возвращенія нашихъ товарищей*, помня, что въ борьбѣ — одинъ за всѣхъ и всѣ за каждаго!

За что насъ тащутъ въ тюрьму, за что намъ грозятъ штыками? Мы требуемъ только справедливости! *Мы требуемъ 8-ми часового рабочаго дня!* Развѣ 8-ми часовой рабочій день не вводится повсюду? Въ Новой-Зеландіи $^4/_5$ рабочихъ работаютъ 8 часовъ. Въ Англіи всѣ углекопы работаютъ столько-же и даже меньше. Въ Америкѣ многіе рабочіе добились того-же.

Мы хотимъ работать, чтобы жить, но не хотимъ жить, чтобы работать. Мы не живемъ, а изнываемъ отъ гудка до гудка, безъ отдыху, безъ сроку, точно каторжники, прикованные къ своему колесу... Намъ некогда подумать надъ своей долей, намъ некогда отвѣтить на проклятый вопросъ:

„Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего всегда безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Гдѣ отвѣтъ? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?...“

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно задуматься надъ своимъ житьемъ, нужно оглянуться вокругъ, нужно почитать, но для этого необходимъ свободный часокъ. Намъ нуженъ 8-ми часовой рабочій день и потому, что за стѣной мастерскихъ и заводовъ — тысячи безработныхъ. Они голодаютъ; ихъ резервная армія сбиваетъ цѣны, а сократится рабочій день, потребуются новые рабочіе, и всѣ лишнія рабочія руки найдутъ себѣ заработокъ. А не будетъ лишнихъ рукъ, хозяева перестанутъ надъ нами издѣваться да говорить: „не хочешь работать, убирайся, тамъ много вашего брата на улицѣ“. Не мы будемъ нуждаться въ заработкѣ, а хозяева въ рабочихъ рукахъ. Плата поднимется. Мы требуемъ теперь же повышенія расцѣнокъ! Мы едва сводимъ концы съ концами. Жизнь все дорожаетъ, а расцѣнки не повышаются, а зачастую падаютъ. Чиновники получаютъ наградныя, пенсіи, прибавки, богачи отрѣзываютъ купоны и ничего не дѣлаютъ, а мы, создающіе огромныя богатства, строющіе дворцы, добывающіе золото и брилліанты, обрабатывающіе сады и нивы — мы ходимъ чуть не босикомъ и живемъ чуть-ли не въ конурѣ.

Мы требуемъ увеличенія нашего заработка!

Но этого мало. Мы люди и требуемъ, чтобы съ нами обращались, какъ съ людьми! Въ пѣснѣ ткачей поется: „Работнику — безчестье, а бѣлоручкѣ — честь!“, Такъ не должно быть... Наоборотъ: честь — работнику и позоръ — тунеядцамъ!

Мы требуемъ, чтобы насъ уважали, какъ гражданъ, на плечахъ которыхъ лежитъ вся работа!

Но не только за эти требованія поднялись мы теперь. Мы поднялись за одно со всѣми нашими товарищами. Отъ Тифлиса до Дуная прокатилась волна народнаго возмущенія. Поднимаются рабочіе не одной мастерской, не одного цеха, не одного завода. *Всеобщія стачки* охватываютъ пожаромъ цѣлый рядъ городовъ. Это — грозное движеніе! И правительство, которое привыкло, чтобы его боя-

лись, боится теперь этого дружнаго натиска. Наши друзья, — рабочіе Европы, привѣтствуютъ насъ и говорятъ, что такого грознаго и могучаго потока еще не видали въ Россіи. Этотъ потокъ проносится по всему Югу, къ шуму его прислушивается вся Россія. Дѣло идетъ не о пятакѣ и даже не объ уменьшеніи рабочаго дня... Мы уже, какъ часть рабочаго класса сознали, что намъ нужна прежде всего и больше всего политическая свобода. Эту свободу завоюемъ мы для всей угнетенной Россіи и даже для Европы, потому что русское правительство является жандармомъ и для сосѣднихъ странъ.

Эту свободу завоюемъ мы потому, что мы — угнетенные, а угнетенные всегда поддерживаютъ священный огонь свободы. Вѣдь нужда — хорошій учитель. Слабыхъ она учитъ молиться, а сильныхъ она побуждаетъ бороться за права человѣка, за справедливость. Мы завоюемъ свободу, потому что мы сила, и мы это доказали за послѣднія десятилѣтія.

Вы только вспомните недавнее прошлое. Въ 70-хъ годахъ лучшіе русскіе люди стали бороться противъ правительства. Это были герои, они могли о себѣ сказать: „Мы исполины! Великое пламя въ насъ трепетало... Насъ распинали, водили на пытки, били камнями... Но мы — исполины!“... И всетаки этимъ исполинамъ правительство не уступило ни въ чемъ, потому что этихъ исполиновъ была горсть. И вотъ поднялся исполинъ — рабочій классъ — и правительство передъ его силой сразу пошло на уступки. Это было въ 80-хъ годахъ, когда, по словамъ поэта: „бывали хуже времена, но не было подлѣй!“. Гнетъ былъ невыносимъ. Грубая сила торжествовала. Не было народа, а была колѣнопреклоненная толпа и палачъ. Но вотъ поднялся рабочій классъ, сталъ во главѣ народа и палачъ задрожалъ. Сорокъ пять лѣтъ собирались разныя коммиссіи и ничего не придумали для рабочихъ. Но вотъ въ 80-хъ годахъ, въ эти годы мрака и отчаянія, правительство издаетъ одинъ за другимъ законы въ пользу рабочихъ: въ 82-мъ

году — законъ о малолѣтнихъ, въ 85-мъ — о ночной работѣ женщинъ, въ 86-мъ — о штрафахъ, въ 97-мъ — законъ объ $11^{1}/_{2}$ час. рабочемъ днѣ. Въ тѣ же годы вводится фабричная инспекція.

Отчего правительство такъ спѣшило уступить? Оттого, что рабочіе въ началѣ 80-хъ годовъ, во время безработицы вышли на улицы Петербурга и заставили трепетать градоначальника Грессера. Министры, а позднѣе Зубатовъ, совѣтовали правительству уступить рабочимъ, чтобы они не подумали, что правительство противъ рабочихъ, за-одно съ капиталистами. Но то самое правительство, которое уступало сегодня подъ угрозой рабочаго движенія, завтра отнимало всѣ уступки, только лишь движеніе затихало. Фабричные инспектора отдаются въ полное подчиненіе жандармамъ съ министромъ Плеве во главѣ, законъ объ $11^{1}/_{2}$ часовомъ рабочемъ днѣ дополняется распоряженіемъ о сверхурочныхъ работахъ. Правда, теперь насъ заманиваютъ новыми уступками, но эти уступки только одинъ обманъ. Намъ разрѣшаютъ выбирать старостъ, но этихъ старостъ будетъ утверждать губернаторъ, и тѣмъ самымъ, подрывать наши выборы. У насъ будутъ старосты, любезные властямъ, а не наши вѣрные намъ товарищи. Да и можно ли говорить о свободномъ выборѣ старостъ, когда у насъ нѣтъ свободы собраній, свободы слова, свободы стачекъ, когда у насъ нѣтъ политической свободы.

Всѣми правдами и неправдами правительство хочетъ отвратить насъ отъ борьбы за политическую свободу. Оно создаетъ зубатовщину, оно подготовляетъ еврейскіе погромы, оно хватаетъ насъ въ тюрьмы, но ничто не помогаетъ... Мы все больше и больше сознаемъ, что политическая свобода великое благо, за которое можно и жизнь отдать. Мы знаемъ, чего хочетъ шпіонъ надъ шпіонами — Зубатовъ. Онъ проповѣдуетъ намъ общества взаимопомощи и покорность правительству. Но вѣдь мы знаемъ, что только подъ напоромъ нашей борьбы за свободу всѣ власти и Зубатовъ, и Витте заговорили о свободѣ стачекъ, свободѣ союзовъ. А разъ

та борьба ведетъ къ уступкамъ, мы не бросать ее олжны, а продолжать до конца.

Что намъ дадутъ общества взаимопомощи? — Іоманный грошъ! Этотъ грошъ мы сами будемъ себя урѣзывать ради сбереженій, а капиталитамъ это на руку: можно понизить плату. Да и ожно-ли теперь говорить о своемъ грошѣ, когда ѣло идетъ о человѣческомъ существованіи всей оссіи...

Нѣтъ, не нужно намъ зубатовыхъ и независимыхъ! Мы знаемъ, что правительство — нашъ рагъ, мы знаемъ, что свобода нужна намъ, какъ оздухъ. — Зубатовщина не помогаетъ, и правительство пытается погромами насъ разъединить. авно-ли разыгрались ужасы кишиневской бойни. сѣмъ извѣстно, что это дѣло правительства. Рачимъ и крестьянамъ власти внушали, что въ ѣдствіяхъ Россіи виноваты евреи, что ихъ надо ить, а не противъ властей бороться. А кто-же бираетъ крестьянъ, уводитъ у нихъ за недоимки оследнюю корову, выколачиваетъ подати у нищихъ? Кто? — Евреи, или русское правительство?

Кто заставляетъ дворянина платить съ десяины 40-50 коп., а мужика 2 р. 50 к.? Кто? Евреи, ли русское правительство?

Правда, богатые евреи эксплуатируютъ бѣдняовъ русскихъ, евреевъ, нѣмцевъ, безразлично; а азвѣ русскіе, нѣмецкіе капиталисты не дѣлаютъ ого-же и развѣ еврейскіе рабочіе не борются наавнѣ съ русскими, нѣмецкими рабочими заодно ротивъ всѣхъ богатыхъ? — Въ Кишиневскомъ поромѣ богатые евреи не пострадали, а рабочіе, ниіе евреи были десятками убиты вмѣстѣ съ грудыми младенцами.

Нѣтъ, не заманить насъ, угнетенныхъ, противъ ѣдняковъ, угнетенныхъ вдвойнѣ: всѣ угнетенные ратья и всѣхъ угнетателей и русскихъ, и евреевъ, нѣмцевъ мы ненавидимъ, какъ нашихъ враговъ. ротивъ всѣхъ нихъ мы, пролетаріи всѣхъ странъ, бединимся, помня, что *наша сила въ согласіи, а без-* ... — Правительство хочетъ запугать

насъ тюрьмой, но вѣдь вся Россія — громадная тюрьма, и намъ-ли бояться тюрьмы? Въ стѣнахъ тюрьмы мы разогнемъ свою спину, поучимся, подумаемъ о своей долѣ. Въ одесскую тюрьму недавно пригнали крестьянъ. Они пробыли недѣли три; пришли они робкіе и забитые—вышли гордые и смѣлые. Тамъ они научились уважать себя и великое дѣло свободы.

Тюрьмы переполнены. Съ 94-го по 97-ой годъ нашъ блаженный Николай засадилъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Но потока не удержать; онъ ломаетъ ледъ. Все что ни дѣлаетъ правительство, все противъ него. Оно бросается на насъ съ плетью, избиваетъ сотни, но тѣмъ самымъ поднимаетъ десятки тысячъ возмущенныхъ, и правительство принуждено будетъ опустить плеть, потому что плетью обуха не перешибешь. Когда за одного избитаго подымутся тысячи, правительство увидитъ, что съ огнемъ шутить нельзя.

Правительство пытается нашей кровью затушить пожаръ, но наша кровь вопіетъ къ небу и въ отвѣтъ на каждую каплю посылаемъ мы „проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ.“ Теперь на ст. Михайлово убито 18 рабочихъ, но ихъ смерть не страшитъ насъ. Это—смерть героевъ и у братской могилы мы клянемся бороться до конца за счастье всѣхъ угнетенныхъ. Правительство не унимается. Оно строитъ эшафоты, на которые возводитъ лучшихъ борцовъ, но эти эшафоты мы обращаемъ въ кафедры, съ которыхъ гремитъ на всю Россію проповѣдь равенства, братства и свободы...

Нѣтъ, мы не боимся никакихъ каръ, наша борьба не только за насъ, не только за то, чтобы лучше жилось намъ, рабочимъ. Развѣ наши братья крестьяне не пухнутъ съ голоду? Развѣ милліоны не мрутъ отъ голоднаго тифа и отъ цынги. Знаете-ли, что нѣмцы говорятъ о жизни нашего крестьянина?—„Русскій скотъ: свиньи и овцы очень выносливы: они выживаютъ въ мужицкой хатѣ“. Слышите!... Тамъ, въ мужицкой хатѣ влачитъ невыносимое существованіе нашъ братъ крестьянинъ

Ему лучше станетъ, если мы добьемся свободы для всѣхъ. Мы побѣдимъ! Движеніе наше страшно ростетъ. Никакія преграды его не остановятъ. Нашимъ врагамъ-насильникамъ мы скажемъ словами Либкнехта, великаго вождя нѣмецкихъ рабочихъ:

—„Вы хотите затоптать движеніе, цѣль котораго для милліоновъ людей, поверженныхъ во прахъ и гибнущихъ въ нищетѣ, —завоеваніе человѣческаго существованія—топчите! Здѣсь вы затоптали вспыхнувшій огонекъ, но за вами и передъ вами прорываются новые пламенные языки: это подземный огонь! Горитъ почва, на которой вы стоите, и этого огня вамъ не затоптать! Вы хватаете подстрекателей-бунтовщиковъ! Хватайте-же капиталистовъ, которые обсчитываютъ рабочихъ, помѣщиковъ, которые кормятъ батраковъ тухлой рыбой. Хватайте желѣзныя дороги, паръ, электричество, потому что все носитъ печать революціоннаго времени. Все объято пламенемъ революціи...“

Не преступники—мы... Наше дѣло—великое дѣло. Его торжество—торжество справедливости. Мы добьемся справедливости и тогда

„...Не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды.
Ни мечей, ни позорныхъ столбовъ...“

Рѣчь была выслушана съ напряженнымъ вниманіемъ. Раза два оратору приходилось прерывать ее, такъ какъ къ забору, отдѣлявшему дворъ отъ желѣзно-дорожнаго пути, подходили жандармы и прислушивались къ тому, что онъ говорилъ. — „Продолжайте! Мы васъ слушаемъ!“ — неслось тогда изъ толпы,

— Мы имѣемъ право говорить о своихъ дѣлахъ.

Рѣчь длилась около 40 минутъ; по окончаніи ея Василій предложилъ взять слово кому-нибудь изъ слушателей, но никто не захотѣлъ говорить.

Только послѣ его ухода было произнесено нѣсколько рѣчей рабочими.

И въ этотъ день, и въ предшествующіе дни очень многіе изъ ораторовъ, преимущественно организованные рабочіе, говорили о необходимости воздерживаться отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, о желательности спокойной, стойкой и выдержанной борьбы, которая всего страшнѣе правительству, жаждущему пролить нашу кровь и силой оружія сломить соціальдемократическое движеніе.

Все время настроеніе рабочихъ было вполнѣ спокойное. Въ первый день стачки были попытки со стороны нѣкоторыхъ экспансивныхъ рабочихъ удержать поѣздъ, идущій на Курскъ, но организованные рабочіе убѣдили ихъ оставить свое намѣреніе.

Ничто не предвѣщало возможности столкновенія съ войсками. Между тѣмъ, возможность эта была ближе, чѣмъ можно было предполагать.

VII.

Бойня на вокзалѣ.

Страшная, ничѣмъ не вынужденная, звѣрская, провокаторская бойня разыгралась въ тотъ-же день въ 4 часа.

Послѣ обѣда, около двухъ часовъ дня рабочіе стали собираться за Соломенкой, въ полѣ, на Батыевой горѣ. Вскорѣ ихъ тамъ замѣтили, и казаки оттѣснили ихъ въ сторону города. Тогда большая часть рабочихъ спустилась черезъ Соломенку къ жел. дор. депо и сплошной толпой преградила изъ него выходъ паровозовъ. Многіе для этого легли на рельсы. Значительная часть рабочихъ оставалась въ Соломенкѣ — предмѣстьѣ, застроенномъ маленькими хибарками, расположенномъ на склонѣ горы тотчасъ-же за депо.

Около депо собралось до двухъ тысячъ человѣкъ. Когда толпа размѣстилась въ полу-кругѣ, образуемомъ паравознымъ депо, одинъ изъ рабочихъ произнесъ довольно пространную рѣчь, въ которой нарисовалъ тяжкое положеніе рабочихъ на Руси, призывалъ товарищей бороться за свое

лучшее будущее, требовалъ отъ всѣхъ единодушія и серьезнаго отношенія къ столь великому дѣлу, указалъ на борьбу рабочихъ въ другихъ государствахъ и во многихъ городахъ Россіи, на важный историческій моментъ, переживаемый теперь Россіей, и просилъ всѣхъ не прекращать забастовки до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ требованія.

Между тѣмъ, на вокзалѣ готовилось къ отходу четыре поѣзда и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ паровоза. Вокзалъ былъ переполненъ народомъ. На толпу были посланы казаки и полиція. Произошло столкновеніе, во время котораго летѣли камни, свистали нагайки и обнаженныя шашки и были раненные съ обѣихъ сторонъ.

Въ концѣ концовъ путь былъ очищенъ и паровозы были выведены изъ депо. Этого факта не отрицаетъ и правительственное сообщеніе: „первоначальное разсѣяніе толпы удалось исполнить, не прибѣгая къ дѣйствію оружія.“

Послѣ этого „первоначальнаго разсѣянія“, произошла слѣдующая сцена. Къ собравшейся опять толпѣ приблизились войска и казаки, а впереди всѣхъ шелъ вице-губернаторъ, баронъ Штакельбергъ и помощникъ командующаго войсками Прескоттъ. Когда они подошли, какой-то рабочій смѣло выступилъ впередъ и, обращаясь къ начальству, сказалъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— Вы сытые и жирные, — такъ началъ рабочій, — вы живете въ роскоши, валяетесь на шелку и бархатѣ, имѣете все лучшее, а задавались-ли вы хоть разъ въ жизни вопросомъ, откуда берется все это богатство, чьимъ потомъ, чьими мускулами все это создано? Подумали-ль вы хоть разъ, сидя въ барскихъ комнатахъ своихъ о томъ, что есть на свѣтѣ рабочіе, которые работаютъ на васъ, живутъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ и всѣ свои лучшія силы отдаютъ за черствый кусокъ хлѣба? Мы собрались сюда для того, чтобы обсудить наше жалкое положеніе и рѣшить совмѣстно съ другими нашими братьями, что намъ предпринять для

улучшенія нашей жизни, какъ вдругъ являетесь вы, окруженные сотнями баши-бузуковъ и ротами солдатъ, и просите насъ разойтись. Не напугаете вы насъ видомъ нагаекъ и штыковъ!

Во время этой рѣчи Штакельбергъ притворялся глухимъ и подъ конецъ только, взбѣшенный до крайности, закричалъ:

— Разойдитесь! Становитесь на работу!

— Мы съ вами и разговаривать не будемъ, — отвѣтилъ одинъ рабочій, — мы хотимъ вести переговоры съ нашимъ начальствомъ, Нѣмѣшаевымъ.

Тогда баронъ Штакельбергъ, грубый и крайне ограниченный человѣкъ, спеціалистъ по части порокъ, сдѣлавшій на нихъ свою карьеру, разсвирѣпѣлъ отъ такой неслыханной дерзости и крикнулъ:

— Если такъ, то я васъ усмирю пулями! —

— Стрѣляйте! — закричали нѣкоторые рабочіе, разрывая на груди рубахи.

— Еще успѣю, не торопитесь! — съ ироніей замѣтилъ Штакельбергъ и что-то сказалъ генералу Прескотту, стоявшему съ нимъ рядомъ.

Тотъ далъ какой-то приказъ. Никто не успѣлъ и опомниться, какъ протрубилъ рожокъ и одинъ за другимъ раздались три залпа. Послѣ перваго залпа всѣ бросились на землю. Говорятъ, что это была потрясающая картина, казалось, что вся громаднѣйшая толпа сражена пулями. Впослѣдствіи-же оказалось, что отъ перваго залпа никто не пострадалъ. Всѣ раны были нанесены позднѣе, съ тылу, въ бѣгущихъ.

Прошло нѣсколько мгновеній. Толпу охватила паника; она вскочила и бросилась бѣжать: вскакивали въ окна депо, карабкались по горѣ, спотыкались и падали, опять подымались и опять падали, давили другъ-друга... Но стрѣльба не прекращается. Въ человѣкѣ проснулся звѣрь и почувствовалъ запахъ крови... По бѣгущей толпѣ было произведено еще два залпа. Казаки гнались за толпой, кололи и рубили ее. Одинъ казакъ заскочилъ за рабочимъ во дворъ и тамъ закололъ его шашкой. Убито и ранено нѣсколько женщинъ

и дѣтей. Всѣ рѣшительно раны нанесены съ тылу. Стрѣляли по направленію отъ вокзала къ Соломенкѣ. Сразу на мѣстѣ было убито четыре человѣка. Рабочіе подобрали трупы товарищей и отнесли ихъ на вокзалъ. Когда зловѣщая процессія появилась на перронѣ съ окровавлеными трупами на рукахъ, весь вокзалъ огласился криками и рыданіями; дамы попадали въ истерикѣ, по адресу офицеровъ кричали: убійцы! мерзавцы! Нѣкоторымъ плевали въ глаза. Два офицера получили пощещины отъ женъ рабочихъ. Одному полковнику около вокзала какая-то простая женщина ударомъ пустой бутылки выбила глаза. Артистъ императорскихъ театровъ, комикъ Борисовскій, случайно находившійся на вокзалѣ, пришелъ въ такое изступленіе, что понадобился призывъ скорой медицинской помощи. Никого не подпуская къ себѣ, онъ, не переставая, кричалъ: „мерзавцы, подлецы, убійцы!“ Въ концѣ концовъ его арестовали и отвезли въ Старо-кіевскій участокъ.

Рабочіе съ обнаженными головами, съ лицами, дышащими злобой и отчаяньемъ, положили трупы на перронъ къ ногамъ начальства. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вотъ на-те, мы принесли вамъ свѣжее мясо. Жрите!

И ушли. Начальство постѣснялось тотчасъ ихъ арестовать.

Група рабочихъ, женщинъ и дѣтей взяли одинъ трупъ и хотѣли отнести его къ генералъ-губернатору.

Съ пѣніемъ вѣчной памяти, съ воплями и рыданьями шла эта грустная процессія, численностью не болѣе 150 человѣкъ, неся мертвое тѣло, насквозь проколотое шашкой.

Къ сожалѣнію, они выбрали плохое направленіе: съ Безаковской улицы толпа свернула на Караваевскую. Около Лыбедского участка ее нагнала парная коляска, окруженная отрядомъ казаковъ. Толпу остановили, трупъ взяли на извозчика. Толпа оказала легкое сопротивленіе, полетѣли камни. Казаки,

не отвѣчая на удары, повернули и увезли куда-то трупъ; вѣрно въ желѣзно-дорожную больницу.

Страшная вѣсть мигомъ облетѣла весь городъ. Выстрѣлы царскихъ воиновъ заставили облиться кровью тысячи сердецъ. Правительство разорвало завѣсу. Закрывъ глаза десяткамъ, оно открыло глаза тысячамъ. Отнявъ жизнь у единицъ, оно призвало къ жизни массы. — Весь городъ зашевелился, какъ встревоженный муравейникъ. По улицамъ, тамъ и сямъ собирались группы по 10-20 человѣкъ. Изъ этихъ группъ доносились негодующіе возгласы. По многимъ улицамъ проходили толпы рабочихъ съ негодующими криками:

— Долой убійцъ!

А въ лагерѣ убійцъ въ это время царило ликованіе, по поводу одержанной побѣды.

Когда пѣхота возвращалась съ вокзала послѣ убійства, встрѣчное начальство, — какіе-то генералы, — съ особымъ выраженіемъ, поощрительно кричало: „здорово ребята!“ А „ребята“ также съ особымъвыраженіемъ *браво* отвѣчали: „рады стараться Ваше Превосходительство!“

VIII.

Что дѣлать?

Съ такимъ вопросомъ на устахъ собрались всѣ мы, черезъ часъ послѣ бойни на квартирѣ организатора стачки. Мы были потрясены и разбиты, тоска клещами сжимала грудь.

Наступалъ вечеръ. Заходившее солнце золотило рамы окна. Вдали виднѣлись скаты покрытыхъ зеленью холмовъ. На оживленной улицѣ господствовало обычное движеніе. На широкихъ тротуарахъ, какъ ни въ чемъ не бывало безпечно играли дѣти, съ суетливымъ видомъ прохожіе сновали въ разныя стороны, видимо озабоченные „своимъ“ дѣломъ.

На сердцѣ было тяжело и казалось страннымъ, что вотъ произошло такое страшное преступленіе, а все остается по прежнему: все та-же величаво-

равнодушная природа, все тѣ-же суетливые, самодовольные муравьи-люди.

Но вотъ картина быстро измѣнилась. На улицѣ раздался какой-то шумъ, плачъ дѣтей. Вдали слышались какіе-то крики. Я выглянулъ въ окно: дѣти со страхомъ, и въ то-же время съ любопытствомъ, выскакивали за черту палисадниковъ и потомъ съ визгомъ, стремглавъ бросались обратно къ дверямъ своего дома. Двери и окна быстро затворялись, раздавались испуганные голоса, виднѣлись лица, искаженныя страхомъ.

Крики все приближались, и вскорѣ я увидѣлъ, какъ человѣкъ 20 рабочихъ скорымъ, энергичнымъ шагомъ прошлись по улицѣ. По временамъ изъ толпы раздавались крики: долой убійцъ, долой самодержавіе!

Мы быстро спустились внизъ, но когда мы были на улицѣ, группа рабочихъ была уже далеко. Мы были въ еврейскомъ кварталѣ. Со всѣхъ сторонъ на насъ смотрѣли испуганныя лица еврейской бѣдноты. Отъ наступающаго вечера вѣяло мрачной угрозой.

Въ такую минуту нельзя было терять времени, нельзя было предаваться малодушію, слѣдовало найти исходъ.

Одинъ изъ насъ предложилъ выпустить за ночь прокламацію, написанную товарищемъ изъ другого города. Листокъ краснорѣчиво клеймилъ преступленіе и въ общихъ выраженіяхъ призывалъ къ борьбѣ съ чудовищемъ-самодержавіемъ.

Многимъ изъ насъ онъ показался въ такую минуту неумѣстнымъ.

— Рабочіе ждутъ отъ Комитета рѣшенія, а не литературной оцѣнки событія, — сказалъ кто-то изъ насъ. Теперь нужно нѣсколько строкъ, дающихъ рабочимъ тотъ или иной совѣтъ, а не квалификація правительственнаго злодѣянія.

Эта мысль всѣмъ показалась вѣрной. Но что-же намъ рѣшить?

На бѣду, засѣданіе было неполнымъ. Василія — оратора на сходкѣ, — съ нами не было. Мы знали,

что онъ — сторонникъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, вплоть до немедленнаго устройства баррикадъ, и потому его участіе въ обсужденіи стоявшаго передъ нами вопроса было-бы особенно цѣннымъ. Не было и другихъ членовъ Комитета.

Были получены вѣсти отъ рабочихъ. Среди нихъ царило страшное возбужденіе: стоитъ Комитету дать сигналъ и Крещатикъ будетъ наводненъ забастовщиками. Большинство явится вооруженными холоднымъ оружіемъ.

— При такихъ условіяхъ грѣшно отказаться отъ демонстраціи, — говорили одни.

Но въ силахъ-ли мы *организовать* демонстрацію по опредѣленному плану и *руководить* ею, — возражали другіе. — Собрать толпу — мы соберемъ, но не пройдетъ и двухъ минутъ, какъ мы перестанемъ быть ея хозяиномъ и предоставимъ ее самой себѣ. Мы совершенно не можемъ предугадать, чѣмъ наша демонстрація кончится. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что демонстрація при теперешнемъ настроеніи превратится неминуемо въ отчаянную бойню. Рабочіе сами будутъ нападать на войска. Въ демонстраціи примутъ участіе исключительно одни-лишь рабочіе. Лѣтомъ Кіевъ наполовину пустъ, студентовъ и интеллигенціи нѣтъ, и въ результатѣ изъ демонстраціи получится новая безцѣльная и вредная для соціальдемократіи бойня безоружныхъ рабочихъ.

— Имѣйте еще въ виду, господа, — добавилъ Злобинъ, что полиція всюду распространяетъ слухи, будто-бы рабочіе хотятъ грабить магазины на Крещатикѣ, къ этому-же ея агенты подговариваютъ и рабочихъ. Погрома, конечно, не будетъ, но такой слухъ развязываетъ руки полиціи. — Вообще ясно, что правительству выгодно устроить грандіозное кровопролитіе; оно ждетъ только случая, чтобы силой оружія подавить наше движеніе и залить его потокомъ крови. Мы не должны представлять ему такого случая!

Всѣмъ эти разсужденія показались убѣдительными, и товарищъ Алексѣй быстро набросалъ слѣ-

дующій листокъ, призывающій рабочихъ къ стойкому продолженію всеобщей стачки и приглашающій ихъ воздерживаться отъ демонстрацій.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ.

КО ВСѢМЪ РАБОЧИМЪ ГОРОДА КІЕВА.

Опять звѣрская расправа... Не успѣли еще остынуть трупы нашихъ товарищей, убитыхъ царскимъ правительствомъ въ Златоустѣ и на Кавказѣ, — и Русская земля вновь обагрена честной пролетарской кровью. Звѣрства разыгрались у насъ, въ Кіевѣ. Вчера, средь бѣла дня, по приказу губернатора Штакельберга по безоружной толпѣ стачечниковъ дано было три залпа; десятки убитыхъ, десятки тяжело раненныхъ, между ними много женщинъ и дѣтей. Товарищи! Царскому правительству страшны наше спокойствіе, наше единодушіе, — оно всѣми силами старается вызвать безпорядки, чтобы потоками крови сломить нашу стойкость. Напрасныя надежды! Мы не дадимъ врагу торжествовать. Павшіе товарищи своей геройской смертью удесятерятъ наши силы, вольютъ въ насъ отвагу и рѣшимость довести до конца наше правое дѣло.

Мы измѣнили бы нашему дѣлу, мы надругались бы надъ трупами товарищей, если-бы теперь прекратили борьбу, если-бы теперь не держались до послѣдней капли крови. Кровь нашихъ товарищей взываетъ о мести, *но нашей местью должно быть настойчивое и упорное продолженіе нашей борьбы. Это всего страшнѣе нашимъ врагамъ, наша стойкость расшатываетъ тронъ коронованнаго злодѣя, наша стойкость заставляетъ содрагаться самодержавныхъ палачей.*

Къ борьбѣ же, товарищи, къ борьбѣ!

Долой самодержавныхъ убійцъ! Да здравствуетъ грозная и неумолимая борьба рабочихъ за политическую свободу!

Вѣчная память героямъ мученикамъ, павшимъ въ борьбѣ за рабочее дѣло!

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

21 іюля 1903 года.

Ночью листокъ этотъ былъ напечатанъ и на слѣдующее утро его уже распространяли.

Когда мы расходились, было уже очень поздно. Мы слышали раздававшіеся во мракѣ мѣрные шаги солдатъ. На улицахъ стояла тьма.

IX.

По поводу бойни на вокзалѣ.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Кіевскимъ Комитетомъ было издано печатаемое ниже стих-

твореніе и слѣдующій листокъ, посвященный совершившемуся злодѣянію.

КО ВСѢМЪ ГРАЖДАНАМЪ.

Звѣрское преступленіе, въ духѣ Ивана Грознаго и его опричины, и столь обычное въ царствованіе Николая II, совершено снова въ Кіевѣ. 23-го іюля къ собравшимся у желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ забастовавшимъ рабочимъ явились Штакельбергъ и Новицкій со своей свитой. На требованіе разойтись и приступить къ работѣ стачечники отвѣтили, что желаютъ говорить съ начальникомъ дорогъ Немѣшаевымъ. Этотъ законный и мирный отвѣтъ не удовлетворилъ царскаго бурбона. Штакельбергъ заявилъ, что для усмиренія непокорной толпы пуститъ въ ходъ оружіе. Въ отвѣтъ на это дикое заявленіе нѣсколько героевъ — рабочихъ, выступили впередъ и, разорвавъ на себѣ рубахи, выставили свою благородную грудь подъ солдатскіе штыки... Тогда, безъ предупрежденія, въ беззащитную толпу было дано три залпа... Восемь рабочихъ упало убитыхъ, въ ихъ числѣ — одна женщина...

Такъ правительство расправляется съ рабочими, добивающимися лучшей жизни, такъ оно считается съ требованіями и нуждами историческаго момента. Упоенные властью и былымъ престижемъ самодержавія, эти мракобѣсы, попавшіе въ правители, не останавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ, только бы повернуть вспять колесо жизни. Но куда же идти дальше? У русскаго народа отнято все, если только у него когда-нибудь и что-нибудь было. Вся Россія отдана подъ надзоръ полиціи и казаковъ. Нѣтъ на Руси семьи, нѣсколько членовъ которой не было бы брошено въ тюрьму, сослано въ Сибирь, или лишено права свободнаго передвиженія. Города наполнены шпіонами и провокаторами, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ даже мирныхъ гражданъ. Страна наводнена полиціей, на усиленіе которой всего только на дняхъ ассигновано 10 милліоновъ рублей. Земское и городское управленіе, всегда бывшіе только каррикатурой на самоуправленіе, теперь окончательно превращены въ фикцію, поставлены подъ начало губернатора, всесильнаго и самодержавнаго хозяина. Крестьянство разорено до послѣдней степени, стонетъ подъ тяжестью налоговъ и вѣчныхъ голодовокъ. Экономическая жизнь замерла, промышленному кризису не предвидится конца, а о культурной и духовной жизни говорить нечего — правительство безпощадно преслѣдуетъ всякое свободное слово, всякое даже слабое проявленіе общественной самодѣятельности.

Въ такой атмосферѣ трудно дышать, невозможно жить. Всѣ потеряли увѣренность въ своей личной безопасности, никто не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра: рабочіе — что они не падутъ отъ предательскихъ залповъ царскихъ войскъ; евреи — что ихъ не разорятъ правительственные провокаторы; капиталисты — что кризисъ и замѣшательство въ общественной жизни не принесутъ имъ милліонные убытки; всѣ граждане, что они не попадутъ въ тюрьму или не будутъ избиты казаками. Рус-

ская жизнь попала въ какой-то мрачный тупикъ, изъ котораго какъ будто нѣтъ выхода... Грозныя тучи нависли надъ несчастной страной, и чуткому сердцу слышится только адскій хохотъ столичныхъ изувѣровъ, нагло издѣвающихся надъ священными правами русскаго народа.

Въ это тяжелое время торжества реакціи только русскій пролетаріатъ, руководимый Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіей, не выпускаетъ изъ рукъ краснаго знамени революціонной борьбы и съ каждымъ днемъ смѣлѣе и отважнѣе наступаетъ на врага. Еще недавно мы были свидѣтелями грандіозной стачки въ Ростовѣ и политическихъ демонстрацій во многихъ другихъ городахъ Россіи. Теперь пущено въ ходъ другое средство борьбы: рабочіе нѣсколькихъ крупныхъ городовъ (Баку, Тифлиса, Батума, Одессы, Николаева, Екатеринодара, Ростова и Кіева) объявили всеобщую стачку — это грозное напоминаніе правительству о революціонной силѣ пролетаріата. Предъявляя требованія къ хозяевамъ, рабочіе въ то же время ни на шагъ не отступаютъ отъ политическихъ требованій нашей программы. Они хорошо понимаютъ, что полное обновленіе политическаго строя Россіи можетъ придать рабочимъ силу въ ихъ борьбѣ за лучшее будущее, и потому требуютъ:

Созыва всероссійскаго народнаго собранія, избраннаго всѣми взрослыми гражданами Россіи; это собраніе одно лишь въ правѣ издавать законы, которыми управляется страна.

Свободы стачекъ, союзовъ и собраній.

Свободы слова и печати, когда каждый можетъ говорить и писать о чемъ хочетъ.

Свободы совѣсти, когда религіозныя или иныя убѣжденія не преслѣдуются закономъ и властью.

Свободы и неприкосновенности личности, когда никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ за уголовное преступленіе по постановленію суда.

Граждане! Вы видите, что требованія рабочихъ касаются не только ихъ однихъ, но и всего народа. Рабочіе борятся за общенаціональное и общенародное дѣло. Политическая свобода, которой мы требуемъ, внесетъ жизнь въ мрачное существованіе Россіи; она смоетъ всю накопившуюся въ ней грязь и дастъ просторъ молодымъ росткамъ, которые розовьются въ пышное дерево свободнаго государства. Поддержите же борющихся рабочихъ! Агитируйте, собирайте деньги, создавайте общую атмосферу протеста противъ правительства и сочувствія освободительному движенію, атмосферу, отъ соприкосновенія съ которой застыла бы кровь въ каменныхъ сердцахъ нашихъ угнетателей.

Товарищи рабочіе! Крѣпче другъ къ другу подъ знамя Россійской Соціальдемократіи! Распространяйте стачку все дальше, пусть остановится, хотя-бы на короткое время, вся промышленная жизнь, пусть враги наши осязательно почувствуютъ нашу силу. Трупы разстрѣлянныхъ товарищей призываютъ насъ къ борьбѣ и низверженію самодержавнаго правительства.

Быстрымъ шагомъ приближается къ намъ революція... Будемъ смѣло смотрѣть ей въ глаза, будемъ привѣтствовать ея приближеніе — она несетъ свободу и счастье.

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

Стихотвореніе, распространенное нами среди рабочихъ, довольно точно воспроизводитъ настроеніе публики на вокзалѣ послѣ стрѣльбы. Среди рабочихъ на это стихотвореніе былъ очень большой спросъ; оно вызвало нѣсколько подражаній, причемъ одно стихотвореніе, написанное рабочимъ, было также напечатано. Нѣкоторые изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ знаютъ это стихотвореніе наизусть.

Мертвые къ живымъ.

(Кіевская бойня рабочихъ на вокзалѣ)

Легли головами въ неравномъ бою
Мы, мирныя дѣти рабочаго люда!
Теперь на Руси не прокормишь семью, -
Народу живется такъ худо:

Бѣднѣетъ несчастный народъ съ каждымъ днемъ,
За каторжный трудъ уменьшается плата!
Открыто святую борьбу мы ведемъ,
Борьбу за голоднаго брата:

Сплотившись подъ знаменемъ честнымъ труда,
Мы требуемъ хлѣба, мы ищемъ исхода:
Въ странѣ, гдѣ царитъ роковая нужда,
Закована въ цѣпи свобода...

Все это минуло въ сосѣднихъ краяхъ,
На Западѣ люди прошли черезъ это:
Невѣдомъ былъ смѣлымъ подвижникамъ страхъ, —
Добились и правды, и свѣта!

Не знали на тронахъ и тамъ короли
Народовъ измученныхъ горестной доли
И подданныхъ къ гибели явной вели
Путями нужды да неволи...

Въ дворцахъ процвѣтаютъ — безстыдный обманъ
Съ союзницей лестью лукавою рядомъ:
Судьбою доволенъ ничтожный тиранъ,
И сладко живется лишь гадамъ!..

Приспѣла для нашей отчизны пора
Возстать, наконецъ, за права человѣка:
Не ждать же при старомъ порядкѣ добра,
Позорномъ для новаго вѣка...

Хоть людъ нашъ рабочій къ терпѣнью привыкъ,
Но въ нынѣшнихъ безднахъ бѣды и печали
Бездомный фабричный и нищій мужикъ
Царя обожать перестали:

Онъ — кукла въ рукахъ у великихъ князей,
У властной и жадной чиновничьей шайки.
Отчизною правитъ предатель-злодѣй,
Зазнавшійся рыцарь нагайки!

Тюрьмою, Сибирью, солдатскимъ штыкомъ,
Достигши высокихъ предѣловъ искусства,
Палачъ прирожденный жизнь губитъ кругомъ —
Порывы и слова, и чувства!

Принявшихъ завѣтъ безкорыстной любви,
Насъ, воиновъ скромныхъ возвышенной цѣли,
Съ холодною яростью топитъ въ крови,
Чтобъ къ благу стремиться не смѣли!

И мучитъ въ Россіи онъ всѣ племена:
Финляндцамъ, армянамъ, грузинамъ, евреямъ,
Полякамъ, украинцамъ участь одна
Готовится этимъ злодѣемъ...

Пускай и не грезятъ о лучшей судьбѣ,
Во-вѣки оковы сорвать не мечтаютъ!
Лжешь, извергъ! Въ начавшейся правой борьбѣ
Побѣды и насъ ожидаютъ.

Оружіе наше — не ржавый вашъ мечъ,
Не ваши слѣпыя свинцовыя пули...
Послушай усопшихъ загробную рѣчь,
Хоть мы и навѣки заснули:

Знай, духъ нашъ не умеръ, — пусть мертвы тѣла
Сраженныхъ военнымъ тупымъ послушаньемъ,
Пролитая кровь пышной жатвой взошла —
Могучимъ взойдетъ упованьемъ!

Для васъ же опасенъ подобный посѣвъ:
Отнынѣ, увидишь, въ душѣ у солдата
Невольно созрѣетъ естественный гнѣвъ, —
Что сталъ онъ убійцею брата!

Вѣдь дѣло другое — въ жестокомъ бою
Съ врагами — защита отчизны любимой;
А здѣсь по командѣ въ родную семью
Стрѣлялъ онъ съ тоской нестерпимой...

* *
*

Закончился каторжный жизненный трудъ:
Для близкихъ, увы, это — страшная драма!
Живые товарищи наши несутъ
Шесть труповъ на станцію прямо.

Клещами сжимаетъ имъ сердце тоска, —
Подходятъ въ суровомъ молчаніи смѣло....
Ну, какъ прозѣвали ихъ дерзость войска,
Да гдѣ же начальство смотрѣло?!

И, бросивъ насъ, мертвыхъ друзей, на перронъ,
Жандармамъ въ лицо закричали: „смотрите, —
Вамъ пищу сюда притащили мы, — вонъ
Лежитъ мясо свѣжее! Жрите!"

Краснѣлъ даже гнусный жандармскій мундиръ,
Казалось, отъ нравственныхъ этихъ пощечинъ, —
О, видно, искусственно созданный міръ
Насилія — слишкомъ непроченъ!

Полковникъ въ отставкѣ, почтенный старикъ
„Съ Георгіемъ", снявши фуражку, надъ нами
Дрожавшей сѣдой головою поникъ
И что-то шепталъ со слезами...

Нарядныя барыни, плача, вокругъ
Съ нѣмою молитвой колѣни склоняли...
А вотъ — молодежь, благородный нашъ другъ, —
Полна безпредѣльной печали...

А вотъ въ сторонѣ мужики собрались,
Лбы знаменемъ крестнымъ себѣ осѣняя:
Тамъ просьбы за „жертвъ убіенныхъ" неслись, —
Чтобъ мы удостоились рая...

Эхъ, темные братья, создайте-ка рай
Вы сами, гдѣ въ рабствѣ Россія страдаетъ,
Гдѣ съ шайкой поповскою царь Николай
Облыжно святыхъ открываетъ...

Мы гибли тутъ, вашему счастью служа,
Чтобъ вамъ безъ конца не страдать нестерпимо,
Въ то время, какъ онъ, вѣнценосный ханжа,
Поѣхалъ къ мощамъ Серафима.

Изъ Сарова наглою сказкой чудесъ
Морочатъ обманщики родину нашу,
Чтобъ пили покорно, во имя небесъ
Вы горькую, горькую чашу.

Довольно! Воспрянь-ка, землякъ-богатырь:
Приспѣло завѣтное славное время,
Россія и въ даль разрослася, и въ ширь, —
Стряхни жъ ненавистное бремя!

Въ грядущемъ сулятъ вамъ уста мертвецовъ
Ограду великую мирной свободы,

Когда для иныхъ, — плодотворныхъ трудовъ
У насъ возродятся народы!

Разсѣется ужасовъ черная ночь
Надъ братствомъ, сплотившимся честно и свято,
И подлыхъ мучителей нынѣшнихъ прочь
Прогнать вы должны безъ возврата!

X.

Всеобщая забастовка. Демонстраціи на Еврейскомъ и Сѣнномъ базарахъ.

Съ четверга забастовка приняла всеобщій характеръ. Забастовали всѣ конки, въ томъ числѣ и Святошинская, булочники, корсетницы, почти всѣ ремесленники, табачныя и гильзовыя фабрики, типографщики, всѣ рѣшительно заводы, въ томъ числѣ сахаро-рафинадный, дрожжевой, кирпичные, бетонный, заводъ дубовыхъ экстрактовъ, арсеналъ, мебельныя фабрики, заводъ Греттера, рабочіе казеннаго виннаго склада, жестянники, портные, модистки, слесарно-рѣшетчики и водопроводчики, столяры, портовые рабочіе и т. д. Нѣкоторые, впрочемъ, забастовали и ранѣе четверга.

Въ пятницу забастовали телеграфисты Управленія Юго-Западн. жел. дор., въ количествѣ около 20 человѣкъ, рабочіе пароходныхъ мастерскихъ, матросы; къ стачкѣ начали присоединяться строительные рабочіе — каменьщики, плотники и штукатуры, мясники, колбасники и другіе.

Общее число забастовщиковъ достигло 12-15 тысячъ человѣкъ, однимъ словомъ, забастовало все рабочее населеніе г. Кіева. По всему городу ходятъ группы рабочихъ и останавливаютъ всѣ производящіяся гдѣ-бы то ни было работы.

Мнѣ, напримѣръ, приходилось наблюдать слѣдующую сцену:

Мимо воротъ нашего дома проходятъ три рабочихъ и, замѣтивъ посреди двора мебель, входятъ во дворъ.

— Нельзя ли, тетенька, воды напиться? — обращается одинъ изъ нихъ къ кухаркѣ, стоящей на дворѣ.

— Отчего нельзя, можно, отвѣчаетъ та, и черезъ минуту приноситъ кружку.

Рабочіе подходятъ къ водопроводу, но воды не пьютъ.

— А что это, тетенька, у васъ никакъ ремонтъ? — спрашиваетъ опять рабочій, указывая на стоящую тутъ-же мебель.

— Да, это тутъ, въ сосѣдской квартирѣ, — отвѣчаетъ кухарка, не понимая еще, къ чему клонится рѣчь.

— Что-же и сегодня у васъ работаютъ? — продолжаетъ рабочій свой допросъ.

— Нѣтъ сегодня что-то не пришли.

— Ага! — удовлетворенно произноситъ рабочій. — А какіе здѣсь рабочіе? — Кухарка удовлетворяетъ его любознательность, и всѣ они уходятъ со двора.

— А что-же вы воды то не пили? — кричитъ имъ въ слѣдъ кухарка.

— Да такъ, не хочется что-то, — отвѣчаютъ обструкціонеры, быстро удаляясь.

Въ большинствѣ случаевъ, обструкціонерамъ повинуются безпрекословно.

— Отчего вы не бастуете? — спросила моя знакомая обойщика мебели, работавшаго въ сосѣдней квартирѣ.

— А вотъ, говоритъ, если забастуютъ мебельныя фабрики Кона и Кимаера и придутъ къ намъ, тогда и мы забастуемъ.

На слѣдующій день онъ уже не явился работать: очевидно „пришли."

Иногда, впрочемъ, дѣло не кончалось такъ мирно и во время обструкціи происходили бурныя столкновенія.

Бурныя обструкціи происходили въ нѣкоторыхъ булочныхъ (на Рейтарской ул. напр.), премущественно турецкихъ, и на постройкахъ.

Происходили также мелкія столкновенія съ полиціей и войсками. Такое столкновеніе имѣло, напримѣръ, мѣсто на табачной фабрикѣ Когена на Пушкинской улицѣ. Полиція пол-дня не выпускала

со двора дѣвушекъ работницъ, заперевъ ворота и калитку въ воротахъ. Необычная картина: полиція у воротъ и работницы, запертыя за воротами — привлекла много народу. Много сочувственныхъ возгласовъ:

— Теперь жизнь дорога! Онѣ правы!

— Когенъ получаетъ въ годъ болѣе 50 тысячъ со своихъ фабрикъ; можетъ имъ прибавить.

Со стороны Фундуклеевской ул. отрядъ городовыхъ перегородилъ Пушкинскую. Та же картина на Лютеранской у табачной фабрики бр. Когенъ.

При необычныхъ условіяхъ произошла также стачка на заводѣ дубовыхъ экстрактовъ, на Подолѣ. Собственникъ завода, какой-то французъ, будучи недоволенъ непокорностью кіевскихъ рабочихъ, незадолго до стачки рѣшилъ выписать себѣ 30 человѣкъ рабочихъ изъ Минска. Они прибыли къ началу стачки, немедленно забастовали, и, пробывъ въ Кіевѣ всего два дня, были отправлены хозяиномъ завода обратно на родину. На смѣну имъ были выписаны рабочіе изъ Могилева; но и тѣ, немедленно по пріѣздѣ, разузнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же выставили тѣ же требованія, какія были предъявлены предшествующей партіей. Хозяинъ долженъ былъ, наконецъ, имъ уступить. Теперь они работаютъ на лучшихъ, чѣмъ предшествующіе рабочіе, условіяхъ.

Строительные рабочіе, почти повсюду, пассивно повиновались, по большей части въ глубокомъ молчаніи. Приходилось наблюдать курьезныя сцены. Къ строющемуся дому на Фундуклеевской улицѣ подходитъ большая толпа рабочихъ. Значительная часть ея располагается на противуположной сторонѣ улицы. Кричатъ:

— Бросайте работу! Уходите домой! Мы не работаемъ и вы не работайте!

Въ отвѣтъ — глубокое молчаніе. Каменьщики, штукатуры, плотники, — все великороссы, — стоятъ, молчатъ, о чемъ то думаютъ, почесываютъ затылки, не работаютъ, но и работы не бросаютъ. Изрѣдка обмѣниваются односложными восклица-

ніями: — Слышь Степанъ! Намъ говорятъ! — Видимо въ ихъ душѣ происходитъ мучительная борьба. Въ это время къ воротамъ подъѣзжаетъ на извозчикѣ прилично одѣтый рабочій — атлетическаго тѣлосложенія и стремительно направляется во дворъ. По всему видно, что это обструкціонистъ, желающій обмануть бдительность полиціи. Стоящіе у воротъ дома городовые хватаютъ его за руки и хотятъ посадить его на извозчика. Увидѣвъ это, толпа съ криками „ура"! бросается къ товарищу. Въ то-же время рабочій встряхивается, съ силой разводитъ руками и отбрасываетъ въ стороны городовыхъ. Потомъ медленнымъ шагомъ идетъ къ товарищамъ. Городовые не рѣшаются преслѣдовать его и не двигаются съ мѣста.

И вотъ плотники и штукатуры попрежнему въ раздумьи чешутъ затылки, попрежнему не произнося ни слова, и нерѣшительно складываютъ свои инструменты и одинъ за другимъ спускаются съ лѣсовъ и уходятъ домой. Появившись толпой у воротъ дома, прежде чѣмъ расходиться, они стоятъ нѣкоторое время въ раздумьи.

Къ нимъ подходитъ городовой и въ грубой формѣ требуетъ, чтобы они разошлись. Тутъ происходитъ чудо: одинъ изъ плотниковъ вдругъ заговорилъ. Нечленораздѣльные и непонятные звуки вылетали изъ его горла. Нѣкоторое время только и было слышно: каво, чаво, тае и тому подобныя словечки. Не сразу понялъ его рѣчь и городовой; наконецъ, онъ разобралъ

— Ты это каво гонишь? Чаво на своихъ идешь? Самъ изъ мужиковъ! Ты долженъ за нашего брата стоять!

Въ такомъ родѣ, безсвязно сыпалъ онъ восклицаніями, разволновавшись и размахивая руками. Его слова были такой неожиданностью для всѣхъ, что даже городовой опѣшилъ и не нашелся, что ему отвѣтить.

За немногими исключеніями забастовавшіе рабочіе всѣхъ перечисленныхъ выше отраслей труда передавали свои требованія для формулировки и

напечатанія Кіевскому Комитету. Нѣкоторые изъ рабочихъ надумались слишкомъ поздно и передали намъ свои требованія послѣ окончанія стачки. Такъ, напримѣръ, маляры, работавшіе во время стачки, рѣшили забастовать послѣ перваго августа и просили у Комитета поддержки и совѣта. Мы посовѣтовали имъ приберечь силы для болѣе удобнаго момента.

Не бастовали также рабочіе городского водопровода и электрической станціи. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ начальство предусмотрительно поставило отряды пѣхоты и не выпускало рабочихъ ни днемъ, ни ночью.

Одно время въ Кіевѣ бастовали всѣ типографіи, кромѣ типографіи „Кіевскаго Слова“ и, конечно, нашей. Въ „Кіевлянинѣ“ всѣ рабочіе забастовали, но редакторъ-издатель Пихно привезъ тѣхъ фаворитовъ-наборщиковъ, которые жили у него на дачѣ. Работа продолжалась подъ охраной полиціи, причемъ рабочихъ не отпускали домой, а они и спали, и обѣдали въ типографіи. Всего работало въ „Кіевлянинѣ“ — 8 человѣкъ. Рабочіе хотѣли выбить окна въ „Кіевлянинѣ“, но были вызваны казаки. „Кіевское Слово“ также охранялось полиціей и, кромѣ того, нѣкоторыми усердными сотрудниками.

Лубковскій, собственникъ типографіи, издающей „Кіевскую Газету“, заявилъ рабочимъ, что онъ полиціи не позоветъ и, дѣйствительно, до конца не позвалъ. У него работало на газетѣ два наборщика и нѣсколько мальчиковъ-учениковъ, остальные бастовали. Въ теченіе нѣсколькихъ дней газета выходила въ размѣрѣ полу-листа.

Слѣдуетъ особенно отмѣтить крайне корректное и выдержанное поведеніе рабочихъ. Прямо удивляешься, какъ это при нашей азіатчинѣ, въ царствѣ тюрьмы и нагайки, возможны такія сознательныя исполненныя чувства собственнаго достоинства массовыя движенія.

О возможности какого-либо погрома, разграбленія магазиновъ, домовъ и т. д. не могло быть и

ѣчи, какъ полиція ни старалась терроризировать ублику подобными слухами и опасеніями.

Слѣдуетъ также упомянуть, что у забастовщиковъ ыло стремленіе лишить городъ воды, освѣщенія съѣстныхъ припасовъ. Рабочіе становились наримѣръ группами по Цѣпному мосту и не пускали ь городъ молочницъ и крестьянъ, везущихъ всевозможные припасы.

Эта тенденція вмѣстѣ съ забастовкой булочниовъ, колбасниковъ, мясниковъ вызвала значительое вздорожаніе всѣхъ съѣстныхъ продуктовъ. 'рехкопѣечная булочка продавалась, напр., по 8-0 коп.

Мирные буржуа и очень многіе либеральные бывателіи во время паники, охватившей весь гоодъ, неодобрительно относились къ этому явленію. Цаже среди заправской интеллигенціи приходилось лышать, напр., такія разсужденія:

— Ну, имѣй себѣ дѣло съ фабрикантами: но ричемъ же тутъ мы? Зачѣмъ же насъ лишать лѣба и воды? Остается только стрѣлять!

Къ вопросу о настроеніи разныхъ слоевъ населенія мы еще вернемся.

Въ то время, какъ либеральная интеллигенція бнаружила страшную узость и полное отсутствіе юлитическаго смысла, обструкціонеры, напротивъ, ыказывали подчасъ довольно широкое пониманіе воихъ задачъ.

Встрѣчаетъ, напр., группа забастовщиковъ гоюдового, который несетъ сумку съ пакетами изъ убернскаго правленія въ полицейскій участокъ.

Забастовщики тотчасъ его останавливаютъ, отбиаютъ пакеты, рвутъ ихъ въ клочки и говорятъ:

— Теперь снимай свой мундиръ и иди съ нами!

Городовой нѣкоторое время упирается, христомъбогомъ молитъ оставить его въ покоѣ. Нѣкоторое время нехотя слѣдуетъ за забастовщиками.

— Ну, и чортъ съ тобой! рѣшаютъ тѣ, и отпускаютъ его на всѣ четыре стороны.

Какъ и слѣдовало ожидать, волненія среди рабочихъ и ихъ протестъ противъ безсмысленнаго и

звѣрскаго преступленія правительства не удерж лись въ мирномъ руслѣ всеобщей забастовки вылились въ болѣе яркую форму.

Въ четвергъ утромъ около шестидесяти чел вѣкъ рабочихъ, вооружившись гайками, молоткам ломами, пришли на мѣсто бойни на вокзалъ и о казались разойтись по требованію войскъ. Орг низованнымъ рабочимъ съ большимъ трудомъ уд лось убѣдить ихъ между вторымъ и третьимъ с гналомъ.

Два раза въ теченіе четверга Крещатикъ напо нялся забастовщиками.

Въ четвергъ произошла демонстрація на Евре скомъ базарѣ, а въ пятницу въ два пріема так самопроизвольно возникла демонстрація на Сѣнном базарѣ. По словамъ очевидцевъ, въ обоихъ эти мѣстахъ численность толпы достигала до 1000 че Въ обоихъ случаяхъ пѣли революціонныя пѣс и надъ толпой развѣвались красныя знамена. Еврейскомъ базарѣ казаки дали два выстрѣ Схватка была ожесточенная. Демонстранты заня паперть и ограду Желѣзной церкви и оттуда щищались камнями, палками и кольями отъ на денія казаковъ. Двое изъ казаковъ были ране и увезены въ больницу. Пострадалъ ли кто нибу со стороны рабочихъ, намъ не удалось выяснить

Въ тотъ же день, въ четвергъ, на островкѣ, р положенномъ среди большого болота, поросша лозой, за Тріумфальными воротами, въ центрѣ ра чаго предмѣстья состоялось довольно большое с раніе рабочихъ, на которомъ выступали съ рѣчам какъ интеллигенты, такъ и рабочіе соціальде краты.

Полиція нѣкоторое время не трогала собра Но когда въ нее полетѣли со стороны рабочи комки грязи и палки, казаки разсвирѣпѣвъ бро лись во весь опоръ къ толпѣ; но они плохо разс тали: лошади застряли въ трясинѣ и попада вмѣстѣ съ наѣздниками въ грязь. А рабочіе тѣ временемъ благополучно разошлись въ разныя с роны.

Представляли ли себѣ ясно забастовщики антиправительственное значеніе своихъ дѣйствій, и въ какой мѣрѣ стачка носила сознательно-политическій характеръ, понятно, трудно сказать. Но несомнѣнно, что даже до стрѣльбы, еще въ началѣ забастовки, въ ней былъ ярко выраженъ элементъ политическаго протеста, развившійся на почвѣ классовой солидарности. Тотъ фактъ, что всеобщій характеръ стачка приняла послѣ стрѣльбы, и что во многихъ мѣстахъ экономическія требованія не были вовсе выставлены, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что *главной причиной стачки было инстинктивное политически-оппозиціонное настроеніе рабочихъ массъ.*

Многіе рабочіе бастовали съ четверга, не выставляя никакихъ требованій. Когда, напр., вагоновожатыхъ трамвая первоначально спросили, чего они требуютъ, они отвѣтили:

— Мы ничего не хотимъ.

— Чего-же вы бастуете?

— Да, вотъ, вчера стрѣляли на вокзалѣ, а сегодня мы не будемъ работать.

Для всякаго рабочаго такое разсужденіе было вполнѣ понятно и послѣдовательно. Еще въ первый день стачки мнѣ пришлось ѣхать на извозчикѣ; съ нимъ тотчасъ завязался разговоръ на злобу дня. Желая разузнать что-либо относительно настроенія массъ и отношенія ихъ къ забастовкѣ, я спросилъ извозчика:

— А не говорятъ ли въ народѣ, что рабочіе, молъ, бросили работу изъ лѣни, потому что не хотятъ, молъ, работать?

— Да нѣтъ, это никакъ невозможно, — обидѣлся даже мой извозчикъ, — какая тутъ лѣнь! Каждый человѣкъ долженъ искать своихъ правовъ. А тутъ, что ни фабрика — прижимка, кругомъ — всякое нахальство!

Послѣднее выраженіе, мнѣ кажется, очень мѣтко и правдиво характеризуетъ настроеніе массъ. Сознательно выраженнаго и продуманнаго желанія свергнуть самодержавіе и водворить на его мѣсто какую-либо иную форму правленія — въ широкихъ

народныхъ массахъ, понятно, въ настоящее время еще не имѣется. Сознательное отношеніе къ самодержавію, какъ формѣ правленія, было лишь у немногихъ участниковъ стачки, но инстинктивная ненависть къ тому „нахальству“, которымъ самодержавіе заботливо окружаетъ весь русскій народъ, чувствовалась всѣми и явилась главной причиной всеобщей стачки.

XI.

Убійства на Подолѣ

Былъ третій часъ дня, когда я услышалъ, что на Подолѣ „разбиваютъ“ паровую мельницу Бродскаго. Я поспѣшилъ туда; на Александровскомъ спускѣ меня нагнала сотня казаковъ. Когда я спустился внизъ, то увидѣлъ, что нѣсколько сотъ человѣкъ столпились около пароходной пристани. „Разгромъ“ мельницы состоялъ лишь въ томъ, что рабочіе, по большей части подростки, камнями разбивали въ ней окна. Это явленіе, столь обычное на Западѣ, носило въ сущности характеръ символическаго оскорбленія, которымъ забастовщики выражали свое презрѣніе измѣнникамъ общему дѣлу и богачу-капиталисту.

Но власти захотѣли придать этой шалости серьезный характеръ, характеръ „погрома“, истребленія скопомъ чужого имущества.

Драгомировъ даже въ своемъ оффиціальномъ сообщеніи, появившемся на слѣдующій день въ газетахъ, старался извратить истинный характеръ происшедшаго событія; тамъ было сказано, что „толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ стала бить окна *въ домахъ*“.

Это — неправда! Окна были разбиты лишь въ мельницѣ Бродскаго и въ табачной фабрикѣ Каца, — что не одно и тоже.

Когда я подошелъ къ толпѣ, большая часть оконъ въ мельницѣ Бродскаго была уже разбита. Толпа держала себя довольно спокойно. Казаки и подоспѣвшіе городовые стали напирать на толпу,

при чемъ были пущены въ ходъ нагайки. Городовые били обнаженными шашками. Толпа росла а вмѣстѣ съ нею росло и возмущеніе. Въ казаковъ было брошено нѣсколько камней; они стали жестоко избивать толпу, которой некуда было уйти, такъ какъ ее оттѣсняли все ближе и ближе къ рѣкѣ. Возмущенная толпа, вооружившись камнями, пустила ихъ въ казаковъ цѣлымъ градомъ. Натискъ былъ до того рѣшителенъ, что городовые съ шашками, а за ними казаки бросились бѣжать.

Къ этому времени подоспѣла полу-рота Херсонскаго полка съ поручикомъ Рычковымъ во главѣ... Раздалось до *десяти* одинокихъ выстрѣловъ, вѣроятно, со стороны казаковъ.

Выстрѣлы чрезвычайно возбудили толпу. Многіе бросились на пристань, а большая часть разсѣялась по откосу набережной и стала вырывать камни изъ мостовой. Помогали въ этомъ женщины и дѣти. Громадные участки мостовой оказались разобранными. Въ это время раздался первый залпъ. Въ казаковъ и городовыхъ полетѣли камни, которыми многіе были ранены. Но это была послѣдняя попытка сопротивляться.

Толпа по откосу начала осторожно разбѣгаться направо и налѣво, расчищая площадь передъ войсками. Многіе присоединились къ укрывшимся на пристани. Затѣмъ наступила почти гробовая тишина. Всѣ какъ-то притаились. Не смотря на то, что со стороны толпы не было больше никакихъ попытокъ сопротивляться, черезъ небольшіе промежутки времени послѣдовало еще *четыре* залпа. Стрѣляли въ тѣхъ, которые спѣшили очистить поле битвы, или же показывались только на площади, стрѣляли также и въ тѣхъ, которые спрятались на пристани. Говорятъ, что офицеръ, командовавшій отрядомъ, распорядился стрѣлять „по мишенямъ и въ доски" т. е. въ толпу, которая еще оставалась на берегу, и въ самую пристань. Пристань и по сей часъ испещрена многочисленными отверстіями отъ пуль, попавшихъ въ нее. По этимъ отверстіямъ видно, что стрѣляли не только въ ниж-

нюю часть ея, гдѣ находились многіе изъ толпы, но и въ верхній этажъ, гдѣ находились квартиры служащихъ. Пули летѣли градомъ. Совершивъ свое кровавое дѣло, ни полиція, ни войска не позаботились хотя бы помочь раненнымъ, которые довольно долго лежали на площади, истекая кровью.

Изъ толпы также не рѣшались подойти къ нимъ, боясь быть убитыми.

Наконецъ, нѣкоторые изъ служащихъ на пароходныхъ пристаняхъ обратили на нихъ вниманіе. Распорядились принести носилки и перенести раненныхъ въ пріемный покой на сосѣдней пристани,

Толпа разсѣялась по набережной, возбужденная и взбѣшенная всѣмъ происшедшимъ.

Раненныхъ было поднято всего трое. Случайно на пристани оказалось два врача, которые и оказали пострадавшимъ первую помощь. Раненныхъ пришлось уложить на полъ. Хотя перевязочныхъ средствъ въ пріемномъ покоѣ оказалось и въ достаточномъ количествѣ, но серьезно облегчить положеніе раненныхъ было невозможно. Въ аптекѣ не было необходимыхъ растворовъ для промывки ранъ и болеутоляющихъ средствъ. Полиція не позаботилась даже вызвать каретку Скорой Помощи. Это было сдѣлано потомъ также служащими въ пароходствѣ.

Одинъ изъ пострадавшихъ, молодой парень лѣтъ 18, Іосифъ Комлевъ, крест. Черниговской губ., вогналъ плоты съ верховъ Днѣпра и теперь возвращался домой изъ Екатеринослава съ запасомъ за свой продолжительный трудъ всего въ нѣсколько руб. (два руб. съ копѣйками). Онъ собирался ѣхать домой на пароходѣ и былъ въ Кіевѣ вмѣстѣ со своимъ братомъ, который отыскалъ его въ пріемномъ покоѣ только черезъ часъ. Особенно тяжелое впечатлѣніе производилъ именно этотъ раненный. Не смотря на полученныя имъ смертельныя поврежденія (въ животъ и ногу), онъ безмолвно лежалъ съ открытыми, полными недоумѣнія и ужаса глазами. Онъ даже не стоналъ.

Другой крестьянинъ, Майченко, также плотовщикъ, возвращавшійся изъ Екатеринослава на ро-

дину, и также находился въ толпѣ пассажировъ въ тотъ моментъ, когда имъ была получена смертельная рана брюшной полости навылетъ. Очевидно, онъ не подозрѣвалъ, что въ тотъ же день его не будетъ уже больше въ живыхъ, и все заботился о томъ, какъ бы не пропали его документы. Все время онъ не разставался со своимъ узелкомъ, гдѣ хранились его вещи и провизія, заготовленная на дорогу. Оба плотовщика умерли въ тотъ же день: первый по дорогѣ въ больницу, второй по пріѣздѣ въ больницу. Третій пострадавшій получилъ болѣе легкую рану: пуля пробила ему грудь навылетъ. По внѣшнему виду онъ похожъ на городского рабочаго, на самомъ дѣлѣ это — буфетчикъ гостинницы „Бель-Вю", по фамиліи Книшовъ; его отправили первымъ въ больницу въ кареткѣ Скорой Помощи, примѣрно черезъ часъ послѣ стрѣльбы; а еще часа черезъ полтора отвезли и двухъ остальныхъ.

Прошло болѣе получаса послѣ того, какъ раненныхъ занесли въ пріемный покой, когда явилась полиція, что бы узнать, кто убитъ. При этомъ она не столько интересовалась фамиліями убитыхъ, сколько старалась выловить кого нибудь изъ толпы, оказавшей помощь раненнымъ. Тутъ же она арестовала какого то студента, находившагося у пріемнаго покоя.

Очевидцы разсказываютъ, что во время одного изъ залповъ одна изъ пуль, сыпавшихся градомъ на берегъ, попала въ какого-то человѣка, подъѣзжавшаго въ это время къ берегу въ челнокѣ. Тотъ упалъ съ челнока въ воду и больше ужъ не показывался на поверхности воды. Во время залповъ было ранено много народу, по большей части все, какъ и перечисленныя выше жертвы, — люди совершенно посторонніе. Такъ, наприм., раненъ старикъ еврей, спѣшившій къ пароходу съ вещами на плечахъ, какая то богомолка и. т. д.

Крайне серьезно пострадалъ также отъ удара прикладомъ по головѣ, только что пріѣхавшій изъ Екатеринослава, клоунъ цирка Феррони. Бронштейнъ

Вагнеръ. Слѣдствіемъ этого удара явился переломъ основанія черепа и острое безуміе.

Въ общемъ, количество раненыхъ и убитыхъ очень невелико, если принять во вниманіе массу произведенныхъ войсками выстрѣловъ — пять залповъ и очень много отдѣльныхъ выстрѣловъ.

Таковъ былъ финалъ боевыхъ дѣйствій правительства во время Кіевской стачки. Это было послѣднее крупное столкновеніе народа съ войскомъ, и въ этомъ столкновеніи правительство достойнымъ образомъ увѣнчало начатую имъ побѣдоносную кампанію.

Борьба съ мятежниками, подавленіе десятидневнаго „бунта“, вызвавшія крайнее напряженіе силъ правительства, и въ результатѣ — ранены клоунъ, беременная женщина, богомолка, буфетчикъ, убиты какіе то плотовщики!

И это бѣлый терроръ!?

Правительство ничтожно, мелко и бездарно даже въ своихъ преступленіяхъ!

Бываютъ преступники и преступники. Бываютъ воры-артисты и бездарные воришки, промышляющіе кражей носовыхъ платковъ для того, чтобы поддержать свое существованіе.

Передъ нами — мелкій воришка, ничтожный, пошлый и заурядный съ головы до ногъ.

Правительство, не могущее обойтись безъ подобныхъ убійствъ для поддержанія своего существованія, не могущее для этого найти иного средства, какъ похищеніе подобныхъ жизней, — есть правительство полнаго вырожденія!

Еще до стрѣльбы на Подолѣ разыгралась слѣдующая исторія.

Вслѣдствіе забастовки матросовъ, машинистовъ и грузовщиковъ прекратилось движеніе пароходовъ и потому рабочіе пароходныхъ мастерскихъ, живущіе на Трухановомъ островѣ, за Днѣпромъ, были лишены возможности переѣхать въ Кіевъ и присоединиться къ толпѣ, скопившейся на берегу Днѣпра. Съ того берега неслось громкое ура! Бросивъ работу, рабочіе пароходныхъ мастерскихъ

этимъ крикомъ давали знать о своей солидарности со стачечнымъ движенiемъ.

Тогда группа забастовщиковъ съ Кiевской стороны, занявъ пароходъ, отплыла на середину Днѣпра съ той цѣлью, чтобы перевезти находившихся на томъ берегу товарищей.

По отплывающему пароходу, какъ разсказываютъ нѣкоторые очевидцы, казаки дали нѣсколько выстрѣловъ.

Кончилась эта исторiя тѣмъ, что забастовщики, незнакомые съ русломъ рѣки, посадили пароходъ на мель и послѣ въ лодкахъ перебрались на островъ.

Картина получилась въ общемъ довольно оригинальная и объ ней было много разговоровъ въ городѣ. Событiе это сильно подѣйствовало на воображенiе обывателей, его разукрашивали на разные лады, передавали въ десяткахъ версiй, все съ новыми и новыми деталями, одна неправдоподобнѣе другой.

Заслуживаютъ быть отмѣченными и слѣдующiе болѣе мелкiе факты, имѣвшiе мѣсто во время стрѣльбы на Подолѣ:

Какъ только раздались первые выстрѣлы, предсѣдатель подольской коммиссiи народныхъ чайныхъ, В. И. Шереметевскiй, закрылъ двери чайной и, когда нѣкоторые изъ толпы бросились въ чайную, спасаясь отъ выстрѣловъ, то ихъ туда не пустили и Шереметевскiй имъ сказалъ, что чайная существуетъ не для нихъ. Шереметевскiй дѣлалъ только исключенiе для женщинъ, дѣтей и нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ. Когда кто-то изъ молодежи, попавъ въ чайную, сталъ громко возмущаться этой звѣрской расправой, Шереметевскiй предложилъ имъ убраться оттуда, такъ какъ де чайная — не для нихъ и они должны быть въ толпѣ. Самъ же онъ продолжалъ любоваться изъ оконъ бойней.

Еще до прибытiя на набережную войска, какой-то казацкiй офицеръ, собиравшiйся переѣхать на пароходѣ въ Эрмитажъ, возмутилъ рабочихъ сво-

имъ поведенiемъ, былъ вытащенъ изъ парохода на пристань и былъ слегка поколоченъ.

Во время казацкой аттаки, какой-то казацкiй офицеръ сильно избилъ нагайкой молодого пѣхотнаго офицерика, находившагося въ толпѣ. Офицерикъ спасовалъ и ничѣмъ не отвѣтилъ на удары нагайки.

Когда пѣхота спускалась по Александровскому спуску на Подолъ, драгунскiй офицеръ Стародубскаго полка Красицкiй, обратившись къ солдатамъ, совѣтовалъ имъ помнить, что они идутъ не противъ враговъ, а противъ такихъ же, какъ они сами, бѣдняковъ. Немедленно офицеръ этотъ былъ арестованъ и отправленъ въ крѣпость.

Послѣ Драгомировъ убѣждалъ его дать показанiе будто бы онъ произнесъ эти слова по недомыслiю. Но офицеръ рѣшительно отказался сдѣлать такое унизительное признанiе и былъ оставленъ въ крѣпости.

Въ субботу, 26 iюля на Подолѣ произошло еще нѣсколько столкновенiй между стачечниками и войсками: на этотъ разъ войска уже вовсе не рѣшались стрѣлять въ народъ. Объясняется это, можетъ быть, отчасти результатами стрѣльбы въ пятницу, когда пострадали постороннiя лица, отчасти тѣмъ, что въ субботу стычки разыгрались уже не на открытой набережной, а въ самомъ населенномъ центрѣ Подола — на Кирилловской, Межигорской и смежныхъ съ ними улицахъ, гдѣ, въ случаѣ стрѣльбы, неминуемо пострадала бы масса ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Столкновенiя эти кончались очень неудачно для регулярныхъ войскъ и съ весьма незначительнымъ урономъ для рабочихъ. Аттаки казаковъ отбивались нѣсколько разъ и всегда очень удачно.

Въ теченiе субботы въ городъ вернулись изъ лагерей всѣ войска „на зимнiя квартиры".

Войска шли съ громкимъ барабаннымъ боемъ, съ пѣснями и съ музыкой. И эти веселые звуки залихватскаго марша, это мерзкое ликованiе, —

напоминавшее пляску людоѣдовъ надъ трупами сраженныхъ враговъ, — вызывали злобу, негодованіе и омерзѣніе въ тысячахъ сердецъ.

XII.

Волна отхлынула

Удержать стачку въ руслѣ мирнаго протеста намъ очевидно не удалось. Пролетарское возмущеніе самопроизвольно прорывалось то здѣсь, то тамъ, въ видѣ отдѣльныхъ партизанскихъ стычекъ, не оформленныхъ и не связанныхъ воедино руководительствомъ Комитета. Предотвратить эти стычки, какъ это старался сдѣлать Комитетъ черезъ посредство организованныхъ рабочихъ, — оказалось невозможнымъ.

Такимъ образомъ, являлась необходимость придать имъ наиболѣе цѣлесообразную форму, по возможности гарантирующую, какъ внушительность демонстраціи и участіе въ ней по возможности разныхъ слоевъ общества, такъ, съ другой стороны, — и возможно меньшее количество жертвъ.

Такой наиболѣе цѣлесообразной формой намъ казались демонстративныя похороны убитыхъ.

Но никто не сомнѣвался въ томъ, что трупы будутъ украдены начальствомъ, и что похороны будутъ произведены въ такое время, когда превратить ихъ въ демонстрацію — окажется невозможнымъ. Въ дѣйствительности такъ и случилось: трупы были положены въ часовню на Соломенкѣ, въ двухъ шагахъ отъ Байковаго кладбища, также находящагося на окраинѣ. Кромѣ того, трупы все время охранялись отрядами солдатъ.

Такимъ образомъ, очевидно, о демонстративныхъ похоронахъ не могло быть и рѣчи. При такомъ положеніи нужно было придумать такую форму демонстраціи, которая по возможности приближалась бы по типу къ демонстративнымъ похоронамъ.

Рѣшено было, поэтому, придать демонстраціи характеръ отпѣванія жертвъ преступленій прави-

тельства. Чтобы рѣзко подчеркнуть этотъ характеръ демонстраціи, рѣшено было мѣстомъ ея назначить площадь передъ Софійскимъ соборомъ.

— Почему же не Крещатикъ? — возражалъ Василій, сторонникъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Но противъ Крещатика возставали всѣ, потому что, устроивъ демонстрацію въ этомъ обычномъ для демонстраціи мѣстѣ, мы не смогли бы индивидуализировать ее, придать ей желаемый характеръ свѣтской панихиды.

Получилась бы обычная исторія: по городу пронесся бы слухъ, что рабочіе готовятъ „бунтъ" и произошла бы кровавая бойня, предотвратить которую было бы совершенно невозможно. Отъ бойни, понятно, мы не гарантированы и на Софійской площади, какъ не были бы гарантированы и на похоронахъ, но здѣсь она менѣе возможна и, что важнѣе всего, совершенно иначе была бы встрѣчена всѣмъ населеніемъ. Если мы не хотимъ устраивать вооруженной демонстраціи, намъ нужно выбирать такую форму для демонстраціи, которая ясно давала бы понять всѣмъ и каждому, чего мы хотимъ, каковы ближайшія намѣренія демонстрантовъ.

Противъ демонстраціи на Крещатикѣ, какъ и раньше по прежнимъ соображеніямъ, высказывались всѣ, кромѣ Василія.

Предложеніе устроить демонстрацію, въ видѣ отпѣванія убитыхъ на Софійской площади, также сначала почти не имѣло сторонниковъ. Въ среду за него высказывался всего одинъ человѣкъ — всѣ же остальные члены Комитета высказывались противъ, изъ тѣхъ соображеній, главнымъ образомъ, что подобная демонстрація въ видѣ „панихиды" носила бы клерикальный характеръ, многіе якобы изъ забастовщиковъ крестились бы и даже (какъ такое предположеніе ни абсурдно), многіе считали возможнымъ, что духовенство само съ хоругвями выйдетъ на встрѣчу демонстрантамъ. Къ пятницѣ, подъ вліяніемъ происходившихъ событій,

остальные члены Комитета измѣнили свое мнѣніе, и въ этотъ день вечеромъ было принято рѣшеніе объ устройствѣ демонстраціи и былъ утвержденъ призывной листокъ, распространеніе котораго предполагалось начать въ субботу съ двухъ часовъ дня.

Вотъ текстъ этого листка:

Ко всѣмъ рабочимъ г. Кіева.

Проклятье ему — королю всѣхъ счастливыхъ!
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ,
Не жаль ему вовсе, товарищи, насъ:
„Стрѣлять по собакамъ!" былъ отданъ приказъ.

Товарищи! На звѣрское преступленіе нашего правительства, на убійства нашихъ товарищей мы должны отвѣтить тѣмъ, что всю нашу жизнь посвятимъ продолженію начатой борьбы, борьбы съ царскимъ правительствомъ и угнетателями капиталистами. Теперь же мы должны на глазахъ всего города почтить память нашихъ товарищей — героевъ.

Мы хотѣли устроить демонстративные похороны нашихъ товарищей, мы хотѣли отдать имъ нашъ послѣдній долгъ и выразить негодованіе противъ совершившагося злодѣйства. Дорогіе намъ трупы подло украдены у насъ жандармами. Но нашъ врагъ не въ силахъ отнять у насъ рѣшимости бороться до послѣдней капли крови противъ насилія и произвола, противъ безправія и эксплуатаціи. Эта борьба запечатлѣна кровью нашихъ товарищей. Память о нихъ должна и будетъ жить среди насъ вѣчно.

Провозгласимъ же, товарищи, вѣчную память жертвамъ царскаго правительства!

Всѣхъ честныхъ людей мы приглашаемъ въ воскресенье 27-го, въ 1 часъ дня на Софійскую площадь. Обнаживъ головы, съ пѣніемъ вѣчной памяти и пѣсней свободы соберемся мы тамъ для протеста противъ царскаго правительства. Демонстрація должна длиться не болѣе получаса. По окончаніи демонстраціи разойдемся. Воздерживайтесь отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Держитесь спокойно и стойко. Помните, товарищи, что правительство всѣми силами будетъ подстрекать васъ черезъ своихъ агентовъ на буйства, чтобы имѣть поводъ пролить нашу кровь.

Долой самодержавнаго убійцу!
Вѣчная память погибшимъ борцамъ!

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи

24 іюля 1903 года.

Нерѣшительность, проявленная Комитетомъ по вопросу о демонстраціи, вѣроятно, вредно отозва-

лась на ея успѣхъ; не будь пропущено столько времени, демонстрація, можетъ быть, и удалась бы. Для удачи демонстраціи такого типа необходимымъ условіемъ является широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ городского населенія листковъ, выясняющихъ ея характеръ. А для этого нужно время.

Если весь городъ оповѣщенъ о характерѣ готовящихся событій, то и у полиціи руки меньше развязаны, и участіе посторонней публики болѣе обезпечено, и, наконецъ, что важнѣе всего, рабочіе, зная о готовящейся демонстраціи, берегли бы свои силы и не тратили бы ихъ на разрозненныя стычки съ войсками.

Впрочемъ, трудно съ увѣренностью сказать, что это промедленіе имѣло рѣшающее значеніе для успѣха демонстраціи. Уже въ субботу по многимъ признакамъ можно было сомнѣваться въ удачѣ демонстраціи. Во многомъ сказывалось паденіе революціоннаго настроенія массъ. Усталость и нѣкоторое уныніе чувствовалось кругомъ черезчуръ ясно.

Необычайно оживленныя до пятницы улицы вдругъ сразу какъ бы вымерли. По пустыннымъ улицамъ всюду снуютъ отряды казаковъ, патрули солдатъ, но рабочихъ почти не видно.

Въ воскресенье утромъ для всѣхъ уже было ясно, что дѣло сегодняшней демонстраціи проиграно. Призывныя прокламаціи были очень плохо распространены: печатный листокъ попалъ къ рабочимъ часовъ въ 10-11 утра, т. е. незадолго до начала демонстраціи. Тотъ же листокъ, напечатанный для интеллигенціи на гектографѣ въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, также не получилъ достаточно широкаго распространенія.

Всѣ улицы Кіева, даже Крещатикъ, точно вымерли. Во всѣхъ домахъ ворота на запорѣ и около воротъ стоитъ дворникъ съ ключемъ.

Какъ послѣ оказалось, тѣ дворы, гдѣ живутъ артели рабочихъ (плотниковъ, штукатуровъ и др.)

были на запорѣ до двухъ часовъ дня; изъ нихъ никого на улицу не выпускали.

Когда, около 12 часовъ, я направлялся къ Софійской площади, проходя по Б. Васильковской, я былъ непріятно пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: одинъ за другимъ, съ необычайной быстротой, непрерывной цѣпью летѣли совершенно пустые вагоны электрическаго трамвая. Эта измѣна вагоновожатыхъ общему дѣлу въ такую минуту тягостно отразилась на настроеніи всѣхъ. Какъ впослѣдствіи выяснилось, всѣмъ вагоновожатымъ, выѣхавшимъ на работу въ этотъ день, администрація заплатила по пяти рублей.

На Б.-Владимірской показался отрядъ казаковъ и демонстративно проѣхалъ въ Старокіевскій участокъ. Туда же прошла пѣхота. Другой отрядъ пѣхоты занялъ дворъ Софійскаго собора.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ Софійскому собору, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что демонстрація не состоится. Правда, на Б.-Владимірской, около Софійскаго собора было довольно много народу, но плотной толпы нигдѣ не собиралось. На демонстрацію явилось не болѣе 1000 человѣкъ, почти исключительно рабочіе. Они шли не останавливаясь, большими группами. Проходили мимо назначенного мѣста и больше не возвращались. Группы рабочихъ растянулись на очень большомъ разстояніи. Толпы народа были видны на всемъ протяженіи Владимірской улицы, отъ Софійскаго собора до театра. Начинать при такихъ условіяхъ не стоило: это была бы та же демонстрація революціонныхъ кучекъ, которая должна уже отойти въ область исторіи.

— Что это значитъ? — спросилъ при встрѣчѣ Василій, никакъ не ожидавшій подобнаго исхода.

— Волна отхлынула, — отвѣтилъ Злобинъ, также подошедшій къ намъ въ эту минуту.

Съ нимъ нельзя было не согласиться.

Для предотвращенія демонстраціи полиція употребила интересный пріемъ: городовые отрядами по четыре-пять человѣкъ входили въ толпу и при-

глашали публику „проходить“, „не останавливаться“ и т. д., двигаясь въ тоже время сами впередъ и какъ бы подгоняя идущую впереди публику. Шаговъ черезъ 15-20 другой такой же отрядъ; еще черезъ 15-20 шаговъ — новый отрядъ и т. д. Дойдя до Прорѣзной, городовые возвращались обратно и снова входили возлѣ Софійскаго собора въ толпу и т. д. Къ двумъ часамъ всѣ ужъ разошлись.

Съ понедѣльника, 28 іюля, въ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочіе начали становиться на работу. Кое гдѣ добились крупныхъ уступокъ со стороны хозяевъ. Эти первыя завоеванія рабочихъ были отмѣчены въ прокламаціи отъ 29 іюля.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ко всѣмъ рабочимъ города Кіева.

Всеобщая стачка, охватившая огромнымъ пожаромъ цѣлый рядъ городовъ и заставившая биться сотни сердецъ, какъ одно сердце, — великое и невиданное событіе въ исторіи русскаго народа, событіе, полное глубокаго историческаго смысла. Значеніе происходящей борьбы огромно. Мы открыли глаза всему міру на безстыдство хозяйской эксплуатаціи; мы сорвали съ царя маску народолюбія, которою его такъ заботливо прикрывали, — и весь міръ увидѣлъ звѣрское лицо азіатскаго деспота, обагрившаго руки въ крови. Мы показали всему русскому народу грозную силу русскаго рабочаго, вступающаго въ рѣшительную борьбу съ самодержавнымъ правительствомъ.

Эта борьба, охватившая сразу сотни тысячъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи, заставила содрогнуться русское правительство и капиталистовъ и вынудила ихъ кое-гдѣ пойти на уступки: одесскіе моряки, тифлисскіе машинисты, бакинскіе типографщики добились удовлетворенія своихъ главныхъ требованій. У насъ въ Кіевѣ, на дрожжевомъ заводѣ Чоколова рабочіе добились *восьмичасового рабочаго дня*, кондуктора и вагоножатые добились повышенія платы на 10, 20 и 30 коп., — въ среднемъ на шесть руб. въ мѣсяцъ; типографщикамъ предлагаютъ уменьшить рабочій день на полчаса, но они дружно настаиваютъ на восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; начинаютъ уступать и другіе. И съ рабочими желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ начнутся скоро переговоры (пока же администрація играетъ въ прятки и дѣлаетъ видъ, что ей безразлично, работаютъ ли въ мастерскихъ, или нѣтъ. Но никого она этой игрой не обманетъ: если стачка затянется,

пріостановится движеніе поѣздовъ). При переговорахъ г. Немѣшаевъ у насъ, какъ и въ Одессѣ, постарается „втереть очки“: онъ будетъ убаюкивать насъ сладкими рѣчами, сдѣлаетъ мелкія уступки вродѣ удаленія „коптилокъ“, относительно же нашихъ главныхъ трбованій будетъ отдѣлываться пустыми обѣщаніями „похлопотать въ министерствѣ“. Но мы, товарищи, не поддадимся пустымъ обѣщаніямъ, какъ не поддались кровавой расправѣ. Мы знаемъ настоящую цѣну этимъ обѣщаніямъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы и изолгавшійся царскій чиновникъ вздумалъ исполнить его. Передъ кѣмъ онъ будетъ хлопотать? — Передъ царскими министрами, передъ самодержавнымъ царемъ, которые только и живутъ грабежомъ и насиліемъ, которые только и держатся темнотой и забитостью русскаго народа! Царское правительство заботится только о томъ, чтобы еще ниже насъ придавить, чтобы убить въ насъ духъ борьбы за лучшую жизнь и обратить насъ въ покорный дойный скотъ для царской казны и хозяйской мошны. Правительство въ лицѣ Драгомирова и Штакельберга не позволяетъ хозяевамъ идти на уступки, чтобы не потакать „бунтовщикамъ“. Штакельбергъ строго запретилъ хозяевамъ типографій дѣлать поблажку рабочимъ, а Драгомировъ нашелъ что даже Немѣшаевъ былъ черезчуръ мягокъ съ рабочими! „Доблестные“ царскіе генералы умѣютъ разговаривать съ безоружной толпой, съ женщинами и дѣтьми только посредствомъ штыковъ и пуль. Голодные рабочіе просятъ хлѣба, имъ правительство отвѣчаетъ ружейными выстрѣлами.

Товарищи-забастовщики! Вы спрашиваете у насъ: что дѣлать? Нашъ отвѣтъ: Будемъ бороться до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ нашихъ требованій, будемъ бороться стойко, единодушно, спокойно. Наше спокойствіе страшно нашимъ врагамъ, они съ ужасомъ видятъ, какъ сильно выросло наше сознаніе, наша организованность въ послѣдніе годы. Вотъ почему полиція изъ силъ выбивается, подстрекая черезъ своихъ агентовъ мало сознательныхъ рабочихъ на буйства. Но имъ мало удавалось, мы увѣрены, что и впредь не удастся запятнать нашего великаго рабочаго дѣла буйствомъ и насиліемъ надъ отдѣльными личностями.

Но борясь за выставленныя нами требованія, товарищи, помните нашу ближайшую и важнѣйшую задачу: низверженіе самодержавнаго правительства, сковавшаго насъ по рукамъ и ногамъ цѣпями безправія, ежегодно проливающаго потоки народной крови. Пусть же жертвы самодержавія, звѣрски убитыя въ нашей борьбѣ, закаляютъ храбрыхъ, увеличиваютъ ихъ ряды и укрѣпляютъ нерѣшительныхъ и колеблющихся; пусть память о павшихъ товарищахъ наполнитъ сердца наши жгучей ненавистью и жаждой борьбы противъ самодержавнаго правительства и „подымется мускулистая рука многомилліоннаго рабочаго люда, и ярмо самодержавія, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!“ Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи

29 іюля 1903 года.

Желѣзнодорожные рабочіе держались дольше всѣхъ — до субботы — 1 августа. Такимъ образомъ ихъ забастовка продолжалась двѣ недѣли.

30 іюля на всѣхъ столбахъ Безаковской улицы и въ рабочихъ кварталахъ появились слѣдующія объявленія Управленія Юго-Западныхъ жел. дор.:

„По постановленію г. Кіевскаго Генералъ-Губернатора симъ объявляется, что кіевскія мастерскія будутъ открыты съ 1 августа только для тѣхъ рабочихъ, которые подадутъ не позже 31 іюля письменное заявленіе о своемъ желаніи приступить къ работамъ, при чемъ день 31 іюля будетъ засчитанъ для нихъ, какъ рабочій".

1 августа рабочіе приступили къ работамъ. На этотъ конецъ стачки Кіевскій Комитетъ отозвался слѣдующей прокламаціей:

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ко всѣмъ рабочимъ г. Кіева.

Ждите братья, ждите съ вѣрой,
Побѣждающей волны!

Товарищи! Забастовка окончилась! Загудѣли гудки, загрохотали машины, закипѣла работа. Послѣ семидневнаго перерыва спины кіевскихъ рабочихъ снова согнулись, мускулы снова напряглись, тяжелая, гнетущая повседневная работа вступила въ свои права. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ 1 августа приступили къ работѣ. Приступили, не дождавшись объявленія объ уступкахъ, сдались, когда свободно могли выжидать еще дней десять и когда всѣ заводскіе рабочіе ждали отъ нихъ геройскаго примѣра. Дикая сила необузданнаго самодержавія всей своей тяжестью обрушилась на рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ. Либеральный мракобѣсъ Драгомировъ окружилъ мастерскія цѣлымъ лѣсомъ вооруженныхъ солдатъ и казаковъ, грозя каждую минуту пулями женамъ и дѣтямъ рабочихъ; жандармы отбирали отъ рабочихъ, явившихся 31 іюля за получкой, росписку объ ихъ желаніи работать. Тысяча обѣщаній, столько же угрозъ и обмановъ дополнили картину гнусныхъ пріемовъ царскихъ ставленниковъ, и рабочіе, обманутые и пойманные въ вѣроломныя сѣти защитниковъ эксплуатаціи и безправія народа, — уступили.

Уступили, затаивъ въ сердцѣ святую злобу противъ угнетателей и вѣру въ святость и правоту своего великаго дѣла. Такъ петербургскіе ткачи, обманутые во время „великой стачки" 96 года, въ январѣ 97 года снова объединились въ одномъ протестѣ, и правительство вынуждено было исполнить всѣ требованія

рабочихъ. Товарищи! Результаты стачки петербургскихъ ткачей стоятъ передъ вами живымъ примѣромъ. Недоведенное вами до конца дѣло стоитъ живымъ укоромъ передъ правительствомъ, и если оно не уступитъ и не исполнитъ обѣщаній, у Васъ хватитъ мужества напомнить ему о мощной силѣ рабочаго класса и преподать лицемѣрному правительству поучительные уроки о святости обѣщаній...

1-го августа стали на работу и типографщики. 1400 типографщиковъ во все время стачки держались съ мужествомъ и спокойствіемъ, достойными великаго дѣла пролетаріата и его сознательныхъ борцовъ. Они добились 9-тичасоваго рабочаго дня, увеличенія заработной платы и половиннаго жалованья за первый мѣсяцъ болѣзни.

Рабочимъ арсенала обѣщанъ 8-мичасовый рабочій день и увеличеніе платы. На дрожжевомъ заводѣ Чокалова введенъ 8-мичасовый рабочій день. Булочникамъ исполнили всѣ требованія.

Трамвайщикамъ увеличили плату. Телеграфистамъ прибавили по пяти рублей въ мѣсяцъ.

Таковы конкретные результаты послѣдней массовой стачки. Но не въ однихъ экономическихъ уступкахъ со стороны капиталистовъ заключается громадное значеніе всеобщей стачки, и не въ нихъ однихъ — главная побѣда рабочихъ.

Кличъ, брошенный желѣзнодорожными рабочими послѣ первыхъ ружейныхъ залповъ въ толпу, наполнилъ ужасомъ сердца всѣхъ кіевскихъ рабочихъ, и всѣ они изъ духа солидарности, въ глубокомъ сознаніи необходимости протеста противъ правительственныхъ звѣрствъ, присоединились къ стачечникамъ, побросали свои станки, вовсе не думая объ условіяхъ работы. Это не только эксплуатируемый рабочій изъ простого желанія увеличить свой заработокъ объявилъ забастовку, то человѣкъ, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, возсталъ во имя свободы и справедливости, протестовалъ во имя правъ человѣка. Въ этой солидарности рабочаго класса, въ этомъ дружно выраженномъ протестѣ противъ самодержавнаго произвола, ревностно охраняющаго капиталистовъ и разстрѣливающаго рабочихъ, — въ этомъ главное значеніе минувшей стачки.

Русское правительство, черпающее свою чисто змѣиную живучесть въ невѣжествѣ и безправіи народа, страшится всякаго открытаго протеста, какъ грознаго свидѣтельства приближающейся кончины. Красное знамя, выброшенное на городской площади, густо сплотившаяся толпа пролетаріевъ, грозный кличъ: „Долой самодержавіе!", какъ свидѣтельство возрастающаго сознанія народныхъ массъ, какъ требованіе правъ и свободы, заставляютъ отживающее чудовище, наше самодержавіе, съ яростью дикаго звѣря набрасываться на массы лѣсомъ отточенныхъ штыковъ и дождемъ ружейныхъ пуль, считая это своимъ спасеніемъ. Но эти ружейные залпы, лишивъ насъ нѣсколькихъ добрыхъ и честныхъ борцовъ, дали намъ взамѣнъ ихъ тысячи до сихъ поръ мирныхъ товарищей, — наивно вѣровавшихъ еще такъ недавно въ великодушіе капиталистовъ и въ отеческія заботы царя. Всѣ, въ комъ не застыла мысль, всѣ, въ комъ сердце

бьется, не могли не понять, что отъ нашего самодержавнаго правительства рабочимъ нечего ждать, что на справедливыя требованія рабочихъ правительство отвѣчаетъ только залпами и кровью.

Всѣ сознали теперь, что рабочій классъ въ своемъ освободительномъ движеніи долженъ разсчитывать на самого себя, и что главныя его усилія должны быть направлены на устраненіе главнаго виновника народнаго бѣдствія и безправія. Въ этомъ сознаніи необходимости борьбы съ самодержавіемъ — великое значеніе только что закончившейся въ Кіевѣ стачки; въ растерянности правительства, переведшаго всѣ войска изъ лагерей въ городъ, отмѣнившаго маневры, спрашивающаго, — какъ это сдѣлалъ Драгомировъ, — свѣдущихъ людей: „какъ быть и что дѣлать?" — въ этой растерянности правительства великая побѣда стачки.

Товарищи! Вы видите, что мы вправѣ праздновать великую побѣду. Пусть на этотъ разъ мы не добились удовлетворенія всѣхъ нашихъ требованій, пусть на этотъ разъ гудокъ опять возвѣщаетъ о нашей тяжелой юдоли, а солдатскій штыкъ опять напоминаетъ о нашемъ безправіи, но ни то, ни другое не умалитъ нашего мужества, и мы прорвемъ съ Вами густую цѣпь жандармовъ и шпіоновъ, плетей и нагаекъ — символы власти царской, — и озаримъ нашу родину блестящимъ свѣтомъ свободы и равенства, и не будетъ больше ни царей, ни рабовъ, ни цѣпей, ни оковъ.

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

5-го августа 1903 года.

Какъ и слѣдовало ожидать, рабочіе были недовольны тѣмъ мѣстомъ прокламаціи, гдѣ говорится, что они свободно могли выждать еще дней десять. Дѣйствительно, такое утвержденіе мало обосновано. Въ послѣдніе дни стачки рабочіе испытывали большую нужду и ломбардъ все болѣе и болѣе наполнялся ихъ скудными пожитками. Правда, Комитетъ по мѣрѣ силъ оказывалъ имъ денежную поддержку, но размѣры ея были черезчуръ недостаточны. Тѣ четыреста рублей, которые были переданы забастовщикамъ и семьямъ пострадавшихъ во время стачки оказались каплей въ морѣ.

Имѣло ли бы серьезное значеніе продолженіе стачки? — Это — также спорный вопросъ.

Я говорилъ на эту тему съ однимъ рабочимъ.

— Ну, что, какъ дѣла? забастовка еще долго протянется? — спросилъ я знакомаго рабочаго, читавшаго на столбѣ объявленіе Управленія.

— Завтра станемъ. Не вѣкъ же бастовать! — сказалъ онъ мнѣ скороговоркой.

— Почему же такъ? — спросилъ я его опять, нѣсколько удивленный такимъ отвѣтомъ: я зналъ его за вполнѣ сознательнаго, стараго рабочаго съ рѣзко политическимъ направленіемъ.

— Да какъ же иначе? Выиграть то вѣдь мы все равно выиграемъ, будемъ ли работать или нѣтъ. Читали небось объявленія Немѣшаева, страха на нихъ мы нагнали здороваго. Правительству-то не больно пріятны эти стачки и оно непремѣнно захочетъ насъ ублаготворить. А продолжать теперь стачку изъ-за политики также не стоитъ. Ея политическое значеніе въ настоящую минуту, когда всѣ уже работаютъ, свелось на нѣтъ. Поддержать же ее намъ будетъ очень трудно. Лучше прибережемъ силы для другого, болѣе крупнаго дѣла.

Со справедливостью такого разсужденія нельзя было не согласиться.

Послѣ, изъ такихъ же соображеній, организованные ж.-д. рабочіе рѣшительно высказались противъ вторичной стачки, не смотря на то, что она была вполнѣ возможна и что даже самый консервативный цехъ — вагонный и тотъ изъ чисто экономическихъ побужденій агитировалъ за нее.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя желѣзно-дорожными рабочими, очерчены въ слѣдующемъ листкѣ Кіевскаго Комитета:

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Кто побѣдилъ?

Для многихъ до послѣдняго времени осталось невыясненнымъ: кто побѣдилъ во время всеобщей стачки, охватившей весь Кіевъ. Кіевскіе соц.-рев., совершенно непричастные къ происшедшимъ событіямъ, тѣ, напр., положительно увѣряютъ, что „рабочіе не добились прочныхъ успѣховъ“, „волна разбилась объ острые утесы самодержавія“; „*неудача движенія*“, по ихъ мнѣнію, безспорна. Вѣроятно къ такому безотрадному взгляду ихъ привела неудача ихъ собственной попытки „самостоятельно вмѣшаться“ путемъ устройства вооруженной демонстраціи, на которую они приглашали кіевскихъ рабочихъ въ одинъ изъ тревожныхъ дней.

Вопросу о *политическомъ* значеніи всеобщей стачки мы посвятили особый листокъ. Здѣсь же коснемся только экономическихъ завоеваній.

О побѣдѣ типографщиковъ, служащихъ трамвая, телеграфистовъ Управленія Юго-Зап. ж. д., рабочихъ Чоколова, Шиманскаго, мельн. Бродскаго, Арсенала и др. мы уже писали. Но добились ли чего-нибудь желѣзно-дорожные рабочіе? — вотъ вопросъ, занимающій всѣхъ. Постараемся отвѣтить на него. Пусть факты говорятъ сами за себя. 21 іюля въ прокламаціи, призывающей желѣзно дорожныхъ рабочихъ къ стачкѣ, Кіевскій соц.-дем. Комитетъ выставилъ слѣдующія требованія: 1) Восьмичасовой рабочій день. 2) Увеличеніе расцѣнки на 40-50 процентовъ. Вывѣсить расцѣнки на видномъ мѣстѣ. 3) Полной поденной платы за табельные дни. 4) Выдачи полной поденной платы во время болѣзни. 5) Прибавки жалованья четыре раза въ годъ всѣмъ рабочимъ, не исключая и чернорабочихъ. 6) Увеличенія жалованья молотобойцамъ до одного рубля. 7) Наименьшій окладъ жалованья взрослому рабочему послѣ сдачи пробы 1 руб. 20 к. 8) Вѣжливаго обращенія. 9) Удаленіе пом. завѣд. вагон. цехомъ Хлѣбородова, пом. маст. Голембіовскаго, Кононенко, и мастера сборнаго цеха Ксенопуло. 10) Удаленіе „коптилокъ“ и замѣна ихъ болѣе гигіеничнымъ освѣщеніемъ. 11) Устройство вентиляціи. 12) Не топить котловъ въ помѣщеніи мастерскихъ. 13) Расширеніе помѣщенія кузнечнаго цеха. 14) Обращать больше вниманія на учениковъ. 15) Выдача безплатныхъ билетовъ по чужимъ дорогамъ.

На слѣдующій день послѣ провозглашенія стачки, 22 іюня, во вторникъ Немѣшаевъ вывѣсилъ объявленіе, гдѣ *обѣщалъ* рабочимъ „разсмотрѣть“, „измѣнить“, „послать рапортъ“ и т. д. Рабочіе не повѣрили этимъ обѣщаніямъ и стачка продолжалась.

2 августа, на слѣдующій день послѣ прекращенія стачки въ мастерскихъ появилось новое объявленіе, въ которомъ Немѣшаевъ обѣщаетъ сдѣлать тѣ же самыя измѣненія. Вотъ оно.

Объявленіе.

Мастеровые и рабочіе кіевскихъ мастерскихъ не подчинились моему рѣшенію, объявленному имъ 21 іюля, и подъ вліяніемъ небольшого числа безпокойныхъ и неблагоразумныхъ своихъ товарищей не только не возобновили работы 23 іюля, но продолжали вести себя вызывающимъ образомъ, производя шумъ внутри мастерскихъ, безпокоя все городское населеніе тревожными свистками и дѣлая даже насильственныя попытки къ прекращенію движенія, что и вызвало необходимость закрытія мастерскихъ.

Это давало бы мнѣ право отмѣнить объявленное свое рѣшеніе, касающееся возможныхъ улучшеній условій работы въ кіевскихъ мастерскихъ. Однако, считая громадное большинство мастеровыхъ кіевскихъ мастерскихъ виновными лишь въ подчиненіи дурному вліянію нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и въ виду спокойнаго приступа къ работѣ 1 августа, я считаю все же возможнымъ и для кіевскихъ мастерскихъ произвести тѣ же измѣненія въ условіяхъ работы, которыя частью уже исполнены, ча-

стью будутъ произведены въ будущемъ для одесскихъ мастерскихъ, почему мной сдѣланы слѣдующія распоряженія.

1) Подробно разсмотрѣть расцѣнки сдѣльныхъ работъ по всѣмъ цехамъ и сдѣлать въ нихъ необходимыя измѣненія. 2) Начальнику кіевскихъ мастерскихъ предложить обратить вниманіе на размѣръ поденной платы мастеровымъ и чернорабочимъ, повышать эту плату наиболѣе заслуживающимъ вниманія, пересматривая списки не два, а четыре раза въ годъ и установить наименьшую плату для взрослыхъ чернорабочихъ въ 65 коп. въ день. 3) Во всѣ табельные дни назначить работу въ мастерскихъ, наравнѣ съ будними днями, причемъ мастеровыхъ не желающихъ работать эти дни отъ работы освободить. 4) На праздникахъ св. Пасхи и Рождества Хр. назначать работы, какъ и въ будніе дни, кромѣ слѣдующихъ дней: четверга, пятницы и субботы страстной недѣли, воскресенья, понедѣльника и вторника святой недѣли и 24, 25, 26 и 27 декабря. 5) Вечернія работы въ мастерскихъ цѣлыми цехами назначать не иначе, какъ съ особаго моего разрѣшенія. 6) Тарифы цѣнъ сдѣльныхъ работъ должны быть вывѣшены во всѣхъ цехахъ для свѣдѣнія мастеровыхъ. 7) Относительно обязательнаго вѣжливаго обращенія всѣхъ начальствующихъ лицъ съ подчиненными издать особый приказъ. 8) Всѣ вопросы, касающіеся прибавки платы, увольненія мастеровыхъ отъ службы и наложенія другихъ взысканій, должны разрѣшаться лично начальникомъ мастерскихъ, послѣ тщательнаго ихъ обсужденія. 9) Заявленія мастеровыхъ относительно улучшенія освѣщенія и другихъ условій ихъ работы въ мастерскихъ принять къ свѣдѣнію и удовлетворить по возможности въ ближайшемъ будущемъ. 10) По заявленію мастеровыми жалобъ на нѣкоторыхъ служащихъ мастерскихъ, предложено Начальнику службы тяги назначить тщательное разслѣдованіе и результаты таковаго доложить мнѣ. Что касается вопросовъ объ уменьшеніи продолжительности рабочаго дня, повышенія вознагражденія рабочимъ за дни болѣзни и выдачи безплатныхъ проѣздныхъ билетовъ по чужимъ дорогамъ, то по таковымъ вопросамъ 27 іюля мною предоставленъ рапортъ въ Министерство Пут. Сообщенія. Объявляя вышеизложенное къ свѣдѣнію мастеровыхъ и рабочихъ кіевскихъ мастерскихъ, надѣюсь, что въ будущемъ ни въ какихъ случаяхъ они не будутъ прибѣгать къ убыточнымъ для себя и для казны *забастовкамъ, недостигающимъ къ тому же никакой цѣли*, а въ случаѣ необходимости обращаться къ управленію дороги съ какими-либо серьезными просьбами, или заявленіями, будутъ передавать ихъ письменно или устно черезъ своихъ уполномоченныхъ Начальнику мастерскихъ, который таковыя просьбы долженъ немедленно представить мнѣ.

Кіевъ, 2 августа 1903 г. Начальникъ дороги *Немѣшаевъ.*

Кромѣ того, въ тотъ же день появилось объявленіе начальника службы подвиж. сост. и тяги Кригера о назначеніи особой коммиссіи для суда надъ Хлѣбородовымъ, Голембіовскимъ, Кононенко, Ксенопуло.

Волненія среди рабочихъ всетаки не унимались. Два понедѣльника подрядъ рабочіе нѣсколькихъ цеховъ бросали было

работу и требовали надбавки платы. Но сознательные рабочіе считали въ настоящій моментъ стачку нежелательной, такъ какъ она не могла бы принять всеобщій характеръ, поневолѣ была бы чисто экономической и въ то же время принесла бы несоразмѣрное съ ея значеніемъ большое количество жертвъ. Среди желѣзно дорожныхъ рабочихъ были распространены листки Комитета съ разборомъ объявленія Немѣшаева. Вскорѣ изъ Одессы стали приходить вѣсти о началѣ третьей по счету стачки жел.-дор. рабочихъ. Недовольство кіевскихъ рабочихъ все возростало. Въ субботу, 23 августа рабочіе бросили было работу. Многіе хотѣли съ понедѣльника объявить стачку. И вотъ въ понедѣльникъ, 25 августа въ мастерскихъ появляется объявленіе, возвѣщающее о переводѣ пом. завѣд. вагоннымъ цехомъ Хлѣбородова и объ удаленіи пом. маст. Голембіовскаго. Кононенко и Ксенопуло сдѣланы выговоры съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

На дняхъ намъ удалось достать *секретный* служебный приказъ Немѣшаева.

Воспроизводимъ его полностью:

№ 142. Кіевъ, 20 августа, 1903 г.

СЛУЖЕБНЫЙ ПРИКАЗЪ.

О назначеніи по мастерскимъ предѣльной поденной платы.

На основаніи 57 ст. временной инструкціи мѣстнымъ Управленіямъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ симъ приказомъ впредь до отмѣны устанавливается *наибольшая предѣльная* поденная плата по нижеслѣдующимъ мастерствамъ:

За рабочій день кузнецу — 2 р. 50 к. (теперь наивысшая плата кузнецу — 1 р. 20 к.), молотобойцу — 1 р. 30 к. (теперь молотобоецъ получаетъ 60-80 к.), рессорщику — 2 р. 50 к., модельщику — 2 р. 75 к. (теперь 1 р. 60 к.), плавильщику — 2 р. 75 к. (теперь 1 р. 50 к.), формовщику — 2 р. 75 к., старшему слесарю — 3 р., слесарю 2 р. 50 к. (теперь 1 р. 20 к.-1 р. 80 к.), токарю — 2 р. 50 к. (теперь 1 р. 80 к.), строгальщику 2 р. 20 к., долбижнику — 2 р., болторѣзу — 1 р. 50 к., колеснику — 1 р. 50 к., котельщику — 3 р., мѣднику 2 р. 50 к., старшему столяру — 3 р., столяру — 2 р. 50 к., маляру — 2 р. 20 к., обойщику — 2 р. 20 к, пильщику — 2 р., жестянику — 2 р., прокатнику — 2 р. 50 к., чистильщику — 1 р. 20 к., насѣкальщику напильниковъ — 2 р. 20 к., инструментальщику — 3 р., ученику — 1 р., старшему рабочему — 2 р. 50 к., чернорабочему — 1 р., помощнику слесаря 1 р., шорнику — 1 р. 50 к., плотнику — 2 р., каменьщику — 2 р.

Устанавливаемый настоящимъ приказомъ размѣръ поденной платы слѣдуетъ считать предѣльнымъ и превышеніе этого размѣра при назначеніи мастеровымъ и рабочимъ поденной платы не должно быть допускаемо.

Начальникъ дороги, инженеръ *К. Немѣшаевъ.*

Начальникъ службы подвижного состава и тяги *Кригеръ.*

Что же теперь скрываетъ г. Немѣшаевъ? Чего онъ прячется отъ людскихъ взоровъ?

Дѣло ясное; не превышая смѣты, Управленіе можетъ повысить поденную плату рабочимъ до указаннаго размѣра. Немѣшаевъ это хорошо разсчиталъ. Трясущимися отъ жадности руками начальство пересчитываетъ свою казну. Ему и отъ рабочихъ волненій хочется себя уберечь, но въ то же время ему жаль и съ денежками разстаться. „Можетъ быть, и такъ дѣло обойдется. Рабочіе успокоятся и можно будетъ не увеличивать имъ платы. Но на всякій случай, почему бы не издать *секретный* приказъ по службѣ для того, чтобы подчиненные знали до какихъ размѣровъ они свободно могутъ увеличить поденную плату, въ случаѣ настойчивыхъ требованій со стороны рабочихъ". — Такъ разсуждаетъ начальство. Ужъ коли пошло на уступки, не забудьте, г. Немѣшаевъ, повысить расцѣнки соразмѣрно поденной платѣ.

Желѣзно-дорожные рабочіе могутъ гордиться своей побѣдой. Стойкой борьбой они прижали начальство къ стѣнкѣ. Начальство въ нерѣшительности, оно уступаетъ, оно колеблется; оно готово отступить передъ дружнымъ натискомъ рабочихъ.

Теперь мы видимъ, какъ основательно мнѣніе Немѣшаева, (очевидно раздѣляемое кіевскими соц.-рев.), что забастовки, убыточныя для рабочихъ и для казны, *не достигаютъ къ тому же никакой цѣли*, и насколько основательна его надежда на то, что „рабочіе и въ будущемъ ни въ какихъ случаяхъ не будутъ прибѣгать" къ этимъ способамъ борьбы.

Но главное значеніе происшедшихъ событій, понятно, не въ экономическихъ завоеваніяхъ. Рабочіе увидѣли теперь свою силу, увидѣли политическое и агитаціонное значеніе всеобщей стачки, поняли, что правительство будетъ побѣждено не кучкой героевъ съ револьверами въ рукахъ, а рабочей массой, проникшейся сознаніемъ классовыхъ интересовъ. Рабочіе помнятъ, какъ въ смятеніи и въ страхѣ металось начальство, возлагая единственную надежду на штыки и пули одураченныхъ солдатъ. Рабочіе нагнали таки холоду на начальство, заставивъ его въ іюлѣ вернуть войска на зимнія квартиры, и отмѣнить маневры. Въ слѣдующій разъ, когда загорится борьба, подымется уже не одинъ югъ Россіи. Вся Россія грозно возстанетъ за права человѣка и сброситъ оковы самодержавно полицейскаго государства!

Кіевскій Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

XIII

Побѣдители и побѣжденные.

Итакъ, въ узкой экономической сферѣ побѣда во многихъ мѣстахъ осталась за рабочими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они сразу добились существенныхъ улучшеній. Въ другихъ мѣстахъ непол-

нота непосредственныхъ уступокъ компенсировалась до нѣкоторой степени большой нравственной побѣдой.

Такая уступчивость, проявленная хозяевами во время стачки, и нѣкоторый интересъ, проявленный администраціей къ нуждамъ рабочихъ послѣ стачки, — вполнѣ понятны. Они понимаютъ, какую массу горючаго матеріала заключаютъ въ себѣ наши города и веси. Хотя и смутно, но все таки чувствуютъ они, что при современныхъ русскихъ условіяхъ каждая, небольшая даже, вспышка протеста, хотя бы въ узко экономической сферѣ, можетъ дать искру революціоннаго пламени и можетъ легко превратиться въ большой пожаръ народнаго возмущенія, который не такъ-то легко потушить.

Страхъ передъ возможностью революціонной грозы заставляетъ нашихъ властей поступаться подчасъ интересами своего кармана и кармана защищаемыхъ ими капиталистовъ.

Сегодня власти запрещаютъ хозяевамъ итти на уступки, желая такимъ образомъ сломить упорство рабочихъ и разбить ихъ вѣру въ свои силы. А завтра тѣ же власти платятъ вагоновожатымъ и кондукторамъ по пяти рублей въ день, лишь бы тѣ выѣхали въ день демонстраціи по линіи, тѣ же власти ополчаются на хозяевъ за отсутствіе у нихъ „отеческаго отношенія" къ рабочимъ, какъ это сдѣлалъ у насъ Драгомировъ, прогнавъ самымъ грубымъ образомъ собственника типографіи Кульженко, (приглашеннаго имъ на совѣщаніе заодно съ другими предпринимателями), за то, что тотъ только „бунтуетъ рабочихъ".

Какъ бы тамъ ни было, рабочіе — побѣдители въ экономической сферѣ, побѣдители въ сферѣ нравственной, оказались сломленными на почвѣ политической борьбы. Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ непосредственныхъ пріобрѣтеній не удалось добиться, а между тѣмъ слуги самодержавія могли праздновать свою побѣду надъ десятками труповъ, при видѣ сотенъ раненныхъ, искалѣченныхъ рабочихъ, при видѣ многихъ сотенъ

брошенныхъ въ тюрьмы, высланныхъ, уволенныхъ со службы...

И, дѣйствительно, власти не скрывали своего ликованія: пѣсни солдатъ, трубные звуки, намѣренно-громкіе, воинственно-хвастливые разговоры военныхъ на улицахъ и конкахъ, разговоры о томъ, что городъ будетъ объявленъ на военномъ положеніи и зачинщики безпорядковъ преданы военному суду — все это, вмѣстѣ взятое, оставляло такое впечатлѣніе, будто бы городъ подвергся нашествію какихъ-то иноплеменниковъ, которые только изъ милости терпятъ обывателей.

Но что касается войска, то тамъ дѣло обстояло не совсѣмъ благополучно.

Правда, Луцкій полкъ, стрѣлявшій на вокзалѣ, справился съ этимъ дѣломъ болѣе или менѣе удовлетворительно, за что и получилъ отъ начальства багодарность „отъ лица службы". Но послѣдующія военныя дѣйствія не могли уже удовлетворить начальства. Когда въ Бессарабскомъ полку былъ полученъ приказъ итти на Подолъ — командиръ полка отвѣтилъ, что онъ не ручается за настроеніе своихъ солдатъ, что онъ не увѣренъ, будутъ-ли они стрѣлять. Тогда былъ посланъ приказъ въ Херсонскій полкъ, но и тамъ не оказалось ни одной полу-роты, которая цѣликомъ удовлетворяла бы требованіямъ начальства.

Рѣшено было составить сводную полу-роту изъ второй роты и изъ четвертой, преимущественно изъ инородцевъ. Командованіе этой ротой было поручено офицеру Рычкову. Не смотря на заботливыя указанія этого командира, который, помимо обычной команды, говорилъ солдатамъ, куда имъ слѣдуетъ стрѣлять („по мишенямъ", въ „доски"), большинство солдатъ все таки стрѣляло въ воздухъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ пяти залповъ, произведенныхъ въ упоръ въ толпу и послѣ массы выстрѣловъ, произведенныхъ казаками, въ результатѣ оказалось ничтожное количество пострадавшихъ и то почти исключительно изъ числа постороннихъ людей.

— Чего мы будемъ въ людей стрѣлять? — говорили послѣ солдаты. — Развѣ мало мѣста вверху! Да и грѣшно стрѣлять. Мы не на равныхъ основаніяхъ: у насъ ружья, а они съ голыми руками. Вѣдь и стрѣляли-то только татары да евреи. Послѣднее соображеніе повторялось рѣшительно всѣми.

Рабочіе такъ и знаютъ, что Луцкій полкъ стрѣлялъ въ людей, а Херсонскій — въ воздухъ. Поэтому, встрѣчаясь на улицѣ съ солдатами Луцкаго полка, рабочіе ругаютъ ихъ мерзавцами, убійцами, царевыми собаками; къ херсонцамъ же они относятся дружественно и многіе говорятъ имъ при встрѣчѣ: „молодцы-херсонцы!“.

Одинъ рабочій говорилъ какъ-то послѣ стачки съ солдатами, по поводу всѣхъ этихъ событій. Солдаты жалуются и плачутся:

— И что это рабочіе противъ насъ? Вѣдь мы имъ совсѣмъ не враги. Насъ заставляютъ такъ съ ними обращаться.

— Ну, говоритъ рабочій, вы не хотите, а все же стрѣляете въ вашихъ братьевъ и сестеръ!

— Да развѣ мы стрѣляемъ?

— А какже? Если вы не стрѣляете, то кто же во время забастовки убилъ столько людей?!

— Какая это стрѣльба. Подумайте, еслибы мы хотѣли, то съ одного залпа разбили бы всю толпу! Конечно, кое-кто убитъ и раненъ. Это потому, что среди насъ есть темные люди, которые цѣлятся. Но большинство въ толпу не стрѣляло. Слушайте, мы ничѣмъ не виноваты; но вы старайтесь организовать нашихъ офицеровъ, все зависитъ отъ нихъ, а мы уже на все готовы.

Въ другой разъ тому же рабочему пришлось бесѣдовать съ солдатами по поводу прокламаціи Кіевскаго Комитета „Къ солдатамъ Кіевскаго Военнаго округа“; онъ такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ этихъ разговоровъ:*)

*) Заимствуемъ изъ матеріаловъ „Искры“.

— Прокламація была написана хорошо и трогательно и сильно взволновала солдатъ. Они мнѣ разсказывали, что они всѣ читали ее и перечитывали, нѣкоторые даже выучили ее наизусть. Когда вѣсть о прокламаціяхъ дошла до офицеровъ, то произошло смятеніе. Былъ обыскъ во всей казармѣ, и почти у каждаго солдата нашли по одному листку. Начали дѣлать дознаніе, какъ они сюда попали, но ничего не открыли. Дневальные были оштрафованы и за солдатами былъ учрежденъ сильный надзоръ. Но не смотря на это, солдаты просятъ и умоляютъ не забывать ихъ и давать имъ почаще прокламаціи.

— Вотъ та прокламація, о которой говоритъ рабочій. По отзывамъ всѣхъ рѣшительно, на солдатъ она произвела сильное впечатлѣніе и, кромѣ того, вызвала одобреніе и интересъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества и даже офицерства:

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Къ солдатамъ кіевскаго военнаго округа.

„Солдатъ въ строю — трупъ и долженъ исполнять все, что ему прикажутъ."
Секретный приказъ Драгомирова.

Солдаты! Гдѣ ваши братья? — Ваши братья спятъ въ сырой могилѣ, уложили ихъ туда вы сами вашими руками. Ваши руки въ крови вашихъ братьевъ, никогда вамъ не смыть этой крови.

Вы забыли свое прошлое, вы забыли, откуда попали въ казармы; вы забыли, на кого поднимаете руку.

Всѣ вы вышли изъ народа, изъ трудовой его семьи. Вамъ должна быть горька народная доля, вамъ должно быть дорого народное счастье. Вамъ должны быть ненавистны враги народа — всѣ тѣ, кто живетъ потомъ и кровью тружениковъ и бѣдняковъ. Вы должны стоять горой за обиженныхъ и угнетенныхъ, а вы противъ нихъ обращаете свои ружья и защищаете угнетателей. Стыдитесь!

Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ, вы сбросите съ себя этотъ мундиръ, залитый братской кровью, и надѣнете рабочую блузу или мужицкій армякъ. Вы попадете на фабрику, гдѣ хозяинъ обираетъ рабочихъ подъ охраной „христолюбиваго воинства," вы вернетесь въ деревню, гдѣ царитъ помѣщичья кабала, вы станете сгибаться подъ царскими налогами, стонать подъ царской лозой, вы станете пухнуть отъ голода и проливать слезы отъ

неправды. А теперь что вы дѣлаете? — Вы сами поддерживаете эту кабалу, эти прижимки, эти налоги, эти звѣрства, эти проклятыя цѣпи неволи.

Еще въ 1895 году Фанагорійскій полкъ въ Ярославской губерніи обагрилъ руки въ крови рабочихъ Корзинкинской мануфактуры. — Фанагорійцы стрѣляли въ бѣжавшую, безоружную толпу и получили царское спасибо: „Радуюсь стойкому поведенію моихъ войскъ; молодцы — Фанагорійцы!“ — начерталъ Николай. Съ тѣхъ поръ не проходитъ года, чтобы царю русскаго народа не приходилось „радоваться.“ Въ Ригѣ, Домбровѣ, Батумѣ, Ростовѣ, Тихорѣцкой, Баку, Златоустѣ, Николаевѣ, Михайловкѣ и, наконецъ, въ Кіевѣ царь причащался тѣла и крови народной и „радовался“ доблестному поведенію войскъ.

За что же и зачѣмъ убиваютъ русскіе люди русскихъ людей?

Всюду, рѣшительно во всѣхъ этихъ городахъ рабочіе въ мундирахъ по приказу батюшки-царя убивали рабочихъ въ блузахъ за то, что они не позволяли капиталистамъ себя эксплуатировать и путемъ забастовокъ добивались лучшихъ условій труда.

Почему же правительство помогаетъ сильному и угнетаетъ слабаго? Почему оно защищаетъ богача-фабриканта и пулями заставляетъ молчать бѣдняковъ-рабочихъ? Этому нечего удивляться: правительство само состоитъ изъ богатыхъ и знатныхъ людей, и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что генералы въ золотыхъ мундирахъ и всевозможные чиновники, живущіе народнымъ трудомъ, посылаютъ на помощь своему же брату фабриканту полки, а лицемѣрные попы, отъѣвшіеся на народныхъ хлѣбахъ, благословляютъ солдатъ, идущихъ на убійство своихъ же братьевъ.

Но есть еще и другая причина тому, почему правительство боится всякихъ волненій среди рабочихъ и силою оружія подавляетъ ихъ при самомъ возникновеніи.

Самодержавный строй, при которомъ одинъ только царь со своими министрами управляетъ всѣмъ народомъ, распоряжается народными деньгами и издаетъ законы — этотъ строй можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ русскіе будутъ представлять изъ себя забитыхъ, невѣжественныхъ рабовъ, трепещущихъ передъ всякимъ начальствомъ. Лишь только исчезнетъ всеобщая рабская забитость, и русскій народъ превратится въ сознательныхъ гражданъ, умѣющихъ защищать свои права, тотчасъ же падетъ царское самодержавіе, и Россія станетъ управляться выборными отъ всего народа. Правительство замѣчаетъ, что рабочіе изъ терпѣливыхъ, безотвѣтныхъ овецъ, которыхъ можно стричь сколько угодно, превращаются въ сознательныхъ борцовъ за свои права; правительство видитъ, что приходитъ конецъ народному терпѣнію, что просыпается рабочій народъ, который рано или поздно прогонитъ коронованныхъ злодѣевъ, генераловъ-убійцъ, чиновниковъ-казнокрадовъ и самъ станетъ управлять собой.

Въ страхѣ за себя правительство мечется изъ стороны въ сторону и запрещаетъ капиталистамъ идти на уступки, какъ это сдѣлалъ недавно въ Кіевѣ Драгомировъ. Всюду шныряютъ шпі-

оны, полиція, и жандармы и въ такую роковую для нихъ минуту къ нимъ на помощь приходите вы — солдаты.

Изъ защитниковъ отечества русская армія превращается въ помощника полиціи и шпіоновъ, она превращается въ жандармскаго прихвостня.

Это нелѣпо и гнусно.

Нелѣпо, — потому что вы сами — такіе же бѣдняки-рабочіе, какъ и убиваемые вами „бунтовщики." Въ то время, какъ вы здѣсь, въ Кіевѣ убиваете рабочихъ, гдѣ-нибудь на Кавказѣ солдаты изъ Кіевской губерніи убиваютъ вашихъ отцовъ и братьевъ.

Гнусно, — потому что вы, забывъ честь и совѣсть, забывъ великія слова: „не убій," проливаете кровь беззащитныхъ, безоружныхъ бѣдняковъ для блага угнетателей народа.

Опомнитесь! Отказывайтесь всѣ разомъ отъ стрѣльбы въ честныхъ борцовъ — рабочихъ! Убѣждайте тѣхъ изъ васъ, кого можно убѣдить, и угрозами запрещайте стрѣлять тѣмъ, кого начальство успѣло уже превратить въ живые „трупы."

Кіевскій Комитетъ Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи

15 августа 1903 года.

Издана была эта прокламація въ двухъ изданіяхъ, въ количествѣ 4000 экземпляровъ. Изъ этого числа девять десятыхъ попали въ солдатскую среду. Связи оказались рѣшительно во всѣхъ кіевскихъ полкахъ и въ каждомъ изъ нихъ распространены отъ сотни до трехсотъ экземпляровъ; при чемъ во многихъ мѣстахъ прокламаціи не разбрасывались, а передавались изъ рукъ въ руки и читались вслухъ. Не преувеличивая значенія того оппозиціоннаго броженія, которое развивается въ войскахъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ этой крѣпости самодержавія сдѣлана глубокая брешь, задѣлать которую уже не удастся, которая будетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше увеличиваться. Связи, пріобрѣтенныя Комитетомъ за время стачки среди солдатъ, сдѣлали возможнымъ выдѣленіе особой соціаль-демократической группы среди солдатъ, съ которой занимается одинъ изъ комитетскихъ пропагандистовъ.

Сами побѣдители признали, что въ ихъ лагерѣ далеко не все обстоитъ благополучно. Такимъ признаніемъ является слѣдующій приказъ Драгомирова, опубликованный имъ во время стачки („Кі-

евская газета“ № 208): „Надо, чтобы *толпа* уважала и васъ, и оружіе; знала бы, что шутить не будете. Ружье дается для мѣткой стрѣльбы и никто не имѣетъ права тратить пулю по пустякамъ“.

„Подгнило что-то въ Датскомъ королевствѣ, принцъ!“ — можемъ мы сказать словами Лаэрта въ Гамлетѣ.

Какъ ни знаменательно это броженіе въ солдатской средѣ, не слѣдуетъ однако переоцѣнивать его значеніе. Весьма вѣроятно, что нерѣшительность солдатъ въ стрѣльбѣ объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что ихъ заставляютъ стрѣлять безъ всякой нужды. Правительство готово, на страхъ врагамъ, бить даже и лежачаго, солдату-же это не всегда по душѣ.

Въ настоящее время съ полнымъ правомъ мы можемъ констатировать тотъ лишь фактъ, что соціальдемократы имѣютъ теперь значительно болѣе свободный доступъ въ солдатскую среду, чѣмъ раньше, и что теперь для нихъ открывается возможность пріобрѣсти вліяніе въ солдатской средѣ. Для этого необходимо близкое, детальное знакомство со всѣмъ тѣмъ, что творится въ войсковыхъ частяхъ, въ районѣ дѣятельности Комитета, необходимы — освѣдомленность относительно всѣхъ злоупотребленій, имѣющихъ тамъ мѣсто, и дѣловая, серьезная, обличительная агитація на этой почвѣ. Обосновавъ агитацію фактами изъ кругозора солдата, исходя изъ его нуждъ и интересовъ, подкрѣпивъ ее конкретными примѣрами обличительнаго характера, можно разсчитывать на успѣхъ, можно добиться широкаго массового движенія и сочувствія задачамъ соціальдемократіи и въ солдатской средѣ.

Тѣмъ самымъ путемъ, какимъ идетъ соціальдемократія въ своей агитаціи среди рабочихъ, связывая конкретные, мелкіе факты капиталистическаго и политическаго гнета съ общими основаніями соціальдемократической программы, — нужно ей вступить и въ солдатскую среду.

Помимо отмѣченныхъ, незначительныхъ покамѣстъ, идейныхъ завоеваній, которыя сдѣланы были кіевскимъ пролетаріатомъ во время всеобщей стачки, слѣдуетъ также указать на тотъ фактъ, что довольно значительное количество полицейскихъ и военныхъ чиновъ было за это время выбито изъ вражескихъ рядовъ. Въ правительственныхъ сообщеніяхъ мы читаемъ, что во время столкновенія съ войсками на вокзалѣ пострадали: помощникъ пристава, одинъ офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ; во время столкновенія на Подолѣ ранены: приставъ, помощникъ пристава, три надзирателя, семь городовыхъ, казачій офицеръ, два казака и нѣсколько солдатъ, на Еврейскомъ базарѣ ранено два казака. Кромѣ того, мы слышали, что въ теченіе среды и четверга, преимущественно на окраинахъ города, камнями и гайками ранено 16 человѣкъ солдатъ и офицеровъ, которые всѣ свезены въ госпиталь, было избито также очень много шпіоновъ; изъ нихъ двое тяжело раненныхъ лежало въ Александровской больницѣ. Такимъ образомъ, изъ стана побѣдителей выбыло за все время стачки около 40 человѣкъ.

Но эти крупныя цифры — ничто по сравненію съ той массой жертвъ, которыя были выхвачены царскими опричниками изъ революціонныхъ рядовъ кіевскаго пролетаріата.

Что касается количества убитыхъ, то точную цифру ихъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ намъ не удалось установить.

По городу все время ходятъ баснословные слухи на этотъ счетъ, многіе опредѣляютъ количество убитыхъ сотнями, такъ напримѣръ, корреспондентъ „Революціонной Россіи" насчиталъ около 70 убитыхъ. Возможно, что это и такъ, но у Кіевскаго Комитета имѣются достовѣрныя свѣдѣнія лишь о 13 трупахъ: на вокзалѣ сразу было убито четыре человѣка, послѣ умерло еще четыре; два трупа были найдены въ лозахъ, на берегу Днѣпра; должно быть это раненые рабочіе забѣжали туда, спасаясь отъ преслѣдованія, и тамъ скончались. Одинъ

трупъ съ двумя огнестрѣльными ранами былъ подброшенъ полиціей подъ поѣздъ для симуляціи самоубійства (см. Кіевлянинъ); поѣздъ остановили, трупъ извлекли изъ подъ колесъ и случайно находившійся въ поѣздѣ военный врачъ констатировалъ, что смерть произошла уже давно отъ двухъ огнестрѣльныхъ ранъ, по формѣ напоминающихъ раны изъ берданки. И, наконецъ, два человѣка было убито во время стрѣльбы на Подолѣ. Такимъ образомъ, точныя данныя мы имѣемъ о 13 трупахъ; въ дѣйствительности, вѣроятно, ихъ было значительно болѣе. Намъ извѣстны лишь имена части рабочихъ, павшихъ жертвами варварскихъ дѣйствій правительства. Убиты: 1) *Тихонъ Ковалевъ*, токарь желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, 38 л.; послѣ него остались вдова и пятеро дѣтей. 2) *Павелъ Николенко*, слесарь жел.-дор. маст., 23 лѣтъ; жена и трое дѣтей. 3) *Николай Хлусовъ*, жел.-дор. рабочій, холостъ. 4) *Степанъ Безва*, рабочій южнорусскаго завода, 18 лѣтъ; плотовщики: 5) *Никита Майченко*, 48 лѣтъ и 6) *Іосифъ Комлевъ*, 18 лѣтъ.

Мы всѣ должны помнить и свято чтить имена этихъ мучениковъ! Дѣло свободы, за которое они погибли, рано или поздно восторжествуетъ и это торжество будетъ лучшей местью подлымъ убійцамъ! Раненныхъ, по всей вѣроятности, было болѣе двухсотъ человѣкъ, но точныя данныя у насъ имѣются только о 60-ти тяжело раненыхъ, нуждавшихся въ медицинской помощи. На вокзалѣ двумя врачами „Скорой помощи“ было перевязано — 24 раненныхъ. Записывались раненные такъ: „рабочій ж.-д. мастерскихъ“. Когда въ „Скорую помощь“ пріѣхалъ адъютантъ Драгомирова и потребовалъ списка раненныхъ, онъ страшно возмутился тѣмъ, что въ спискѣ не было ни одной фамиліи. Когда онъ спросилъ, почему нѣтъ фамилій, врачи отвѣтили:

— Гдѣ намъ было думать о записяхъ, лишь бы управиться со всѣми перевязками. Переписать раненныхъ для Вашихъ цѣлей должна была полиція.

Этотъ отвѣтъ возмутилъ адъютанта еще больше. Много раненныхъ приходило въ послѣдующіе дни въ „Скорую помощь“, въ Александровскую больницу (16) и въ другія больницы, но отсутствіе записей дѣлаетъ невозможнымъ и для насъ установить точную цифру пострадавшихъ.

Жалѣть объ этомъ, понятно, не приходится.

Въ первое время трудно было пройти по улицѣ, не встрѣтивъ двухъ-трехъ рабочихъ съ повязанной головой или рукой. Вы входите куда нибудь во дворъ въ рабочемъ кварталѣ и видите раненаго, лежащаго на доскахъ въ тѣни забора... Всюду — раненные, избитые, изувѣченные... Полиція и солдаты гонялись на окраинахъ за рабочими, какъ за бѣшенными собаками. Это было ужасное время... Многіе рабочіе, боясь арестовъ, ночевали въ оврагахъ, по полямъ и лѣсамъ. А озвѣрѣвшіе слуги правительства съ кольями и револьверами всюду гонялись за ними, стараясь поймать, изувѣчить и запереть въ тюрьму.

О томъ, что происходило, можно получить нѣкоторое представленіе по слѣдующему эпизоду, характерному для того времени, которое пришлось пережить.

Переполохъ, вызванный въ городѣ стачкой, не поддается описанію. Самые нелѣпые, безсмысленные слухи о намѣреніяхъ забастовщиковъ циркулируютъ во всѣхъ слояхъ общества. Обыватели со дня на день ждутъ разгрома, нападенія на свои квартиры. Особенно великъ былъ страхъ у жителей окраинъ...

Одна вдова какого-то полковника, живущая въ собственномъ домикѣ за Печерскомъ, въ предмѣстьи Звѣринецъ, какъ и другіе обыватели, была въ страшной тревогѣ, ожидая нападенія съ минуты на минуту. Жила она вдвоемъ — съ компаньонкой — нѣмкой, ни слова не говорящей по-русски, и обѣ не спали по ночамъ, воображая себѣ всякіе ужасы. Наконецъ, полковница рѣшилась воспользоваться знакомствомъ съ комендантомъ крѣпости, который былъ хорошъ съ ея покойнымъ мужемъ,

и отправилась къ нему съ просьбой прислать къ ней въ усадьбу патруль солдатъ.

Прислать патруль комендантъ отказался, но обѣщалъ немедленно выслать ей хоть роту солдатъ, какъ только выяснится, что усадьбѣ ея грозитъ хоть какая нибудь опасность. Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ изощренный слухъ обѣихъ старушекъ уловилъ какіе-то зловѣщіе звуки: раздавались пьяные голоса, какой-то неясный гулъ. Казалось къ усадьбѣ приближалась громадная толпа. Обѣ женщины почувствовали смертельный ужасъ.

Толпа подходила все ближе и ближе, раздавались отдѣльные голоса: „перелѣзай черезъ заборъ! они тутъ!“ Несчастныя женщины, едва живыя отъ страха, выглянули въ окно и съ ужасомъ увидѣли, что громадная толпа какихъ-то людей остановилась у воротъ и о чемъ-то совѣщается. Толпу слабо озарялъ красный свѣтъ факела, всюду виднѣлись палки, колья. Сомнѣнья не было: усадьба подверглась нападенію!

Выскочить черезъ черный ходъ въ садъ — было для обѣихъ женщинъ дѣломъ одной минуты; онѣ не успѣли даже одѣться и выбѣжали, какъ были, въ ночныхъ кофтахъ, такъ какъ былъ одиннадцатый часъ и онѣ собирались уже лечь спать. Нѣмка, добѣжавъ до конца сада, забилась въ чащу кустовъ, а полковница, тѣмъ временемъ, спотыкаясь и падая, черезъ кусты, овраги и заборы въ кромѣшной темнотѣ бѣжала по дикимъ и пустыннымъ валамъ въ крѣпость за защитой. Убѣдившись, что она внѣ опасности, что никто не гонится за ней, она остановилась на пригоркѣ и оглянулась назадъ. Толпа была уже тамъ, въ ея усадьбѣ; она ворвалась уже въ домъ; вся усадьба наполнилась крикомъ и шумомъ. Красный факелъ, озаряя все кровавымъ заревомъ, двигался отъ одной постройки къ другой.

— Теперь грабятъ, вѣрно меня ищутъ, рѣшила она, а когда кончатъ — домъ подожгутъ... И стремглавъ она бросилась бѣжать дальше, все время думая о томъ, успѣетъ-ли она предупредить полное

уничтоженіе ея имущества. А за ея спиною все еще раздавались крики разъяренной толпы.

Наконецъ, она въ крѣпости. Задыхаясь, еле переводя дыханіе, она разсказала все начальнику, встрѣтившагося ей сторожевого поста. Ея разсказу было придано серьезное значеніе. Сообщенное ею извѣстіе вызвало всеобщій переполохъ. Какъ разъ въ это время начальство ожидало нападенія рабочихъ на казармы для освобожденія забастовщиковъ, заключенныхъ тамъ въ количествѣ около 300 человѣкъ. Никто не сомнѣвался теперь въ томъ, что толпа эта готовится напасть на казармы и поэтому рѣшено было сразу принять внушительныя мѣры, соотвѣтствующія обстоятельствамъ.

— Такъ вы говорите, что въ толпѣ человѣкъ пятьдесятъ? — съ тревогой спрашивалъ офицеръ.

— Больше, больше — отвѣчала перепуганная полковница. Послѣ нѣкотораго колебанія рѣшили отправить роту солдатъ. Каково же было всеобщее удивленіе, когда отрядъ, пришедши въ усадьбу, увидѣлъ, что рыскающая тамъ толпа также состоитъ изъ солдатъ! Произошла трогательная встрѣча. Оказалось, что ворвавшаяся въ усадьбу толпа полупьяныхъ солдатъ ищетъ тамъ какихъ-то двухъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ распространеніи прокламацій и, какъ казалось нѣкоторымъ, скрывшихся именно здѣсь.

Получившая столь значительное подкрѣпленіе толпа башибузуковъ бросилась искать съ удвоенной энергіей и вскорѣ вытащила изъ кустовъ спрятавшуюся тамъ нѣмку.

Здѣсь — трагическая сторона эпизода: нѣмка не выдержала страшнаго потрясенія и сошла съ ума. Хотя положеніе ея и не безнадежное, но до послѣдняго времени улучшенія въ состояніи ея здоровья не наблюдалось.

Рабочіе такъ и остались неразысканными.

Само собой разумѣется, что далеко не всѣ похожденія царскихъ опричниковъ кончались такъ скандально для нихъ и такъ благополучно для преслѣдуемыхъ. Извѣстно не мало случаевъ, когда

арестовываемыхъ рабочихъ звѣрски избивали при арестѣ, или же въ участкѣ. Извѣстны случаи помѣшательства женщинъ во время ареста рабочихъ. Въ одномъ случаѣ — жена, а въ другомъ — мать арестованныхъ тутъ же сошли съ ума.

Раненные рабочіе забѣгали въ лозы, спасаясь отъ преслѣдованій, и тамъ умирали. Ужъ одинъ этотъ фактъ можетъ дать яркое представленіе о тѣхъ ужасахъ, которые у насъ творились.

Арестовано было за все время стачки и послѣ нея примѣрно около 400 человѣкъ. Триста сидѣло въ крѣпости, въ казармахъ и около 100 человѣкъ въ Лукъяновской тюрьмѣ. Нѣкоторымъ изъ арестованныхъ, по слухамъ 14 человѣкамъ, грозитъ процессъ въ судебной палатѣ по обвиненію ихъ въ сопротивленіи властямъ.

Значительная часть изъ числа заключенныхъ въ казармахъ была подвергнута административному аресту по постановленію генералъ-губернатора на одинъ-два-три мѣсяца и разослана по провинціальнымъ тюрьмамъ. Длиннѣйшій списокъ ихъ фамилій былъ опубликованъ въ газетахъ, повергая въ смущеніе обывателей.

Характерно, что евреи въ опубликованномъ спискѣ составляли самый ничтожный процентъ (3-5%). И Драгомировъ, старательно вычисляющій обыкновенно % евреевъ-демонстрантовъ, на этотъ разъ отказался отъ своихъ статистическихъ упражненій. Вообще, если бы онъ хотѣлъ честно мыслить, ему пришлось бы отказаться отъ многихъ своихъ прежнихъ мнѣній.

— „Жизнь развивается органически и не знаетъ скачковъ, — говорилъ нашъ генералъ-философъ первому составу Кіевскаго Комитета, собравъ его въ стѣнахъ Лукьяновки весной 1898 года, — жизнь развивается по своимъ законамъ, черезъ которые вы хотите перешагнуть. Время само принесетъ все, поучалъ онъ, а теперь ваша агитація вредна, безпочвенна и безплодна!“

Повторилъ-ли бы онъ теперь эти слова?

Тогда, передъ нимъ была кучка интеллигентной молодежи, слабо связанная съ рабочей массой, а теперь — почти вся рабочая масса, возставшая противъ политическаго и экономическаго гнета и довѣрчиво слушающая соціальдемократовъ.

Неужели и теперь г. Драгомировъ оставляетъ за собой монополію — быть единственнымъ представителемъ органическаго развитія русскаго общества?

Извѣстно, что отставка г. Драгомирова вызвана не только его разстроеннымъ здоровьемъ, но и нежеланіемъ оставаться на столь „безпокойномъ" посту, какъ генералъ-губернаторскій. Передаютъ также, что дѣйствіями своихъ подчиненныхъ онъ страшно недоволенъ, считаетъ стрѣльбу ничѣмъ невынужденной и во всемъ винитъ генерала Прескотта и барона Штакельберга — соціальдемократовъ также, само собой разумѣется. Однимъ словомъ, всѣ виноваты кромѣ него — высшаго представителя самодержавной власти въ краѣ, отвѣтственной за всю эту пролитую кровь, за всѣ ужасы и преступленія.

Несомнѣнно также, что въ послѣднее время, когда мы вступили въ худшую фазу деспотизма, когда мы приближаемся къ *деспотизму военному*, его роль, какъ главы военно-административной части, становилась все омерзительнѣе.

Противъ народа самодержавіе выставляетъ свою единственную опору — грубую, военную силу со всѣми ея аттрибутами — военными судами, осадными положеніями, разстрѣлами. Не случайнымъ является то обстоятельство, что *военное* вѣдомство любезно предоставило жандарміи свою гауптвахту и казармы для помѣщенія тамъ арестованныхъ стачечниковъ. Сценка столкновенія арестованныхъ съ военнымъ начальствомъ, описанная въ печатаемомъ ниже письмѣ рабочихъ, крайне характерна для переживаемаго нами историческаго момента.

ПИСЬМО РАБОЧИХЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ ВЪ КАЗАРМАХЪ.

„Пишемъ Вамъ изъ заключенія, изъ казармъ артиллеристовъ, которыя противъ главнаго входа въ Лавру. Сидитъ здѣсь всего 300 человѣкъ, арестованныхъ въ разное время съ 22 іюля по

1 августа. Сначала 22 іюля сюда посадили 64 типографщика, арестованныхъ на сходкѣ или возлѣ мѣста сходки, затѣмъ по утрамъ и ночамъ все время приводятъ небольшими группами арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ города; вслѣдствіе этого у насъ есть представители всѣхъ отраслей труда: типографщики, переплетчики, сапожники, арсенальные, гретеровскіе, желѣзнодорожные, южно-русскіе рабочіе, 1 бухгалтеръ, 3 ученика художественнаго училища, 6 студентовъ, 1 извозчикъ, развозчики кваса, каменьщики, матросы, булочники, 2 корректора, 1 помощникъ капитана и много другихъ. Были рядомъ 9 дѣвушекъ, но ихъ перевели на три мѣсяца въ тюрьму 31 іюля. Среди насъ много избитыхъ: подбитые глаза, изсѣченныя спины, рана на плечѣ (просѣчена шашкой одежда и тѣло) и другіе побои; всѣмъ этимъ награждали при арестѣ и въ участкахъ, особенно въ Подольскомъ и Лыбедскомъ. Курить намъ воспрещаютъ. Былъ даже такой офицеръ, который отнималъ табакъ и вырывалъ изо рта папиросы (фамилія его Ждановичъ). Пищу покупать нельзя; деньги забираютъ и отсылаютъ въ штабъ крѣпости.

26 іюля у насъ былъ шумъ и пѣли революціонныя пѣсни. Дежурный офицеръ вспылилъ, объявилъ, что будетъ стрѣлять, скомандовалъ и ружья появились въ дверныхъ отверстіяхъ, но вспышка прошла. Наконецъ, 1 августа намъ надоѣло сидѣть, ничего не зная о своей судьбѣ, и поэтому мы рѣшили объявить голодовку. Мотивы: 1) Прежде всего, среди насъ было нѣсколько человѣкъ больныхъ, которые ѣдятъ одну и ту же пищу, что и мы, изъ общей посуды. *Требованіе:* отдѣленіе больныхъ. 2) Люди сидятъ 10 дней, взяты совершенно случайно и ничего не знаютъ о своей судьбѣ. *Требованіе:* желаемъ видѣть прокурора. 3) Ѣда плоха: обѣдъ часто холодный, въ супѣ нечищенный картофель (показывали офицеру), каша горькая и очень мало — не хватаетъ многимъ. *Требованіе:* хотимъ видѣть коменданта. 4) Хотимъ пользоваться прогулкой; воздухъ въ камерахъ ужасный, по утрамъ у многихъ головокруженіе. *Требованіе:* хотимъ прогулокъ и 5) еще кой-какія требованія.

Несмотря на разнохарактерность арестованныхъ, голодовка началась дружно, — всѣ держали себя хорошо; отказались отъ кипятка. Явился комендантъ, — всѣ держали себя хорошо; мы просили вызвать прокурора. Онъ обѣщалъ и ушелъ. Отъ хлѣба и мяса мы также отказались. Здѣсь произошла интересная сцена. Въ комнату были введены солдаты съ открытыми патронташами и выстроились въ ширину комнаты, сбоку сталъ офицеръ съ открытымъ кобуромъ и доложилъ, что по приказанію коменданта порціи вносятъ къ намъ и, дѣйствительно, солдаты внесли на ряднахъ груды хлѣба и въ котлѣ куски мяса, но... никто не двинулся съ мѣста; нѣсколько минутъ было тревожныхъ; двѣ силы стояли другъ противъ друга и ждали, но прошло нѣсколько минутъ и солдаты съ офицерами вышли. Раздался крикъ возмущенія, что съ нами поступаютъ, какъ съ мальчишками. Черезъ полчаса офицеръ объявилъ, что по телефону о насъ доложено прокурору и генералъ-губернатору. Заключенные еще болѣе увѣровали въ свои силы. Въ два часа явился товарищъ прокурора

Чаплинскій, онъ объяснилъ, что первая категорія (арестованные на улицѣ и никогда прежде не судившіеся) черезъ 2-3 дня получатъ приговоръ. Вторая категорія — участвующіе на сходкѣ, третья — арестованные дома, находятся подъ слѣдствіемъ жандармовъ. *Всѣ требованія удовлетворены. Побѣда на нашей сторонѣ!!*

По уходѣ товарища прокурора стали ѣсть.

Офицеръ очень сердитъ и предупреждаетъ, что послѣ двухъ предостереженій часовые будутъ стрѣлять въ сидящихъ на окнахъ, и теперь караульные часто наводятъ ружья на окна.

Получили извѣстія изъ Старо-Кіевскаго участка: одинъ голодалъ четыре дня — его перевели къ намъ. Другой устраиваетъ тамъ забастовки: поломалъ мебель, выбилъ дверь въ камерѣ — онъ еще тамъ, кажется, сходитъ съ ума.

У насъ есть семь сыщиковъ, всѣмъ имъ не даемъ покою.

Заключенные 1 августа.

Итакъ, съ одной стороны — пролетаріатъ, съ другой — войско. Таково современное положеніе! Рабочіе въ мундирахъ — противъ рабочихъ въ блузахъ! Агитаціей нужно разстроить ряды войска и агитаціей же нужно сплотить ряды пролетаріата.

Такова, покамѣсть, наша задача!

XIV.

Заключеніе.

(Отношеніе общества. — Возможность баррикадъ. — Недостатки общерусской организаціи. — Недостатки мѣстной работы. — Значеніе стачки).

Постараемся въ заключеніе намѣтить вкратцѣ тѣ уроки, которые слѣдуетъ дѣйствующимъ организаціямъ извлечь изъ минувшихъ событій.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ своей борьбѣ рабочій классъ въ Кіевѣ былъ совершенно одинокъ. Онъ — и защищающее фабрикантовъ правительство, вотъ двѣ единственныя силы, принимавшія участіе въ борьбѣ. Всѣ промежуточные слои общества оставались въ сторонѣ.

Денежная поддержка, оказанная нашимъ „либеральнымъ“ обществомъ была ничтожна. За все это время Кіевскимъ Комитетомъ съ большими усилі-

ями было собрано около 700-800 руб.; въ эту цыфру входятъ также суммы, собранныя рабочими и комитетскими среди „своихъ“.

Мизерность этихъ сборовъ выясняется особенно ярко, если сравнить ихъ съ тѣми, чисто филантропическими сборами, которые были произведены въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ кишеневскаго погрома. Тамъ для *жертвъ* самодержавнаго режима — милліоны, а здѣсь для поддержки *борцовъ* съ самодержавіемъ — сотни. Такова логика нашей либеральной интелигенціи.

Пострадавшіе отъ землетрясенія въ Шемахѣ, голодающіе индусы,буры и т. д. получили изъ Россіи несравненно болѣе крупную поддержку.

Небезынтересенъ также и тотъ фактъ, что интеллигентная публика помогала не только стачечникамъ, но и штрейкбрехерамъ: по окончаніи стачки вагоновожатые и кондуктора трамвая, курсирующаго между Кіевомъ и дачной мѣстностью Пуща-Водица и работавшаго во все время стачки, ходили по дачамъ съ подписными листами и собирали въ свою пользу деньги за то, что они не примкнули къ стачкѣ. Почти никто не отказывалъ, и мой знакомый видѣлъ подписной листъ съ либеральными фамиліями „освобожденскаго“ толка и съ очень крупными пожертвованіями.

Многія лица, постоянно оказывавшія поддержку Комитету или Красному Кресту, категорически отказывались помочь стачечникамъ, „воочію, какъ они говорили, увидавъ, къ чему это все ведетъ“. О размѣрахъ паники, охватившей „общество“, можно судить хотя бы по слѣдующему случаю: одинъ либеральный обыватель, увидѣвъ вечеромъ какой-то силуэтъ въ окно своей комнаты, вообразилъ, что это нападеніе „черни“ и поспѣшилъ выстрѣлить изъ револьвера въ стоявшаго на дворѣ человѣка. Смутившая спокойствіе либерала тѣнь оказалась его собственнымъ ночнымъ сторожемъ; выстрѣломъ у него былъ выбитъ глазъ. Не отъ такихъ ли людей ждать рабочимъ помощи въ дѣлѣ завоеванія политической свободы?

Минувшія событія съ полной наглядностью доказали справедливость извѣстнаго мнѣнія, „что движеніе за политическую свободу въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочаго класса, или вовсе не восторжествуетъ".

Борьба рабочихъ съ правительствомъ приняла такую острую форму,что при извѣстномъ желаніи со стороны Комитета, непосредственно послѣ стрѣльбы на вокзалѣ, возможно было бы начать битву на улицѣ. Я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Желательно ли это, или нѣтъ — другой вопросъ; но возможность безусловно была. Если бы въ ночь со среды на четвергъ Комитетъ отпечаталъ бы прокламацію съ призывомъ на улицу и принялъ бы на себя личное руководительство толпой, то на другой день, я въ этомъ не сомнѣваюсь, мы имѣли бы баррикады, или что нибудь равносильное.

Ошибочно или нѣтъ, но Кіевскій Комитетъ на этотъ разъ рѣшилъ, по приведеннымъ мною выше соображеніямъ, этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Но самый вопросъ продолжаетъ стоять передъ нами и, можетъ быть, недалеко то время, когда опять придется рѣшать его.

Вообще слѣдуетъ сказать, что среди насъ совершенно почти нѣтъ людей съ военно-стратегическими способностями. У русской революціи будетъ много солдатъ, но мало офицеровъ.

Отсутствіе общерусской организаціи, общерусскихъ листковъ и бюллетеней очень сильно давало себя чувствовать во время стачки. О началѣ, развитіи и ходѣ движенія въ разныхъ другихъ городахъ юга Россіи намъ приходилось узнавать только изъ правительственныхъ сообщеній. Частныя сообщенія получались очень рѣдко, къ сожалѣнію, тоже всегда ложныя и запоздалыя.

Сношенія съ отдѣльными комитетами, всегда крайне слабыя, у насъ во время стачки окончательно прервались. И въ результатѣ Кіевскіе рабочіе въ своей борьбѣ оказались оторванными отъ всего борющагося міра.

Недостатокъ организаціонныхъ сношеній рабочіе исправляли собственными силами, присылая въ Кіевъ делегатовъ изъ Одессы, Конотопа, Бердичева и др. мѣстъ, сами налаживая подчасъ переписку. Разсылка делегатовъ — явленіе крайне знаменательное, напоминающее посылку „эмисаровъ" въ горячее время студенческихъ волненій.

Между тѣмъ, поставить на правильную почву хотя бы дѣло общерусскихъ сношеній вовсе не такъ трудно. Стоитъ только одному толковому, энергичному и аккуратному человѣку спеціально заняться имъ; для этого ему нужно, обосновавшись въ любомъ изъ русскихъ городовъ, заручиться корреспондентами во всѣхъ комитетахъ, всякое мало-мальски важное, чисто фактическое сообщеніе немедленно отпечатывать на гектографѣ и въ двухъ экземплярахъ разсылать къ свѣдѣнію во всѣ остальные комитеты. Это—упрощенный способъ, а болѣе сложный и уже совершенно конспиративный, обезпечивающій долговѣчность всей системѣ, это — разсылать не гектографированные бюллетени комитетамъ, а химическіе. Одному человѣку при такой постановкѣ трудно справиться съ этимъ дѣломъ, хотя и въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Сколько бы совершенно ненужной переписки между отдѣльными комитетами было бы устранено раціональной постановкой этого дѣла, и какъ бы отъ такой освѣдомленности выиграло бы движеніе! Организація этого дѣла составляетъ, на мой взглядъ, насущнѣйшую потребность нашего движенія.

Переходя къ дефектамъ мѣстной работы, считаю нужнымъ прежде всего указать на слабость и немногочисленность личнаго состава организаціи. Ораторъ, заслуживающій этого наименованія, фактически былъ у насъ только одинъ. Черезчуръ мало также было у насъ лицъ, которые могли бы агитировать въ массѣ въ то горячее время, когда рабочіе высыпали на улицу, занимали толпами всѣ скверы, бульвары и съ жадностью ловили свободное слово. Правда, всюду находились добровольцы, агитировали члены Комитета и лица такъ или иначе

прикосновенныя къ нему. Но этого было черезчуръ недостаточно. Такая агитація не должна была носить случайнаго характера; она должна была быть организована по одному плану. Намъ былъ совершенно необходимъ летучій отрядъ агитаторовъ, все время живущій и дѣйствующій въ массѣ. Такая летучая агитація будетъ поставлена на надлежащую высоту лишь тогда, когда рабочая масса сама выдвинетъ много способныхъ агитатоторовъ изъ своей среды. Къ этому мы и должны всѣми силами стремиться.

Заговоривъ о личномъ составѣ Комитета, мы не можемъ не упомянуть о самоотверженной и достойной всякаго удивленія дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя работали въ комитетской типографіи; лишь они, безспорно, стояли на высотѣ положенія. Днемъ и ночью производилась тамъ тяжелая каторжная работа, въ равной почти мѣрѣ опасная, какъ для работавшихъ, такъ и для правительства.

За все время стачки было отпечатано 12 листковъ въ количествѣ около 30 тысячъ экземпляровъ. Листковъ 15 было издано на гектографѣ.

Всѣ рѣшительно изданія комитета имѣли форму прокламацій. За все время стачки *нами не было выпущено ни одного листка-бюллетеня*, въ родѣ „Кіевскаго Соціальдемократическаго Листка", издававшагося зимой и содержавшаго въ себѣ мѣстную хронику. Необходимость изданія такого типа и недостаточность прокламаціонной формы, имѣющей свои неоспоримыя достоинства, обнаружилась во время минувшей стачки съ поразительной ясностью. Масса фактовъ, имѣющихъ крупное агитаціонное значеніе такъ и осталась неиспользованной по той простой причинѣ, что въ прокламаціонную форму ихъ не втиснешь. Мѣстное издательство переживаетъ теперь кризисъ и въ острые моменты, когда потребность въ издательской дѣятельности становится особенно интенсивной, эти недостатки въ постановкѣ мѣстнаго издательства давали себя особенно сильно чувствовать.

Какое громадное значеніе могъ бы имѣть во время минувшей стачки бюллетень мѣстной жизни! Путемъ мелкихъ статеекъ, небольшихъ хроникерскихъ замѣтокъ можно было бы связать воедино всю ту массу фактовъ, къ которымъ было приковано напряженное вниманіе тысячъ людей, и которые въ то же время для многихъ остались неизвѣстными. Такіе бюллетени, издаваемые въ тысячахъ экземпляровъ придавали бы цѣльность, объединенность движенію.

Въ нихъ необходимо было зарегистрировать всѣ проявленія стачечнаго движенія въ Кіевѣ съ тѣми индивидуальными чертами, въ той конкретной обстановкѣ, въ какой они происходили. Необходимо было помѣщать краткія свѣдѣнія, въ видѣ телеграммъ —о событіяхъ на Югѣ Россіи. Необходимо было сообщать о мѣропріятіяхъ мѣстныхъ властей, объ уступкахъ капиталистовъ, о совѣщаніи предпринимателей, помѣщать замѣтки о статьяхъ „Кіевлянина" и о правительственныхъ сообщеніяхъ, давать описанія уличной борьбы, обструкціи, сообщать свѣдѣнія объ отношеніи общества, о настроеніи войскъ, о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, объ арестахъ; необходимо печатать письма арестованныхъ, отчеты о собранныхъ деньгахъ, необходимо отмѣчать всѣ тѣ факты, наконецъ, которые нашли себѣ мѣсто въ настоящей брошюрѣ и очень многіе другіе, не вошедшіе въ нее. Однимъ словомъ, необходимо было использовать весь тотъ мелкій, но въ то же время крайне важный въ агитаціонномъ отношеніи матеріалъ чисто газетнаго типа, который невозможно вмѣстить въ прокламацію и который поэтому такъ и пропадаетъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ.

Прокламаціи также очень много теряютъ оттого, что онѣ, будучи *единственной* формой мѣстнаго издательства, принуждены вмѣщать въ себя подчасъ совершенно неподходящій для изданія этого типа матеріалъ. Прокламаціонной формой мы злоупотребляемъ.

Такимъ образомъ, минувшія событія лишній разъ наглядно доказали недостаточность однѣхъ

лишь прокламацій и необходимость листковъ-бюллетеней, содержащихъ хронику мѣстной жизни и мѣстнаго движенія. Вопросъ этотъ очень серьезенъ, настоятельная потребность его разрѣшенія чувствуется уже давно и потому подробное обсужденіе его мы считаемъ прямой и неотложной обязанностью нашей партійной литературы. Всеобщая стачка выдвинула и другіе вопросы; она обнаружила и другіе дефекты въ нашей партійной работѣ, но мы считаемъ нужнымъ остановиться лишь на тѣхъ изъ нихъ, устраненіе которыхъ, имѣя крайне важное значеніе, въ то же время не представляетъ значительныхъ трудностей.

Значеніе минувшихъ событій при всѣхъ недостаткахъ, обнаружившихся въ нашей организаціи и стоящихъ на пути болѣе широкому развитію поднявшагося движенія, — крайне велико.

Впечатлѣніе получилось такое, будто бы у кіевскихъ рабочихъ спала повязка съ глазъ и они впервые увидѣли всю мерзость преступленій, совершаемыхъ на Руси подъ сѣнью самодержавной власти.

Вопросу о значеніи всеобщей стачки въ освободительной борьбѣ русскаго пролетаріата Кіевскимъ Комитетомъ была посвящена особая прокламація; въ ней писалось:

„Большой, нѣмой, глубоко похороненный классъ покоится неподвижно, раздавленный жизнью; если онъ станетъ жаловаться на свои боли, своими жалобами онъ потрясетъ землю.“

Первые толчки такого землетрясенія не разъ давали себя чувствовать въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ происходили рабочія волненія — эти первые подземные толчки, предвѣщающіе возможность грандіознаго землетрясенія. За первыми толчками послѣдовали грозные удары, отъ которыхъ заколебалась почва подъ современнымъ государственнымъ строемъ, основаннымъ на насиліи и произволѣ — это проснулся *весь рабочій классъ* юга Россіи и сталъ жаловаться на свои боли. Эти жалобы пробудили всю Россію.

Одно лишь правительство не понимаетъ значенія происходящихъ событій; оно старательно замалчиваетъ освободительное движеніе русскаго пролетаріата и только обязательными постановленіями откликается на голоса жизни. Оно боится взглянуть въ глаза дѣйствительности и подобно страусу прячетъ свою голову въ песокъ, при видѣ приближающейся опасности. Правительственныя газеты въ растерянности и недоумѣніи стоятъ передъ надвигающейся грозой, не понимая ни ея смысла, ни ея близости, ни ея значенія.

„Кіевлянинъ", напр., пишетъ: „стачки возникаютъ безпорядочно, причемъ рабочіе не выставляютъ никакихъ требованій и сами не знаютъ изъ-за чего бастуютъ, чего хотятъ." Какъ это ни кажется нелѣпымъ, но и теперь, когда проснулся *весь* рабочій классъ и требуетъ своихъ правъ, „Кіевлянинъ" объясняетъ это движеніе, какъ и Немѣшаевъ въ своемъ объявленіи, вліяніемъ злонамѣренныхъ агитаторовъ, нашептывающихъ рабочимъ небылицы про ихъ тяжелое положеніе. Точно рабочій самъ, безъ чужого указанія не можетъ почувствовать униженія, если его оскорбляютъ, голода при низкомъ заработкѣ, горькой обиды при непосильномъ трудѣ, чуства возмущенія, злобы и скорби при видѣ товарищей, избиваемыхъ нагайками или падающихъ подъ градомъ пуль...

Рабочіе хорошо знаютъ изъ-за чего они бастуютъ и чего они хотятъ. Самые несознательные слои населенія понимаютъ причины всеобщей стачки. „Какъ не бастовать!? — раздавались разговоры на улицахъ; — на заводахъ — прижимки, *кругомъ — всякое нахальство!*" Рабочіе и протестуютъ противъ прижимокъ и проявленій того „нахальства," о которомъ говорятъ даже малосознательные люди. Они протестуютъ противъ звѣрства властей, разстрѣливающихъ среди бѣла дня ихъ безоружныхъ товарищей; они протестуютъ противъ произвола жандармовъ, которые вырываютъ изъ ихъ среды лучшихъ товарищей за то, что они хотятъ жить по человѣчески, читать и писать то, что думаютъ, мы-

слить и говорить по своему; они протестуютъ противъ суда, который создаетъ дѣла, подобныя Золотовскому, гдѣ юстицію не отличишь отъ проституціи; они протестуютъ противъ повсемѣстнаго дикаго и безобразнаго произвола самодержавной полиціи. Рабочіе возстаютъ, наконецъ, противъ всего того правительства, при которомъ, выражаясь словами Горькаго, „нами управляютъ свиньи, дураки и воры.“ Воодушевленный такими мыслями и чувствами подымается рабочій народъ и всеобщей стачкой выражаетъ свое негодованіе и презрѣніе негодному и презрѣнному правительству. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ организованные желѣзно-дорожные *рабочіе* кіевскихъ мастерскихъ, оцѣнивая значеніе всеобщихъ стачекъ, писали: „Внутренняя жизнь въ Россіи кипитъ какъ вулканъ, и мы видимъ, какъ по временамъ она выбрасываетъ потоки лавы, *которые захватываютъ не отдѣльные заводы и мастерскія*. Нѣтъ, смотрите: въ Ростовѣ начали забастовку рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, а черезъ день, другой оказывается, что весь городъ бастуетъ и силой отстаиваетъ многотысячныя собранія для того только, чтобы слышать свободное слово.“

Всеобщая стачка есть одно изъ дѣйствительныхъ и сильныхъ орудій въ борьбѣ рабочихъ за политическую свободу. Она расшатываетъ самодержавный строй, она будитъ мысль рабочаго, она создаетъ непримиримыхъ враговъ царскому самовластію, отъ котораго страдаетъ весь русскій народъ.

Бельгійскіе рабочіе шестилѣтней упорной борьбой, всеобщими стачками и демонстраціями добились всеобщей подачи голосовъ, то есть участія рабочихъ въ управленіи страной. Соціальдемократическая рабочая партія, руководившая движеніемъ, издала въ 1887 году манифестъ къ Бельгійскому народу съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ. Вотъ что писалось въ немъ: „Страна переживаетъ страшный кризисъ. Обездоленные классы страдаютъ, стачки растутъ; возстанія, вызванныя нуждой и постояннымъ уменьшеніемъ заработной платы распространяются повсюду. Заработка у рабочихъ

нѣтъ: косвенные налоги, военные поборы, все болѣе и болѣе тяжелыя подати угнетаютъ рабочихъ. Правительство не хочетъ и слушать жалобъ несчастныхъ, возставшихъ подъ гнетомъ невыносимой нужды и противопоставляетъ имъ только оружіе. Кровь несчастныхъ пролита уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Довольно! страна не потерпитъ этого долѣе. Слишкомъ много крови уже пролито... Народъ, лишенный права участвовать въ политической жизни, долженъ получить свое право путемъ объявленія всеобщей подачи голосовъ! Если же правительство опять откажетъ рабочимъ въ ихъ требованіяхъ, не правы ли они будутъ, если откажутся совершенно отъ работы для общества, которое не считаетъ ихъ достойными политическихъ правъ и провозгласятъ всеобщую стачку... Пришло ужъ время показать правительству, что мы уже не хотимъ быть въ странѣ только вьючнымъ скотомъ и пушечнымъ мясомъ!„ . . .

Правда, Россія не Бельгія. Но и у насъ въ Россіи всеобщая стачка явится могучимъ средствомъ въ борьбѣ рабочаго класса за свои политическія права. Уже теперь наше правительство съ ужасомъ останавливается передъ этимъ грознымъ потокомъ, предвидя неизбѣжную побѣду русскаго пролетаріата.

ПРИЛОЖЕНІЕ

(Изъ № 53 „ИСКРЫ“.)

О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни?

Громадной важности событія разыгрались на югѣ Россіи. Ихъ описанія наполняли собой ближайшіе къ нимъ номера подпольной прессы всѣхъ направленій и въ настоящій моментъ уже вытѣсняются съ ея столбцовъ другими матеріалами. А между тѣмъ поставленные этими событіями вопросы не только не подверглись обсужденію, но еще почти что и не затронуты. Рѣшительную и вдумчивую ихъ постановку мы встрѣтили до сихъ поръ только въ одномъ еще не напечатанномъ письмѣ изъ Кіева. Но мы убѣждены, что волнуютъ и мучатъ эти вопросы далеко не одного только нашего кіевскаго товарища, а многихъ и многихъ русскихъ дѣятелей. Мысль русской соціальдемократіи должна остановиться на нихъ; ихъ ставятъ не отдѣльныя лица, а сама жизнь. Что именно произошло на нашемъ югѣ? были ли это стачки, демонстраціи, возстаніе? „Ничего подобнаго не знала Россія и даже, думается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ", пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадные размѣры движенія, онъ отмѣчаетъ затѣмъ то, что представляется ему „новымъ въ міровой исторіи" — это „безусловная солидарность *всѣхъ* рабочихъ" безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленныхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоятъ пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить са-

ногъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, не смотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организаціи и политическую свободу, *такихъ* стачекъ не бывало. Тамъ грандіозныя стачки случаются лишь въ извѣстныхъ профессіяхъ.

Авторъ правъ. Въ странахъ Западной Европы, имѣющихъ большія профессіональныя организаціи и давно существующія соціалистическія партіи, еще не бывало стачекъ, достигающихъ такой всеобщности, какъ у насъ на югѣ, и — въ качествѣ явленія, однороднаго со стачками въ отдѣльныхъ прфессіяхъ — ихъ никогда не будетъ. Всеобщая стачка ради давленія на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ получателей прибыли, средство очень сильное, но не цѣлесообразное. Именно по своей всеобщности и неизбѣжной по этому самому кратковременности отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ таковымъ, она въ большинствѣ случаевъ можетъ причинить лишь незначительный вредъ, доставляя въ то же время громадныя затрудненія всему населенію въ качествѣ потребителя. По самой сути дѣла, всеобщая стачка можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ давленія лишь на общество, какъ организованное цѣлое; она и выдвигалась въ Европѣ (а въ Голландіи и Бельгіи отчасти практиковалась), какъ средство политическаго давленія, и проповѣдовалась, какъ приступъ къ соціальной революціи.

Но всмотритесь хорошенько и въ наши южныя стачки. Уже одно наиболѣе всеобщее изъ всѣхъ требованій: восьми-часовой рабочій день — самой своей международной цифрой говоритъ о своемъ скорѣе принципіальномъ, чѣмъ практическомъ значеніи, носитъ скорѣе характеръ лозунга, какимъ оно до сихъ поръ еще остается и въ Зап. Европѣ, чѣмъ требованія, подлежащаго немедленному удовлетворенію. И въ дѣйствительности, если въ Баку всеобщая стачка выросла изъ частныхъ, если часть одесскихъ рабочихъ, въ которой запутавшіеся въ

свои же собственныя сѣти независимцы возбудили надежды на покровительство начальства, дѣйствительно вѣрила въ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, то желѣзнодорожные рабочіе, взявшіе на себя инициативу всеобщей стачки въ Кіевѣ, опасались поспѣшнаго удовлетворенія, которое испортило бы все дѣло, и умышленно выставляли невыполнимыя, по ихъ мнѣнію, требованія. И способъ распространенія этой всеобщей стачки, и многія явленія въ ея ходѣ и окончаніи въ значительной степени отнимаютъ у нея характеръ простой борьбы со своими непосредственными предпринимателями. Распространяется движеніе съ громадной быстротой, перекидываясь изъ одного города въ другой и въ два-три дня охватывая все производство, причемъ, если рабочіе, начинающіе въ данномъ городѣ стачку, предъявляютъ своимъ хозяевамъ цѣлый рядъ требованій, то дальше многіе бросаютъ работу уже безъ всякихъ требованій, бросаютъ потому, что всѣ встали, что къ нимъ подошла толпа бастующихъ товарищей. Иной разъ (въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ и пр.) требованія вырабатываются на массовыхъ, многотысячныхъ митингахъ, состоящихъ изъ рабочихъ самыхъ различныхъ профессій. Въ разгаръ стачки не разъ случается, что тѣ или другіе предприниматели предлагаютъ своимъ рабочимъ очень большія уступки, но пока длится одушевленіе, эти уступки рѣшительно отвергаются, а когда, подъ вліяніемъ утомленія, толпы на улицахъ рѣдѣютъ, и митинги на пустыряхъ и площадяхъ прекращаются, стачка заканчивается еще дружнѣе, чѣмъ началась, и всѣ безразлично становятся на работу, получили или не получили какія-нибудь уступки. Все это носитъ скорѣе характеръ общественнаго протеста цѣлаго класса противъ лежащаго на немъ экономическаго и политическаго гнета, чѣмъ простой стачки противъ своихъ непосредственныхъ предпринимателей. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы это массовое движеніе было сознательно направлено противъ существующаго экономическаго и политическаго строя

Россіи. Но несомнѣнно, что рядомъ со всяческой нуждой оно было направлено и противъ неподвижности, угнетенности, самоуправства и безправія, свойственныхъ самодержавному строю, а тѣмъ самымъ и противъ всѣхъ охранителей этого строя. И эта послѣдняя сторона движенія выразилась особенно ярко въ безпрерывной и въ большинствѣ случаевъ побѣдоносной борьбѣ съ полиціей и казаками за свободу уличныхъ собраній, рѣчей, коегдѣ шествій.

Да, такихъ *стачекъ* не видывала Европа, но ту солидарность возставшихъ рабочихъ массъ безъ различія профессій и національностей, которая особенно поражаетъ кіевскаго товарища, не разъ видали столицы континентальной Европы. Въ ихъ революціонные дни такъ же пусты были фабрики и мастерскія, хотя рабочіе уходили изъ нихъ, не предъявивъ хозяевамъ никакихъ требованій, а улицы были наполнены многотысячной толпой, въ которой рабочіе всѣхъ профессій перемѣшивались со студентами, съ одной стороны, и съ самымъ низшимъ слоемъ пролетаріата, не имѣющимъ никакой прочной профессіи, съ другой. И эти массы тоже начинали съ того, что слушали многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ съ какого-нибудь возвышенія или поднявшись на плечи товарищей.

Многія сцены, разыгравшіяся въ Кіевѣ, точно списаны съ того, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ происходило въ Парижѣ или Берлинѣ: рабочіе у вокзала, на угрозу стрѣлять распахивающіе груди съ крикомъ „стрѣляй“, шествіе съ трупами убитыхъ товарищей и, вмѣсто подавленности послѣ залповъ, общее возмущеніе, „долой убійцъ!“, разростаніе движенія и въ ширь и въ глубь. Если бы выбывшій изъ строя 50 лѣтъ тому назадъ революціонеръ Парижа или Берлина вдругъ очутился среди толпы передъ вокзаломъ, онъ сразу почувствовалъ бы себя въ той самой атмосферѣ, изъ которой вырвала его когда то вражья пуля. О подражаніи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: просто одинаковыя чувства въ аналогичномъ по-

ложеніи вызываютъ одинаковые жесты, слова, дѣйствія. Кіевскій товарищъ самъ замѣчаетъ, повидимому, что наши іюльскіе дни имѣютъ болѣе общаго съ революціонными бурями Западной Европы, чѣмъ съ современными профессіональными стачками, хотя и самыми грандіозными; онъ самъ называетъ ихъ „прелюдіей къ революціи“. Въ эти дни положеніе объ усиленной охранѣ фактически не дѣйствовало. „Всѣ дни, помимо тысячныхъ массъ, на всѣхъ рабочихъ улицахъ толпится народъ. Группы въ 20-30 человѣкъ на глазахъ городовыхъ читаютъ листки, ведутъ пренія“. А городовые благоразумно лущатъ сѣмячки. Когда же собравшись скопомъ, полиція вмѣстѣ съ казаками нападаетъ на сколько-нибудь значительную толпу, то въ большинствѣ случаевъ терпитъ пораженія. „Народъ уже не боится казаковъ и полиціи. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ ними онъ, взявшись за камни, всегда обращалъ ихъ въ бѣгство“. Такъ было въ Кіевѣ, но если кое-гдѣ конной и пѣшей полиціи въ соединеніи съ казаками и случалось выдерживать отпоръ толпы, то въ общемъ эти спеціальные охранители русскаго порядка были безсильны. Мѣшать въ такіе дни свободѣ массовыхъ митинговъ подъ открытымъ небомъ могутъ только залпы регулярныхъ войскъ. Но и тутъ... Согнать данную толпу съ даннаго мѣста они еще могутъ, но „усмирить“ волнующіяся массы, запугать, вызвать подавленное настроеніе они не въ состояніи. Какъ разъ наоборотъ. Въ Екатеринославѣ, гдѣ войска были пущены въ ходъ въ самомъ началѣ стачки, это не помѣшало ей сдѣлаться всеобщею и носить ярко протестующій характеръ. Въ Кіевѣ именно послѣ залпа у вокзала настроеніе массъ достигло максимума революціоннаго подъема; стачка, до этого еще частичная, стала всеобщей и утихла только черезъ три дня, послѣ залповъ на набережной, закончившихъ собою подвиги войскъ. Она стихла бы и въ томъ случаѣ, если бы войска вовсе не употреблялись. Свободное массовое проявленіе всѣхъ своихъ силъ — великое благо въ

странѣ, гдѣ назрѣвшая потребность въ свободѣ не получаетъ никакого удовлетворенія, но недѣля такой интенсивной жизни на улицѣ не могла не вызвать утомленія. Утвержденіе „Рев. Рос.", что „движеніе стихло подъ давленіемъ военной силы", противорѣчитъ даже ея собственнымъ корреспонденціямъ.

Это движеніе не только не „разбилось объ утесъ самодержавія", но откололо отъ этого утеса громадный кусокъ. Рабочій классъ юга Россіи воочію доказалъ себѣ самому, правительству и всему населенію, что даже вооруженный одними камнями, онъ можетъ день за днемъ, несмотря на всѣ усилія жандармеріи, казаковъ и полиціи, пользоваться полной свободой слова на митингахъ, подъ открытымъ небомъ, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерскія; что всѣхъ силъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, уже недостаточно для охраны свойственнаго самодержавію порядка, и противопоставить поднявшимся рабочимъ правительство можетъ теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и подкрѣплять это доказательство, чтобы ввести его въ общее сознаніе, но самый фактъ представляетъ собой такой громадный шагъ въ ходѣ надвигающейся революціи, что переоцѣнить его нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ: если достаточную *матеріальную* силу правительство можетъ теперь видѣть только въ войскѣ, то на вѣрность, на прочную *нравственную солидарность* со своими интересами оно можетъ расчитывать только со стороны полиціи. Кто въ настоящее время поступаетъ на полицейскую службу, тотъ заранѣе мирится съ ненавистью большинства населенія, тотъ готовъ совершать всѣ звѣрства, которыя лежатъ на обязанности русской полиціи. Но у правительства нѣтъ никакихъ основаній вѣрить во всегдашнюю готовность къ убійствамъ со стороны насильно забранныхъ солдатъ. У него есть всѣ основанія подозрѣвать, что роль убійцъ своихъ же братьевъ очень непріятна большей части солдатъ, а для

иныхъ совершенно невыносима; что, посылая ихъ противъ рабочихъ, оно само вынуждаетъ солдатъ горячо раздумывать о такихъ вопросахъ, которые иначе не пришли бы имъ въ голову, что число такихъ солдатъ должно рости отъ одного соприкосновенія съ взволнованной рабочей средой, не говоря уже о систематической пропагандѣ. Съ другой стороны, усиленная неблагонамѣренность гражданской учащейся молодежи имѣетъ много шансовъ заразить и военную, а правительство по горькому опыту знаетъ, какъ безсильны противъ такой заразы всѣ мѣры, какія оно только можетъ придумать.

Боевыхъ генераловъ, готовыхъ скомандовать убійство, у правительства всегда хватитъ, но оно не можетъ не знать, что съ каждымъ днемъ приближается къ тому моменту, когда ненавистный приказъ, вмѣсто выстрѣловъ поверхъ головъ, начнетъ встрѣчать открытое неповиновеніе. Поставить правительство на путь собственноручнаго расшатыванія своего главнѣйшаго оплота могла только поднявшаяся рабочая масса. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, поскольку дѣло зависѣло отъ массъ, движеніе было въ высшей степени успѣшно. Оно показало, какъ велико уже единство рабочаго класса, какъ много въ немъ элементовъ организованности, позволившей ему сразу выработать такой простой способъ быстро мобилизировать всѣ свои силы.

Намъ, соціальдемократамъ, нельзя, конечно, не огорчаться тѣмъ, что комитеты не были къ моменту движенія вдесятеро сильнѣе, не могли выпускать вдесятеро больше листковъ, выставлять вдесятеро больше ораторовъ, не могли, однимъ словомъ, въ достаточной мѣрѣ использовать недѣльной отмѣны самодержавныхъ порядковъ. Но поскольку въ жалобахъ на то, что „стихійность опять переросла организованность... сознательность", слышится и нѣчто другое, эти жалобы, мнѣ кажется, основаны на недоразумѣніи. Да развѣ движеніе было стихійно? Если подъ стихійностью подразумѣвать первобытность вообще или по отношенію къ соціальдемократіи, то въ нашемъ южномъ возстаніи

не было ничего первобытнаго, все въ немъ говоритъ о вліяніи новаго[1]) революціоннаго времени; на немъ лежитъ явный отпечатокъ воздѣйствія соціальдемократіи — это въ значительной степени плоды ея многолѣтней работы.

Но въ данное время, въ данной формѣ движеніе не было предвидѣно и его размѣры превзошли всѣ ожиданія. Это показываетъ только, какую великую эпоху мы переживаемъ. Въ наростающей революціонной атмосферѣ всякое нужное слово рождаетъ стократное эхо, всякое цѣлесообразное усиліе, кромѣ прямого, приноситъ еще и косвенные плоды. Пока растетъ революціонное движеніе, „стихійность“ въ этомъ смыслѣ всегда будетъ переростать организованность. Соціальдемократія должна, конечно, проникнуть, какъ можно дальше въ рабочую среду со своею сознательностью, раскинуть какъ можно шире организованность. Только этимъ ядромъ движенія она и можетъ распоряжаться съ полной увѣренностью въ соотвѣтствіи дѣйствій плану. Но чѣмъ шире распространяется непосредственное вліяніе комитетовъ, тѣмъ шире будетъ и та окружность, до которой будутъ долетать отголоски поднятаго движенія. А чѣмъ дальше отъ центровъ сознательности они долетаютъ, будя все болѣе и болѣе сѣрыя массы, тѣмъ меньше поддаются учету и размѣры, и формы, и сроки проявленій массового движенія. Смущаться этимъ соціальдемократіи не приходится. Но съ другой стороны, было бы положительнымъ несчастьемъ, еслибы, увлекшись всеобщими стачками, поставившими комитеты лицомъ къ лицу съ массовикомъ, соціальдемократы забросили другія, основныя отрасли своей дѣятельности. Во времена экономизма, какъ ни гонялись за массовикомъ, ему то собственно ничего не сказали, а лишь внушили все тѣмъ же передовымъ рабочимъ нѣсколько

---

[1]) Одесская травля политиковъ этому ничуть не противорѣчитъ. Это крошечный, минутный выигрышъ зубатовцевъ въ отчаянной и теперь уже проигранной игрѣ противъ новаго революціоннаго времени.

ложныхъ мыслей, до сихъ поръ отзывающихся на ходѣ движенія.

Усиленная пропаганда, распространеніе литературы, листки, политическія демонстраціи вмѣстѣ со студентами, — все это, хотя бы прямо и не затрагивало массовика, вліяетъ на него общимъ подъемомъ окружающей его атмосферы. Спеціальныя же усилія, направленныя на стачку, могутъ не дать ровно ничего. Всеобщую стачку слѣдовало бы, мнѣ кажется, предоставить самой жизни, прилагая къ ней всѣ заботы лишь тогда, когда она сама дается въ руки. Готовиться къ ней нужно, конечно, но всего лучше воспользуется всеобщей стачкой, всего больше готовъ къ ней будетъ тотъ комитетъ, у котораго всего богаче и шире будутъ поставлены всѣ отрасли его текущей работы.

„Рев. Россіи“ кажется большимъ бѣдствіемъ недостатокъ рѣшительности со стороны революціонеровъ. Она очень сожалѣетъ, что во время волненій они не вступали (вооружившись, конечно) въ битву съ войсками.

Она напоминаетъ намъ, что многіе убитые предпочли бы смерть съ оружіемъ въ рукахъ въ уличной схваткѣ, на баррикадѣ или въ открытомъ нападеніи строя на строй. „Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью... но, вѣдь, надо же когда-нибудь начинать, и лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибнуть, спасаясь бѣгствомъ, отъ шальной пули“. „Это — старыя и простыя истины“, увѣряетъ она. Можетъ быть это и истины, но совершенно не идущія къ дѣлу. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какую именно смерть предпочли бы наши погибшіе товарищи, какъ и не въ томъ, что лично для себя предпочли бы живые революціонеры, а въ томъ, что именно требовалось ростомъ революціоннаго подъема рабочихъ массъ. А мы глубоко убѣждены, что для великой южной демонстраціи, стачки, массоваго протеста — какъ хотите, опредѣлите это движеніе — сколько нибудь стойкая битва съ войсками

была бы просто противоестественна, а попытка передовой горсти революціонеровъ — вредна. У демонстраціи, пока психически она остается демонстраціей, нѣтъ того главнѣйшаго оружія — хотя бы демонстранты и были вооружены съ головы до ногъ, — которымъ очень плохо вооруженныя или даже почти безоружныя народныя массы на западѣ столько разъ побѣждали войска. Вооружаться надо — это несомнѣнно — надо и при демонстраціяхъ, массовыхъ митингахъ, протестахъ, уже хотя бы для завершенія спасительнаго дѣйствія камней на казаковъ и полицію. Но сила далеко не въ одномъ оружіи. Какъ бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будутъ вооружены гораздо лучше. Оружіемъ массы, побѣждающимъ войска, можетъ быть лишь страстное упорство въ достиженіи опредѣленной цѣли. Народное волненіе превращается въ революцію, когда вся волнующаяся масса, объединившись на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ требованіяхъ, проникается рѣшимостью не покидать уллицы, не расходиться, не прекращать борьбы, пока эти требованія не получатъ удовлетворенія — сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ.

Такихъ требованій у возставшихъ на югѣ рабочихъ массъ не было.

Ихъ профессіональныя требованія непремѣннаго пребыванія десятковъ тысячъ на улицахъ не предполагали. Давленіе на хозяина оказываетъ самый фактъ отсутствія рабочаго изъ мастерской, а ужъ что онъ тамъ дѣлаетъ, когда не работаетъ, отдѣльному хозяину, какъ таковому, болѣе или менѣе безразлично.

Рабочіе хотѣли собираться на улицахъ, слушать рѣчи и читать листки, — все это они защищали отъ казаковъ и полиціи, но разбѣгались передъ залпами, чтобы снова собраться въ другомъ мѣстѣ. Завоевать спокойное пользованіе этими благами разъ на всегда, не сходя съ улицы, ни у массы, ни у ея вожаковъ и въ помыслахъ не было, да, вѣдь, не было, навѣрное, и ни у кого изъ соціал.-

революціонеровъ. Уличный крикъ „долой само-
державіе!“ раздается пока еще только, какъ лозунгъ,
угроза, средство агитаціи, а не какъ революціон-
ное требованіе, которое отстаивается въ упорной
битвѣ съ полнѣйшей рѣшимостью — добиться или
умереть. Отстаивать же подъ ружейнымъ огнемъ
свое пребываніе въ данную минуту на данной пло-
щади у рабочихъ не могло быть достаточныхъ
стимуловъ.

Съ другой стороны, нельзя судить и о стойко-
сти войска по его поведенію въ іюльскіе дни.
Когда на Западѣ отряды войскъ переходили на
тсорону народа, они, конечно, рисковали попла-
титься за это, если возстаніе будетъ побѣждено,
но за то въ случаѣ побѣды ихъ ожидала всеобщая
благодарность. Тамъ переходъ одного отряда уве-
личивалъ шансы побѣды, дѣйствовалъ зарази-
тельно на цѣлые полки, а затѣмъ уже простой
разсчетъ заставлялъ класть оружіе.

Совсѣмъ иное дѣло такое волненіе, при кото-
ромъ никто и не помышлялъ о немедленномъ уни-
чтоженіи власти врага; чтобы при такихъ услові-
яхъ взять на себя инищіативу перехода на сторону
народа или хотя бы открытаго отказа стрѣлять,
нужно гораздо больше героизма, чѣмъ для участія
въ какой угодно демонстраціи. Отвращеніе къ
навязываемой войску роли, совершенно достаточное
при революціи для перехода на сторону народа,
можетъ вызвать при демонстраціи лишь отсутствіе
„старанія“, смотрѣніе сквозь пальцы на побѣгъ
плѣнныхъ, стрѣльбу поверхъ головъ, которая кон-
статируется во всѣхъ корреспонденціяхъ. Для
большаго нужно уже очень широкое распростра-
неніе революціоннаго настроенія въ войскахъ. По
южнымъ волненіямъ нельзя, слѣдовательно, су-
дить ни о боевой способности рабочей массы, ни
о томъ, сколько среди войскъ людей, сочувствую-
щихъ той сторонѣ, противъ которой ихъ ведутъ.

Одна и та же причина увеличиваетъ при демон-
страціяхъ стойкость войскъ и уменьшаетъ ее среди
демонстрантовъ. Намъ кажется поэтому, что, пока

народныя волненія остаются протестами, стачками, демонстраціями (не ставятъ себѣ опредѣленной, немедленно достижимой цѣли), нападать на войска не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ; намъ кажется далѣе, что демонстрація, уступившая лишь ружейному залпу, еще не можетъ считаться неудавшейся. Другое дѣло полиція, казаки, жандармерія. Противъ этихъ спеціальныхъ и безусловныхъ враговъ движенія слѣдуетъ бороться и при демонстраціяхъ. Противъ нихъ упорная стойкость совершенно обязательна.

* * *

„Не настала ли пора подумать... какъ именно должно произойти паденіе царизма, и что станетъ непосредственно на его мѣсто? Не пора ли уже начать опредѣлять способы и пути революціи?“ спрашиваетъ кіевскій товарищъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ. „Невольно кажется“, продолжаетъ онъ, „что рѣшительная минута не такъ уже далека, и что встрѣтить ее неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана было бы величайшей ошибкой. Думаю, что, если бы въ какомъ либо изъ центровъ намъ удалось временно овладѣть властью, то эта самая побѣда, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго общерусскаго плана, обратилась бы въ пораженіе. А о побѣдѣ можно не только мечтать, но, какъ мнѣ кажется, и думать.“

Товарищъ правъ, южныя событія ручаются за то, что о побѣдѣ теперь ужъ можно, а слѣдовательно, и должно думать. Мысль должна начать иначе относиться къ идеѣ революціи, чѣмъ до сихъ поръ. Представленіе о томъ, какъ произойдетъ паденіе царизма, должно конкретизироваться. Слова „народное возстаніе“, „побѣдоносная революція“ давно знакомы нашей подпольной прессѣ. Всего больше говорилось объ этихъ вещахъ въ прокламаціяхъ начала 60-хъ гг. и въ бакунистскихъ писаніяхъ, привезенныхъ изъ-заграницы Нечаевымъ. Но тогда, поскольку эти слова не были простымъ

украшеніемъ слога, они выражали просто *вѣру*, подкрѣпляемую лишь преданіями далекой старины.

Въ текущей русской дѣйствительности не было ничего, что говорило бы о возможности близкой революціи. Думать о ней и въ то же время присматриваться къ народной массѣ, значило терять вѣру въ революцію. И въ теченіе 70-хъ гг. вѣра въ близкое народное возстаніе постепенно исчезла. Соціальдемократы знали, что пролетаріатъ революціоненъ по самому своему положенію, и этого было совершенно достаточно, чтобы работать. Но пока пробужденіе касалось только передовыхъ рабочихъ, до которыхъ могли добраться соціальдемократы, оставалось невѣдомымъ, какъ и когда проснется массовикъ, а безъ него „думать“ о побѣдоносной революціи было еще слишкомъ рано.

Ростовская стачка съ ея массовыми собраніями была первой ласточкой той весны, которая сказалась съ такой силой въ іюльскихъ волненіяхъ. Теперь впервые сама жизнь заставляетъ мысль останавливаться на конкретныхъ чертахъ этого еще недавно такого далекаго и невѣдомаго момента, заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи.

Думать о нихъ, чтобы, по возможности, предвидѣть событія, совершенно необходимо, но представить себѣ революцію совершающеюся по заранѣе составленному плану, напередъ опредѣленными путями и способами, было бы, конечно, утопіей. Это невозможно уже потому одному, что, какъ бы ни была сильна и совершенна организованность соціальдемократіи, не отъ нея одной будетъ зависѣть ходъ событій. Во первыхъ, этотъ ходъ будетъ зависѣть и отъ поведенія врага и отъ настроенія обывателя, превышающаго своею численностью всѣ заранѣе настроенные революціонно и активные элементы населенія. Наконецъ, этотъ ходъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ „общества“.

Затѣмъ въ движеніи самихъ рабочихъ массъ въ періодъ, предшествующій паденію самодержавія, всегда будетъ нѣчто не поддающееся учету, хотя бы движеніе цѣликомъ совершалось подъ вліяні-

емъ соціальдемократіи. Вѣдь русскій рабочій классъ стоитъ лишь въ началѣ своего общественнаго воспитанія, соціальдемократіи предстоитъ еще долгій путь до того момента, когда большинство рабочаго класса превратится въ сознательныхъ соціальдемократовъ. До паденія самодержавія этого не произойдетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже первые проблески пробужденія пролетаріата уничтожаютъ въ его душѣ вѣру въ неприкосновенность всего существующаго и ставятъ его въ разрѣзъ съ нашимъ полицейскимъ режимомъ.

Поэтому то только и возможна у насъ побѣдоносная революція, но поэтому же непредвидѣнныя движенія рабочихъ массъ перерастаютъ организованную работу соціальдемократовъ и — пока длится революціонный періодъ — будутъ перерастать ее, являясь въ то же время ея результатомъ.

Планъ соціальдемократіи можетъ, мнѣ кажется, состоять лишь въ опредѣленіи своей роли въ томъ ходѣ событій, который она должна предвидѣть, чтобы какъ можно сильнѣе вліять на него, но котораго она никогда не будетъ въ состояніи опредѣлить заранѣе, чтобы затѣмъ вести предначертанными путями.

Возвращаясь къ нашимъ южнымъ стачкамъ, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что работа мысли и чувства, поднятая въ массахъ участіемъ въ волненіяхъ, сдѣлаетъ ихъ еще воспріимчивѣе и, если наши комитеты окажутся хоть сколько-нибудь на высотѣ задачи, слѣдующая же волна движенія, если и начнется со всеобщей стачки, то эта стачка въ гораздо большей степени, чѣмъ на этотъ разъ, окажется лишь формой движенія. Не трудно предвидѣть, что при растущей революціонности массъ крикъ „долой убійцъ!" будетъ становиться все болѣе общимъ и изъ угрозы можетъ, наконецъ, превратиться въ цѣль, въ требованіе, а при этомъ условіи побѣда не только возможна, а, пожалуй, и, неизбѣжна.

Если бы революція могла совершаться по плану, она, разумѣется, должна бы начаться

въ столицѣ. Здѣсь уничтоженіе власти врага сразу лишило бы силы весь правительственный механизмъ во всей провинціи. Но въ настоящій моментъ большая революціонная подвижность юга заставляетъ допустить возможность другого хода русской революціи.

Если бы кіевское: „долой убійцъ!“ изъ простого выраженія ненависти перешло въ дѣло, и мѣстные инипіаторы убійствъ вынуждены были такъ или иначе стушеваться передъ народнымъ гнѣвомъ, если бы даже примѣру Кіева послѣдовали всѣ революціонные центры юга, — все это само по себѣ еще не означало бы сверженія также и петербургскихъ убійцъ. Имъ всетаки потребовался бы окончательный толчекъ, хотя, несомнѣнно, что сила сопротивленія ихъ была бы громадно ослаблена.

Едва-ли можно усомниться въ томъ, что въ Петербургѣ сознательныхъ революціонныхъ силъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и трудно допустить, чтобы здѣсь рабочая масса, даже самая „сѣрая“, оставалась совсѣмъ незатронутой революціоннымъ временемъ. Но и у врага силъ въ Петербургѣ тоже больше, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь для взрыва, быть можетъ, недостаточно одного накопленія революціонной потребности въ свободномъ проявленіи своихъ силъ. Здѣсь, быть можетъ, нужно внѣшнее событіе, дѣлающее возстаніе обязательнымъ именно въ данный моментъ.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей Европы середины XIX вѣка, тотъ знаетъ, конечно, что мартовскія событія въ Берлинѣ и Вѣнѣ были вызваны февральской революціей въ Парижѣ. Нѣмецкое студенчество давно уже было настроено революціонно, пробужденіе рабочаго класса въ Германіи дѣлало огромные успѣхи; ясно, однако, что самымъ ходомъ движенія революціонный взрывъ вовсе не былъ еще пріуроченъ непремѣнно къ марту 48 г. Но очень распространенное знаніе исторіи французскихъ революцій, разсказы о которыхъ служили агитаціоннымъ матеріаломъ, и еще шире разлившееся ожиданіе, что на этотъ разъ революція во

Франціи послужитъ сигналомъ и для нѣмецкаго освобожденія, — все это придало вѣсти о февральской революціи такую волнующую силу, что двухъ недѣль, прошедшихъ отъ первыхъ извѣстій о ней до мартовскихъ дней въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, было достаточно, чтобы довести броженіе до окончательнаго взрыва.

Не суждено ли побѣдоносной революціи на нашемъ югѣ сыграть по отношенію къ сѣверу роль революціоннаго Парижа для Германіи?

Кіевскій товарищъ сто разъ правъ, говоря, что встрѣтить рѣшительныя минуты, не подготовившись къ нимъ, было бы величайшей ошибкой со стороны соціальдемократіи. Но первымъ шагомъ этой подготовки должно быть, по нашему мнѣнію, не составленіе плана, а усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а можетъ быть, и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ.

Соціальдемократическая рабочая партія должна освоиться съ этой мыслью и пріучить къ ней все остальное населеніе. Широкое распространеніе увѣренности въ близкой революціи — это половина побѣды. Эта увѣренность должна какъ можно дальше проникнуть въ крестьянство. Къ активному участію въ революціи должно усиленно готовиться наше студенчество. Къ мысли о ея неизбѣжности должно привыкнуть даже общество, продолжающее „не вѣрить“ въ революцію, тогда какъ именно побѣдоносная революція становится теперь уже единственнымъ способомъ освобожденія, въ который нѣтъ надобности „вѣрить“, о которомъ уже поздно мечтать, а остается „думать“, какъ облегчить его ходъ и уменьшить количество уже льющейся крови.

Конкретные планы опредѣленныхъ дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, примѣнительно къ тому или другому городу, могутъ начать вырабатываться лишь въ атмосферѣ, уже насыщенной ожиданіемъ близкой революціи. Они не могутъ, конечно, об-

суждаться ни въ печати, ни на широкихъ собраніяхъ, но для того, чтобы тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ могъ выработать жизненный планъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи должна думать и чувствовать въ унисонъ окружающая его среда.

В. Засуличъ.

і
д
н
в
б
д
и
у
к
уз
об
лі

то
ил
ли
бл

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Priz 1 franc.